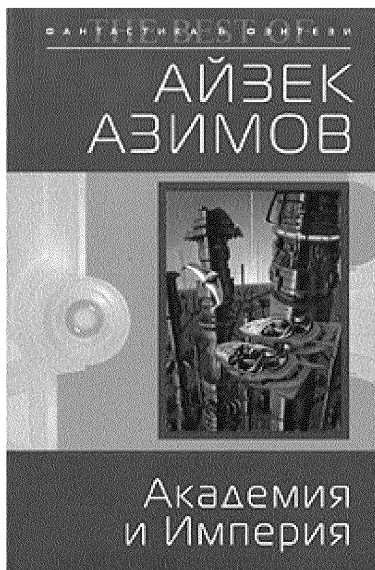

Айзек Азимов
Академия и Империя
Академия [Основание] – 4

«Академия и Империя»: Эксмо; 2005
ISBN 5-699-11111-5

Оригинал: Isaac Asimov, "Foundation and Empire"
Перевод: Надежда А. Сосновская

Аннотация

Империя, затухающая, но все еще великая и могучая, не сдается. Последний имперский генерал, командующий пограничным флотом выходит на след Основания и видит в нем реальную угрозу для Трантора. Он решает дать финальный бой отщепенцам-ученым...

Айзек Азимов
Академия и Империя

Пролог

Галактическая Империя умирала...

Это была грандиозная Империя, в которую входили миллионы звездных миров от края до края колоссальной спирали Млечного Пути. Упадок ее, как и ее размеры, был грандиозен и долог.

Он продолжался уже несколько столетий к тому времени, когда один-единственный человек понял это. Этим человеком был Гэри Селдон. Именно ему удалось пролить свет на то, что совершалось в те дни. Он развил и привел к высотам совершенства науку психоисторию.

Психоистория в основу своих исследований положила не поведение отдельных людей, а действия крупных человеческих сообществ. С ее помощью можно было прогнозировать реакции миллиардных масс на различные стимулы с точностью, с которой любая другая наука не могла бы рассчитать траекторию движения билиардного шара. Реакцию отдельного человека математическими методами прогнозировать практически невозможно, но реакции

миллиардных масс людей такому анализу поддаются.

Гэри Селдону удалось построить графики тенденций социального и экономического хода событий. Изучив их, он предсказал устойчивый и ускоряющийся упадок цивилизации и указал на то, что промежутки хаоса и мрака до возникновения новой Империи, способной восстать из пепла и руин, займет тридцать тысячелетий.

Остановить процесс упадка было уже невозможно, но еще не поздно было попытаться сократить продолжительность периода хаоса и анархии. Селдон основал две Академии на разных концах Галактической спирали. Их местоположение было избрано с таким расчетом, чтобы всего лишь за одно тысячелетие преодолеть период хаоса вместо тридцати, а эти два научных убежища должны были стать зародышами новой, более мощной и более гуманной Второй Империи.

В книге «Академия» (Foundation, 1951) излагается история первой из двух Академий на протяжении первых двух веков ее существования.

История первой Академии берет начало с высадки ученых-физиков на Терминусе, планете, расположенной на самом краю дальнего витка Галактической спирали. Изолированные от центра Империи, ученые работали над созданием универсального хранилища знаний человечества – «Галактической Энциклопедии», не помышляя о более важной роли, уготованной им покойным Гэри Селдоном.

Империя загнивала, и отдельные провинции оказались в руках новоиспеченных «независимых» королей. Они угрожали Академии. Однако, умело восстанавливая каждого из опереточных правителей против остальных, Академия, под руководством своего первого мэра, Сальвора Гардина, сохраняла зыбкое равновесие. Будучи монопольным владельцем секрета производства атомной энергии среди миров, утративших научные знания и вернувшихся к таким примитивным источникам энергии, как уголь и нефть, Академия сумела добиться перевеса сил в свою сторону.

Впоследствии Академия развила обширнейшие торговые связи с Периферией, а издательство Энциклопедии отошло на второй план. Торговцы из Академии, поставлявшие в соседние миры уникальные по своей компактности и удобству атомные приспособления, которые не производились в Империи даже в ее лучшие дни, отправлялись с товарами за сотни световых лет от Академии, по всей Периферии Галактики.

Во времена правления Хобера Мэллоу, первого из Торговых Королей Академии, была успешно применена тактика экономической блокады в войне с республикой Кореллия, несмотря на то что этот мир получал помощь и поддержку от одной из внешних провинций полуразрушенной Империи.

К концу второго века своего существования Академия стала одним из могущественнейших государств Галактики, за исключением останков Империи, которые сконцентрировавшись в средней трети Млечного Пути, все еще держали под контролем три четверти населения и богатств Галактики.

Не было никаких сомнений в том, что ближайшей угрозой безопасности Академии будет последний взрыв агонии умирающей Империи.

Наставало время для решающей схватки между Академией и Империей...

Часть первая Генерал

Глава первая В поисках волшебников

Бел Риоз – ...Завремя своей относительно короткой карьеры Риоз заработал титул «Последнего Империалиста» – и не зря. Изучение отчетов о его боевых операциях ставит его как стратега в один ряд с Пюрифуа и показывает, что он превосходил последнего по таланту

обращения с подчиненными. То, что он родился в дни заката Империи, лишило его возможности сравняться с Пюрифуа в масштабах военных завоеваний. Такой шанс у Риоза появился, когда он, первый из имперских генералов, столкнулся лицом к лицу с Академией...

Галактическая энциклопедия¹

Бел Риоз ехал без эскорта, что было явным нарушением дворцового этикета и к тому же весьма небезопасно для командующего флотом, оккупировавшим беспокойную звездную систему Галактической Империи.

Но Бел Риоз был молод и полон сил – поэтому именно его сочли наилучшей кандидатурой для того, чтобы послать чуть ли не на край Вселенной. Сановники Императора были люди малоэмоциональные и исключительно расчетливые, но любопытные. Именно любопытство, подогреваемое странными, невероятными рассказами, перевираемыми, обрастающими немыслимыми подробностями при передаче из уст в уста, и руководило особами, приближенными к Императору, а отсутствие воображения и трезвый расчет заставляли их всюду подозревать военную угрозу. Все это вместе взятое и было причиной присутствия здесь Бела Риоза.

Он вышел из разболтанного, дребезжащего такси у обшарпанного особняка. Глазок фотоэлемента на двери загорелся, но открыл ее сам хозяин.

– Я – Риоз.

– Я узнал вас, – без тени удивления ответил старик, стоя в дверном проеме. – Что вам угодно?

Риоз сделал шаг вперед, намекая, что хочет войти.

– Если вы Дьюсем Барр, мне хотелось бы поговорить с вами.

Дьюсем Барр отступил в сторону, пропуская гостя. Внутренние стены дома, подсвеченные дневным светом, ожили. Риоз коснулся степы кабинета рукой и удивленно взглянул на кончики собственных пальцев.

– Вот как? У вас в Сивенне и это есть?

Барр мягко улыбнулся.

– Думаю, не везде. Мне приходится самому следить за тем, чтобы они работали. Прошу прощения, что заставил вас ждать у двери. Фотоэлемент только сообщает о приходе гостя, а открывать приходится самому.

– Что, плохо починили? – с едва заметной насмешкой поинтересовался Риоз.

– Видите ли, запасные части раздобыть просто невозможно. Прошу садиться. Выпьем чаю?

– Мой добрый господин, вы могли бы и не спрашивать! Здесь просто нельзя не пить чай – у вас в Сивенне это просто ритуал какой-то!

Старый патриций с достоинством кивнул и удалился. В манерах его чувствовалось благородство лучших времен прошлого века.

Риоз проводил взглядом удаляющуюся фигуру хозяина и невольно поежился. Он был военным – и по образованию, и по всему жизненному опыту. Он, как говорится, не раз смотрел смерти в глаза, и эти глаза ему были хорошо знакомы и не могли напугать. Но совершенно неудивительно, что боготворимый своими подчиненными лев Двадцатого Флота Империи чувствовал себя не в своей тарелке в затхлой атмосфере старинного особняка.

Генерал догадался, что черные с золотым тиснением коробки на полках вдоль стен – книги. Названия их были ему незнакомы. Он догадался также, что большое неуклюжее устройство в углу кабинета – не что иное, как видеопреобразователь, с помощью которого можно посмотреть и послушать любую книгу. Генерал ни разу в жизни не видел, как работает

¹ Все цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116 Издания, опубликованного в 1020 году А. Э. Компанией по издательству Галактической Энциклопедии, Терминус, с разрешения Издательства.

такой преобразователь – только слышал.

Ему говорили, что давным-давно, в дни Золотого Века Империи, в девяти из десяти домов по всей Галактике были такие преобразователи и такие полки, полные книг.

Теперь были другие времена – нужно было охранять границы, и книгами интересовались только старики. Да и добрая половина рассказов про старые времена была переврана и приукрашена.

Вернулся хозяин и принес поднос с чаем. Риоз сел. Дьюсем Барр церемонно приподнял чашку.

– За ваше здоровье.

– Благодарю. И за ваше.

Дьюсем Барр осторожно поинтересовался:

– Мне говорили, что вы молоды. Сколько же вам лет? Тридцать пять?

– Почти угадали. Тридцать четыре.

– Ну что ж, в таком случае я сразу хочу вас предупредить, что не смогу предложить вам ни приворотного зелья, ни любовных заговоров – словом, ничего такого, что могло бы вам помочь овладеть сердцем какой-нибудь молодой леди.

– Но в этих делах я, как правило, обхожусь без посторонней помощи, сэр, – ответил генерал с искренним удивлением. – А что, к вам часто обращаются за услугами такого рода?

– Да, представьте себе, довольно часто. К сожалению, в наши дни темные люди путают ученых с волшебниками, колдунами, а любовные дела кажутся им наиболее подходящими для чародейства.

– Ну что ж, это вполне естественно, – усмехнулся Риоз, – Но лично я так не думаю. Я считаю, что наука помогает найти ответы на трудные вопросы.

Сивеннианец пожал плечами.

– Не исключено, что вы ошибаетесь не меньше остальных.

– Может быть. А может быть, и нет.

Молодой генерал поднес свою чашку к блестящему цилиндру, и она тут же наполнилась кипятком. Хозяин передал ему небольшую баночку с искусственным концентратом чая. Риоз капнул в чашку немного концентрата.

– В таком случае скажите-ка мне, патриций, кто же такие волшебники? Настоящие волшебники.

Барр, казалось, был не на шутку поражен вопросом.

– Никаких волшебников не существует.

– Но люди говорят о них. Сивенна просто кишит рассказами про волшебников. Нечто вроде культа, что ли? Может быть, я и не прав, но есть какая-то странная взаимосвязь между этими байками и мечтами кое-каких ваших сограждан о временах былой свободы и независимости. Поймите, в конце концов речь идет о безопасности государства.

Старик покачал головой.

– А почему вы меня об этом спрашиваете? Неужели вы подозреваете, что затевается мятеж и я могу его возглавить?

Риоз поежился.

– Ну что вы! Нет, конечно. Хотя, это не такая уж нелепая мысль. В свое время ваш отец был изгнанником, а вы в свое – патриотом и националистом. Пожалуй, мне, как гостю, невежливо напоминать вам об этом, но к тому вынуждает меня моя миссия здесь, в Сивенне. Но чтобы до сих пор сохранялась какая-то конспирация, подполье... Нет. Сомневаюсь. Этот дух выкорчеван в Сивенне. Уже три поколения ни о чем таком не помышляют.

Старик тяжело, тщательно подбирая слова, ответил:

– Наверное, я покажусь вам столь же негостеприимным хозяином, как вы мне – неучтивым гостем. Позволю себе напомнить вам, что когда-то и вице-король, точно как вы сейчас, полагал, что дух свободомыслия у сивеннианцев выбит на веки вечные. По вине этого вице-короля мой отец стал отшельником и презренным нищим, мои братья погибли мученической смертью, а моя сестра покончила с собой. Однако вице-король и сам умер

страшной смертью от рук тех самых сивеннианцев, которых он считал бессловесными рабами.

– Да, вот именно. Вот вы сами и завели этот разговор. Я, видите ли, уже три года размышляю о загадочной гибели вице-короля. В его личной гвардии был один молодой солдат, деятельность которого весьма и весьма занимательна. Этим солдатом были вы, патриций, и, думаю, подробности уточнять не стоит.

– Не стоит, – спокойно отозвался Барр. – Что вам угодно?

– Мой добрый господин, – лениво проговорил Риоз, – времена нынче тяжелые, а у вас дети и друзья. Есть страна, которую вы, по всей видимости, любите и тоскуете по ее славному прошлому. Так что, если я буду вынужден применить силу...

– Чего вы хотите от меня? – холодно оборвал его Барр.

Покачивая пустой чашкой, Риоз ответил:

– Послушайте, патриций! В наши дни из военных преуспевают болваны, что вышагивают в парадной форме, завешав всю грудь орденами, на празднествах в императорском дворце и, задрвав нос, эскортируют в разукрашенных звездолетах Его Императорское Величество в летнюю резиденцию. Я... в этом смысле – неудачник. Неудачник в тридцать четыре года, и неудачником останусь. Потому что я – солдат. Моя стихия – сражения. Вот почему меня послали сюда. При дворе меня, честно говоря, не слишком жалуют. Я, видите ли, не вписываюсь в рамки придворного этикета! Меня не терпят щеголи-адъютанты и чванливые господа-адмиралы, но зато лучше меня просто не найти, когда нужно кого-нибудь послать к черту на кулички, чтобы он там сгинул поскорее. Сивенна для такой цели местечко – лучше не придумаешь. Пограничный мир, мятежная, оккупированная провинция. Она так далеко от двора, что они там просто счастливы. А я торчу здесь – и гнию! Никакими мятежами тут и не пахнет, да и соседние вице-короли в последнее время притихли, особенно после того, как славной памяти папаша Его Императорского Величества задал им перцу в духе Монтеля Парамайского.

– Сильный был Император, – пробормотал Барр.

– Да. И нужны нам именно такие, как он. Прошу не забывать, мой хозяин – Император. Его интересы – это мои интересы.

– Какое отношение это имеет, к делу? – пожал плечами Барр.

– В двух словах: волшебники, о которых я упомянул, если верить сказкам, издавна, откуда-то из-за границ Империи, где звезды рассеяны редко...

– Где звезды рассеяны редко, – повторил за ним Барр, – и свет их душу холодит...

– Это что – стихи? – нахмурился Риоз. Ему было явно не до стихов. – Так вот, они явно с Периферии, волшебники эти, то есть из единственного района Галактики, где я беспрепятственно могу сражаться за честь Императора.

– Конечно же, исключительно из соображений служения интересам Его Величества и удовлетворения собственной жажды сражений?

– Вот именно. Однако я должен знать, с кем сражаюсь, и в этом вы можете мне помочь.

– Почему вы в этом так уверены?

Риоз откусил немного печенья.

– Потому что уже три года я не пропускаю мимо ушей ни одной побасенки, ни одного словечка, оха, вздоха из того, что говорят о волшебниках, и из всего того объема информации, которым я теперь располагаю, только два момента связаны между собой, и, естественно, только они и правдивы. Первый факт – волшебники прилетали с того края Галактики, что лежит как раз против Сивенны, а второй – это то, что у вашего отца была встреча с волшебником, живым и настоящим, и он с ним разговаривал.

Барр задумчиво проговорил:

– Да, пожалуй, я мог бы вам кое-что рассказать. Это будет мой собственный маленький психоисторический эксперимент.

– Какой эксперимент? – сощурился Риоз.

– Психоисторический, – усмехнулся старик. – Вы бы налили себе еще чаю. Рассказ будет долгий...

И старый патриций откинулся на мягкую спинку кресла. Светящиеся стены отбрасывали розовато-золотистый свет, смягчавший даже жесткоочерченный профиль генерала.

Дьюсем Барр начал свой рассказ...

– То, что я знаю, – это результат двух случайностей. Во-первых, я сын своего отца, во-вторых – я родился в этой стране. История начинается сорок лет назад, во времена Великого Побоища, когда мой отец жил отшельником в лесах Юга, а я был стрелком в личной гвардии вице-короля. Того самого вице-короля, между прочим, который и учинил Побоище, а потом погиб такой жестокой смертью. – Барр печально улыбнулся и продолжал: – Мой отец был Патрицием Империи и Сенатором Сивенны.

Риоз нетерпеливо прервал его:

– Причины и обстоятельства изгнания вашего отца мне хорошо известны. Незачем на них останавливаться.

Сивеннианец, не обратив никакого внимания на замечание Риоза, продолжал:

– Однажды отшельническое жилище моего отца посетил незнакомец. Торговец с края Галактики. Это был молодой человек, говоривший со странным акцентом, ничего не ведавший о последних событиях имперской истории. Самое главное: его окружало персональное защитное силовое поле.

– Персональное силовое поле? – воскликнул Риоз. – Ну вы даете, патриций! Какой же величины должен быть генератор, чтобы создать такое поле? Черт подери, он должен был таскать за собой повсюду тысячи миллионов тонн ядерного топлива! На чем? На маленькой тележке?

Барр невозмутимо продолжал:

– Это и был тот самый волшебник, о котором вы слышали столько сказок и небылиц. По большому счету, звание это он заслужил не зря. Никакого генератора таких размеров, о каких говорите вы, у него не было. Но даже такое мощное оружие, как то, что висит у вас на поясе, не могло бы пробить его защитного поля.

– И это все? Значит, все рассказы о волшебниках основаны на старческой болтовне одинокого, выжившего из ума изгнанника?

Барр вспыхнул, но сдержался.

– Рассказы о волшебниках слыхивал и мой отец, сэр, еще до этой встречи. Но есть и более точные факты. Покинув дом моего отца, этот торговец, которого в народе называют волшебником, посетил одного технолога в городе, дорогу к которому указал мой отец. Там торговец оставил генератор защитного поля такого же типа, какой был у него самого. Этот генератор попал в руки моего отца, когда он вернулся в город после казни ненавистного вице-короля. Прошло еще много времени, пока удалось...

Генератор висит на стене, у вас за спиной, сэр. Он сломан. Проработал он всего два дня. Но если вы внимательно рассмотрите его, то сразу убедитесь, что сделан он не в Империи.

Бел Риоз потянулся и снял со стены плоскую металлическую цепочку – пояс. Его внимание привлекло эллипсоидное утолщение на конце цепочки размером с лесной орех.

– Это... – пробормотал он удивленно.

– ...было генератором, – кивнул Барр. – Но это был генератор. Как он действовал, сейчас определить невозможно. Исследования на субэлектронном уровне показали, что все структуры сплавлены в цельный кусок металла, и никакие, самые тонкие методы дифракции не смогли продемонстрировать, каким было его устройство до сплава.

– Извините, но все равно выходит, что все ваши «доказательства» зиждутся на пустословии и никаких конкретных фактов попросту нет.

Барр пожал плечами.

– Вы просили меня рассказать все, что мне известно, и угрожали применить силу, если я откажусь. Если вы предпочитаете относиться к тому, что я вам рассказал, скептически, я-то что могу поделать? Вы не хотите больше слушать?

– Продолжайте! – рявкнул генерал.

– После смерти отца я продолжил исследования, и тут мне на помощь пришла вторая из

двух случайностей, о которых я упоминал. Сивенна была известна Гэри Селдону.

– Кто такой Гэри Селдон?

– Гэри Селдон – выдающийся ученый расцвета Империи, времен царствования Далубена IV. Он был психоисториком, последним и величайшим из психоисториков. Однажды, в те времена, когда Сивенна была процветающим центром торговли, науки и искусства, он побывал здесь.

– Хм-м... – хмыкнул пренебрежительно генерал. – В наши дни просто невозможно отыскать ни одной заброшенной, полуразрушенной планеты, жители которой не клялись бы и не божились, что в старые добрые времена их планета процветала!

– Я говорю о временах двухсотлетней данности, когда власть Императора простиралась до самых дальних звезд, а Сивенна была столицей внутренней, а не полуварварской пограничной провинции! В те дни Гэри Селдон предсказал будущий упадок имперского могущества и постепенное воцарение варварства во всей Галактике.

Риоз громко расхохотался.

– Вот как? Но его предвидения не оправдались, уважаемый ученый! Вы ведь так себя называете? Империя сейчас сильна как никогда! Ваши глаза просто ослепли от старости и дальше собственной границы не видят. Взяли бы да слетали во внутренние миры разок, да посмотрели бы, как там тепло и прекрасно!

Старик грустно покачал головой.

– Упадок начинается с дальних границ. Пройдет время, и он доберется до сердца Империи. Я говорю о внешних признаках упадка, видимых невооруженным глазом, которые отличаются от малозаметных внутренних признаков так же, как рассказ, сочиненный пятнадцать столетий назад, от того, как его рассказывают теперь.

– Стало быть, этот ваш Гэри Селдон предсказал, что вся Галактика потонет в пучине варварства? – добродушно усмехнулся Риоз. – Ну, а что потом, а?

– Он основал два убежища на разных концах Галактики – две Академии, где собрал самых лучших, самых молодых, самых сильных, чтобы они выросли там. Миры для размещения Академий выбирались не случайно, так же как и время их основания, и их окружение. Все было продумано таким образом, чтобы будущее, предсказанное математико-психоисторическими методами, привело к быстрой изоляции Академий от центра Имперской цивилизации и к тому, чтобы Академии стали зародышами Второй Галактической Империи и помогли бы сократить период неизбежного мрака, упадка и варварства до одного тысячелетия вместо тридцати.

– А откуда вы знаете все это? У вас просто-таки недюжинные познания в этой области!

– Я не занимался этим специально, – спокойно ответил патриций. – Это всего-навсего результат мучительных раздумий в попытке связать между собой разрозненные факты, известные моему отцу, да кое-что, что удалось разузнать мне самому. Фундамент моих знаний зыбок, а надстройка сильно романтизирована, в ней огромные пробелы. Однако я убежден, что здесь есть большая доля правды.

– Мне остается сделать вывод, что вы легко внушаемы.

– Я? Да на это потрачено сорок лет упорного труда!

– Хм-м... Сорок лет! Да я бы за сорок дней во всем разобрался! И, видимо, придется. Только по-другому.

– И как же вы собираетесь это сделать?

– Да очень просто. Например, стану первопроходцем и отыщу эту вашу Академию. И посмотрю на нее собственными глазами. Вы сказали, их две?

– Так говорят исторические документы. Но достоверная информация имеется только об одной Академии. Это и понятно, потому что вторая Академия должна находиться на более отдаленном краю Галактической спирали.

Генерал встал, поправил портупею.

– И вы знаете, куда лететь?

– Вроде бы, да. В жизнеописании последнего вице-короля, того самого, которого вы так ловко отправили на тот свет, есть весьма подозрительные упоминания о дикарях из внешних

миров. В общем, одна из дочерей вице-короля была отдана замуж за варварского царька. Так что, уж что-что, а дорогу я найду.

Он протянул старику руку на прощание.

– Благодарю за гостеприимство. Дьюсем Барр слегка коснулся пальцами жесткой ладони генерала и церемонно кивнул.

– Ваш визит – большая честь для меня.

– Так же, как и информация, которую вы мне сообщили, – кивнул в ответ Бел Риоз. – Я подумую, как отблагодарить вас, когда вернусь.

Дьюсем Барр смиренно проследовал за гостем до двери и вслед удаляющемуся автомобилю тихо проговорил:

– Если вернешься...

Глава вторая Волшебники

Академия – ...После сорокалетней успешной экспансии своего могущества Академия столкнулась с угрозой нападения Риоза. Эпохальные дни Гардина и Мэллоу миновали, а с ними ушла в прошлое и смелость в принятии решений...

Галактическая энциклопедия

В тихой дальней комнате, где никто не мог их побеспокоить, заседали четверо мужчин. На длинном столе, разделявшем их, стояло четыре бутылки и столько же до краев наполненных бокалов, но до сих пор никто не сделал ни глотка. И, судя по всему, не собирался.

Тягостное молчание нарушил мужчина, сидевший ближе к дверям. Он нервно забарабанил кончиками пальцев по крышке стола и сердито поинтересовался:

– Ну, что, так и будем в молчанку играть? Не все ли равно, кто первым возьмет слово?

– Вот вы и начните, – предложил толстяк, сидевший напротив. – Вас же это больше всех касается.

Сеннет Форрел угрюмо усмехнулся.

– Потому что я богаче вас, что ли? Или вам кажется, что я и дальше намерен продолжать в том же духе? Это я к тому, чтобы напомнить вам, что именно мой собственный Торговый Флот захватил их шпионский корабль.

– У вас самый крупный флот, – пожал плечами третий из присутствующих. – И пилоты самые лучшие. То есть вы действительно самый богатый среди нас. Это был большой риск, конечно, но для любого из нас он был бы большим, чем для вас, согласитесь!

Сеннет Форрел снова усмехнулся.

– Да... Способность рисковать я унаследовал от отца. Но, главное, чтобы риск был оправдан. В данном случае он был оправдан, поскольку вражеский корабль был захвачен без потерь для нас и без угрозы для остальных.

Форрел был дальним родственником великого Хобера Мэллоу. Это было известно в Академии всем и каждому. Однако ходили упорные слухи, что степень его родства с Мэллоу более близка, а именно, что Форрел его незаконнорожденный сын.

Четвертый собеседник хитро прищурился и проговорил, как бы процеживая слова сквозь узкие губы:

– А по-моему, нечего особенно гордиться и успокаиваться. Подумаешь, кораблик захватили. Скорее всего, мы просто раздрадили того молодого человека, что побывал у нас недавно.

– А вам что же, кажется, – саркастично поинтересовался Форрел, – мы должны были перед ним расшаркаться и вежливо разъяснить ему мотивы наших действий?

– Представьте себе, кажется! По крайней мере, тогда ему не пришлось бы сочинять их за нас. Хобер Мэллоу действовал в таких ситуациях иначе. И Сальвор Гардин тоже. Применять

силу они предоставляли другим, сами же действовали спокойно и уверенно.

Форрел пожал плечами.

– Однако захват корабля оправдался. Если уж на то пошло, мотивы наших действий недороги и продали мы их с выгодой.

Последнюю фразу он произнес с гордостью прирожденного Торговца.

– Этот молодой человек – из старой Империи.

– Это нам известно, – ворчливо прервал его толстяк.

– Для нас это не было неожиданностью, – продолжал Форрел. – Понимаете, даже когда кто-то явится с кучей звездолетов и заверениями в лучших прениях, его не следует вот так сразу заворачивать восвоей, пока не убедишься доподлинно, нет ли чего подозрительного под камуфляжем торговли. Но сейчас...

Третий мужчина оборвал его:

– Но сейчас нам следовало бы быть еще более осторожными. Надо было сначала все выяснить. До того как мы позволили ему спокойно улететь. Вот это было бы по-настоящему мудро.

– Эту идею мы обсуждали и в конце концов от нее отказались.

Резким жестом Форрел дал присутствующим понять, что этот вопрос обсуждению не подлежит.

– Правительство у нас нынче слабое... – пробурчал третий, – а мэр – так тот просто идиот!

Четвертый мужчина обвел взглядом присутствующих и губами перебрал напополам выкуренную сигару из одного края рта к другому. Убедившись, что сигара безнадежно погасла, он вынул ее изо рта, положил окурочок в дезинтегратор справа от себя, где тот вспыхнул и исчез. В голосе его звучала нескрываемая ирония.

– Я надеюсь, что джентльмен, произнесший последние слова, сказал их исключительно по привычке. В этом кругу нет необходимости напоминать, что правительство – это мы.

Остальные одобрительно закивали.

Четвертый прищурил маленькие глазки и продолжил, уставившись в одну точку:

– Так что болтовню о политике правительства лучше оставим. Этот молодой человек... этот чужестранец, действительно, запросто мог оказаться обычным торговым агентом. Такие случаи бывали. И вы трое пытались поначалу заключить с ним торговое соглашение. Торгового не вышло – вышло джентльменское, но... вы пытались...

– Так же, как и вы, между прочим, – буркнул второй.

– Не отрицаю, – кивнул четвертый.

– Предлагаю забыть о том, чем мы занимались раньше, – нетерпеливо вмешался Форрел. – Давайте лучше обсудим, чем нам заниматься теперь. Да, черт подери, мы могли взять его под стражу, пытать, убить – наконец! Чего бы мы добились? Да, его намерения остались нам неясны, но зато другое ясно как божий день: нельзя победить Империю, прикончив одного человека. Неужели непонятно, что его возвращения или невозвращения где-нибудь неподалеку мог ожидать целый флот!

– Запросто! – согласился четвертый. – А что вам удалось выудить при осмотре захваченного корабля? Только коротко, от нудных подробностей я быстро устаю.

– Можно и без подробностей, – угрюмо буркнул Форрел. – Он – имперский генерал или что-то в этом роде. Я не так уж хорошо разбираюсь в имперской табели о рангах. Он молод, прославился военными подвигами – так мне говорили. Подчиненные его просто боготворят. Карьеру сделал поистине романтическую. Наверняка половина рассказней о его победах – вранье, но это ни в коей мере не умаляет значимости его фигуры.

– А кто это «они»? Кто рассказывает? – поинтересовался второй.

– Команда захваченного корабля. Видите ли, я взял на себя труд заснять все беседы на микропленку, которая хранится в надежном месте. Позднее, если вам будет интересно, вы можете ознакомиться с фильмами. Впрочем, можете и сами с ними побеседовать. А главное я вам сказал.

– А каким образом вам удалось вытрясти из них все это? И уверены ли вы, что они

говорят правду?

Форрел нахмурился.

– А я с ними не церемонился. Действовал жестко. И к тому же безжалостно использовал психотест. Они не могли не говорить. И говорили правду, будьте уверены.

– В прежние времена, – осуждающе пробурчал третий, – обошлось бы чистой психологией. Безболезненно, знаете ли, и очень надежно. И никаких шансов соврать.

– Мало ли чего хорошего было в старые времена, – сухо отозвался Форрел. – Теперь времена другие.

– И все-таки, – поинтересовался четвертый, – что нужно было здесь этому генералу, любимцу подчиненных?

Форрел сверкнул глазами.

– Вы что, думаете, он солдатам государственные тайны выдает? Они этого не знали. Ничего такого выудить у них не удалось, хотя я очень старался, видит бог.

– Значит, нам остается...

– Делать выводы самостоятельно, вне всякого сомнения.

Форрел снова забарабанил пальцами по столу.

– Этот молодой человек – видный военный деятель Империи, однако он упорно пытался выдать себя за второстепенного князька малюсенького звездного княжества где-то на дальних окраинах Периферии. Одно это говорит само за себя – он не желал, чтобы истинные мотивы его присутствия здесь стали нам известны. А теперь попробуйте поразмыслить: он военный, а Империя уже пыталась напасть на нас однажды – во времена моего отца. Все становится очевидным. Первая атака провалилась. Сомневаюсь, чтобы с тех пор Империя питала к нам большую любовь.

– И все-таки вашим выводам недостает конкретности. Вы ничего не скрываете? – осторожно поинтересовался четвертый.

Форрел спокойно ответил:

– Мне нечего скрывать. Теперь вопрос о торговом этикете просто-напросто снимается с повестки дня. Существует прямая угроза.

– Патриотизм? – усмехнулся третий.

– К дьяволу патриотизм, – отмахнулся Форрел. – Неужели вы думаете, что меня хоть в какой-то степени заботит судьба и будущее Второй Империи? Вы что, всерьез полагаете, что я пожертвую хоть одной торговой миссией, чтобы расчистить мифическую дорогу для Второй Империи? И с другой стороны – неужели вы думаете, что имперское вторжение сильно поможет моему – и вашему, господа, – бизнесу? Если Империя победит, соберутся огромные стаи ворон, чтобы поживиться трупами!

– И вы считаете, что трупами будем мы, – закончил четвертый.

В комнате повисла гнетущая пауза. Нарушил ее третий. Он резко повернулся в кресле, так что оно угрожающе закрипело.

– Не понимаю, что толку об этом разглагольствовать. Ведь Империя не может победить. По определению – не может! Гэри Селдоном доказано, что Вторую Империю как-никак основывать нам. Это просто очередной кризис. Было уже три – и сплыло!

– Вот-вот! Очередной кризис! – рявкнул Форрел. – Только во времена первых двух нами руководил Сальвор Гардин, а третий разрешил Хобер Мэллоу, царство ему небесное. А теперь – кто?!

Он обвел присутствующих суровым взглядом.

– Законы психоистории, открытые Гэри Селдоном, на которые так удобно полагаться, по всей вероятности, учитывают в качестве одной из переменных некоторые нормальные проявления инициативы Академии. Законы Селдона помогают тем, кто сам себе помогает.

– Времена меняют людей, – сказал третий. – Вот вам еще одна поговорочка.

– Вот уж на что нельзя рассчитывать! – хмыкнул Форрел, – Мне сейчас все видится вот в каком свете: если это четвертый кризис, значит, Гэри Селдон его предвидел. Если это так, его можно преодолеть и должен быть какой-то выход.

Сейчас Империя сильнее нас, да и всегда была сильнее. Но с угрозой прямого нападения мы сталкиваемся впервые, и в этой ситуации мощь Империи действительно опасна. Если мы и сумеем ее победить, то опять-таки не за счет применения грубой силы, как и во времена предыдущих кризисов. Мы должны найти слабое место врага – и атаковать именно в этом месте.

– И что же это за слабое место? – поинтересовался четвертый. – Уже есть какая-то идея?

– Нет. Я скажу вам прямо. Великие наши лидеры всегда ухитрялись найти слабое место врага и, повторяю, били именно по нему. А сейчас... – он безнадежно махнул рукой и замолчал. Молчали и все остальные.

– Нам нужны шпионы, – пришел па помощь Форрелу четвертый.

Форрел резко повернулся к нему.

– Верно! Я не знаю, когда именно Империя собирается атаковать. Может, у нас еще есть время!

– Хобер Мэллоу в свое время лично посетил доминион Империи, – осторожно проговорил второй.

Форрел отрицательно покачал головой.

– Нет, ничего такого делать не будем. Мы не так молоды. Для такого дела нужны молодые ребята, которые сейчас на заданиях.

– Независимые Торговцы? – спросил четвертый.

Форрел склонил голову и прошептал:

– Если успеем...

Глава третья Мертвая рука

Бел Риоз раздраженно шагал из угла в угол. Он с надеждой взглянул на вошедшего адъютанта.

– Ну?! Новости о «Звездочке»?

– Нет, сэр. Разведывательная группа прочесала все пространство, но приборы ничего не обнаружили. Командор Юм сообщает, что флот готов к ответной атаке.

Генерал замотал головой.

– Нет! Еще чего! Контратака в ответ на пропажу одного патрульного корабля? Пока нет. Передайте ему, чтобы он удвоил... Постойте. Я напишу депешу. Закодируйте ее и передайте световым пучком.

Он набросал на бумаге несколько фраз, передал листок адъютанту.

– Сивеннианец прибыл?

– Еще нет, сэр.

– Как только прибудет, срочно доставить его ко мне. Адъютант браво отсалютовал и вышел. Бел Риоз снова зашагал по комнате...

Когда дверь каюты открылась вновь, на пороге стоял Дьюсем Барр. Медленно, устало ступая вслед за адъютантом, он вошел в броско обставленную комнату, потолок которой был украшен голографической моделью Галактики. В центре комнаты в полной военной форме стоял Бел Риоз.

– Добрый день, патриций, – буркнул генерал, пододвинув вошедшему стул. Адъютанта он спровадил приказом:

– Никому не входить, пока сам не позову.

Он стоял перед сивеннианцем, расставив ноги, сложив руки за спиной, слегка покачиваясь с носка на пятку.

– Патриций, вы почитаете Императора? – резко спросил генерал.

Барр, до той поры хранивший безразличное молчание, слегка приподнял бровь и холодно ответил:

– У меня нет причин питать любовь к имперским законам.

– Ну, это все-таки довольно далеко от того, чтобы вас можно было назвать изменником.

– Пожалуй. Но не быть изменником – это также далеко от того, чтобы стать активным пособником.

– Тоже верно. А вот отказ от сотрудничества уже можно расценить как изменничество и соответственно к этому относиться.

Барр нахмурился.

– Оставьте эту словесную эквилибристику для подчиненных. Скажите просто, что вам нужно. Мне этого будет достаточно.

Риоз уселся, закинув ногу на ногу.

– Помните, Барр, мы с вами разговаривали полгода назад?

– О ваших «волшебниках»?

– Да. Помните, я сказал тогда, что собираюсь предпринять.

Барр кивнул.

– Вы собирались навестить их. Вас не было четыре месяца. Вы отыскиали их?

– Отыскал? Конечно! – выкрикнул Риоз.

Рот его искривился. Было впечатление, что он с трудом сдерживается, чтобы не заскрипеть зубами.

– Патриций, они не волшебники! Они – дьяволы! Тот, кто их так назвал, так же далек от истины, как отсюда – другие галактики! Вы только представьте себе: их мир – размером с носовой платок, с ноготь, черт бы их подрал! Ресурсов – ноль, защиты практически никакой, население мизерное, как где-нибудь на самой завалящей планете в районе Темных звезд. Но при этом они такие гордые и неприступные, что спокойно и уверенно размышляют об управлении Галактикой!

То есть они настолько самоуверенны, что даже не торопятся! Делают все медленно, флегматично, строят планы на века. Говорят лениво, перелетают из мира в мир, как будто у них вечность в запасе...

И они преуспели! Преуспели... Их никто не останавливает. Они сплели широчайшую торговую сеть, охватывающую звездные миры, настолько отдаленные от них, что даже непонятно, как они туда добираются на своих игрушечных звездолетиках! Их Торговцы – так они называют своих агентов – улетают на сотни парсеков от дома!

Дьюсем Барр прервал гневную тираду генерала:

– И все-таки, что из сказанного вами – правда, а что нужно списать на счет вашего озлобления?

Генерал отдышался и заговорил спокойнее:

– Нет-нет. Я не ослеплен гневом, уверяю вас. Я побывал в мирах, которые ближе к Сивенне, чем к Академии, где для людей понятие Империи – миф, небылица, зато Торговцы – повседневная реальность. Мы сами здорово ошиблись насчет этих Торговцев.

– И что же, в Академии вам так прямо и сказали, что они стремятся к Галактическому господству?

– Сказали? – Риоз снова вышел из себя. – Как же? Держите карман! Они мне этого могли и не говорить. Официальные лица, конечно, помалкивали. Все разговоры только о торговле, бизнесе. Но я говорил и с простыми людьми. И понял, что они там все без исключения верят в свою особенную судьбу и преспокойненько разглагольствуют о «светлом будущем». Они просто не скрывают этого всеобщего оптимизма, будь они трижды неладны!

На лице сивеннианца было написано молчаливое удовлетворение.

– Могу отметить только одно, генерал: выводы, которые я сделал на основании чистых умозаключений, оказались верны.

– В этом нет сомнений, – саркастически кивнул Риоз. – И я готов снять шляпу перед вашим аналитическим талантом. Но позволю себе тем не менее отметить, что все вышеперечисленное красноречиво свидетельствует, как они опасны в плане угрозы целостности владений Его Императорского Величества!

Барр скептически пожал плечами. Риоз резко наклонился вперед, грубо схватив за плечи

старого патриция, и посмотрел ему прямо в глаза:

– Верьте мне, патриций! У меня нет ни малейшего желания быть тираном! Но для меня факт враждебности Сивенны по отношению к Империи остается фактом, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы погасить этот очаг инакомыслия. Однако я выполняю военную миссию и не имею права вмешиваться в гражданские дела. Случись что – меня просто отзовут, и моей карьере конец. Понимаете вы это? Вижу, что понимаете. Тогда чисто между нами: я не прочь забыть события сорокалетней давности. Мне нужна ваша помощь – и в этом откровенно признаюсь.

Молодой генерал с нетерпением ждал ответа, но Дьюсем Барр медленно покачал головой.

Риоз отпустил руки и умоляюще проговорил:

– Вы чего-то недопонимаете, патриций, и сомневаюсь, чтобы удалось вас убедить. Я не мастак говорить умные слова. Вы – ученый. Я – солдат. Но вот что я хочу вам сказать. Что бы вы там ни думали об Империи, вы должны признать ее могущество. Да, ее вооруженные силы совершали отдельные преступления, но большей частью они несли мир и цивилизацию. Именно военный флот создал Имперский Мир, который царил в Галактике на протяжении тысячелетий. Да сравните же тысячелетия мира под знаменами, на которых красуются «Звездолет и Солнце», и тысячелетия межзвездной анархии, которые предшествовали воцарению Империи! Вспомните о войнах и разрухе тех лет и скажите мне: неужели, несмотря на все свои недостатки, Империя не заслуживает того, чтобы она была сохранена? Представьте себе, – продолжал он с новой силой, – во что превратились внешние миры Галактики за годы разрухи и так называемой независимости, и спросите себя, неужели во имя дурацкого отмщения вы действительно хотите, чтобы Сивенна, вместо того чтобы стать провинцией, которую защищает могучий флот, превратилась бы в варварский мирок в дикарской Галактике, купающийся в мутных волнах вымороченной независимости, которая ничего вам не даст, кроме упадка и нищеты?

– Неужели все так плохо и... так скоро? – пробормотал сивеннианец.

– Нет, – откликнулся Риоз. – Безусловно, мы защитим вашу безопасность! Потому что я сражаюсь за Империю. И за военную традицию, хотя последнее – мое личное дело. Это то, чего вам я объяснить не могу. Военная традиция, построенная на имперских установлениях, – вот за что я сражаюсь.

– Вы впадаете в мистику, – пожал плечами Барр. – А мне всегда было трудно понять чужие мистические настроения.

– Я вас не прошу об этом! Вы хоть отдаете себе отчет в том, что Академия опасна?

– А разве не я предупреждал вас о том, что вы можете натворить бед, еще тогда, до того как вы туда отправились?

– Тогда кому, как не вам, понять, что их нужно уничтожить в зародыше. Ну, как же вы не понимаете? Вы знали об этой Академии тогда, когда о ней никто не знал. Поэтому именно вам легче представить, как ее лучше всего было бы атаковать. Именно вы могли бы лучше всех подсказать мне, каковы могут быть их ответные ходы. Послушайте, патриций, давайте заключим союз!

Дьюсем Барр поднялся.

– Такая помощь вам ничего не даст. Я говорю вам совершенно серьезно: всей мощи Империи не хватит для того, чтобы победить этот крошечный мир.

– Но почему?!

Глаза Риоза бешено сверкали.

– Нет! Не смейте уходить. Стойте, где стоите! Я скажу, когда вам можно будет уйти. Так вот: если вы думаете, что я недооцениваю противника, вы ошибаетесь. Патриций! – Риоз сдерживался изо всех сил. – На обратном пути я потерял один корабль. Я не знаю наверняка, попал ли он в руки Академии, но обнаружить его не удалось. Если бы это был несчастный случай, то был бы обнаружен хотя бы остов корабля. Это не такая уж большая потеря – меньше одной десятой части военной мощи моего флота, но это может означать, что Академия уже демонстрирует свои враждебные намерения. Такая поспешность и недоверие с их стороны,

такая беспечность в отношении последствий означают, что могут существовать тайные силы, о которых я ничего не знаю. Можете вы мне помочь в ответе на конкретный вопрос? Какова их военная мощь?

– Не имею понятия.

– Как прикажете вас понимать? Почему же вы с такой уверенностью заявляете, что Империя не способна справиться с таким ничтожным врагом?

Сивеннианец тяжело опустил на стул и отвел глаза в сторону от испытующего взгляда Риоза. Медленно, с горечью проговорил:

– Потому что я верю в законы психоистории. Это странная наука. Математическое обоснование ее законов дал один человек – Гэри Селдон, и это обоснование умерло вместе с ним. После его смерти ни один специалист не смог досконально разобраться в сложности этих законов. Но за небольшой промежуток времени, прошедший с тех пор, психоистория показала, что является мощнейшим инструментом, когда-либо изобретенным для изучения человечества. Не пытаюсь прогнозировать действия отдельных людей, психоистория сформулировала законы, которые можно подвергнуть математическому анализу и экстраполировать для прогнозирования и управления действиями огромных масс людей.

– Ну и...?

– Именно психоистория, разработанная и доведенная до совершенства Гэри Селдоном и его группой, была заложена в фундамент Академии. Время, место и условия – все было рассчитано математическими методами. Поэтому создание Второй Галактической Империи неизбежно.

Голос Риоза дрожал от раздражения:

– Так что же, вы хотите меня уверить в том, что именно эти вот его научные финтифлюшки могут предсказать, что, если я, например, нападую на Академию, я проиграю такое-то и такое-то сражение по такой-то и такой-то причине? Вы что, думаете, что я тупоголовый робот, который идет прямехонько в пекло, навстречу собственной гибели?

– При чем здесь вы? – отрезал старый патриций. – Я же сказал уже, что психоистория не имеет ничего общего с действиями конкретных людей. Прогнозировались гораздо более широкомасштабные события.

И мы, так сказать, крепко сжаты могучей десницей Ее Величества – Исторической Неизбежности?

– *Психоисторической Неизбежности*, – мягко уточнил Барр.

– Ну, а если я все же воспользуюсь такой маленькой привилегией, как свобода воли? Если я вздумаю атаковать их через год или раздумаю атаковать вообще? При чем тут тогда. Ее Величество? Какой от нее прок?

Барр равнодушно пожал плечами.

– Нападайте сейчас или не нападайте вовсе. На одном-единственном корабле или всем имперским флотом. Действуйте военной силой или экономической блокадой. Объявите войну честно или нападайте вероломно. Делайте, что вашей душе угодно, проявляйте полную свободу воли. Вы все равно проиграете.

И все это по мановению безжалостной десницы математически рассчитанных законов поведения человечества, которые нельзя ни отменить, ни остановить, ни отбросить в сторону.

Оба, не отрываясь, смотрели друг на друга. Наконец генерал просто и спокойно проговорил:

– Я принимаю вызов. Пусть будет так: мертвая рука против живой свободной воли...

Глава четвертая Император

Клеон II, называемый «Великим». Последний сильный Император Первой Империи. Во время его длительного правления отмечался значительный всплеск политической и культурной активности. В

литературе он, однако, чаще всего упоминается рядом с именем Бела Риоза, а в народе его так и называли – «Император эпохи Риоза». Однако несправедливо утверждать, что события последних лет затмевают его сорокалетнее...

Галактическая энциклопедия

Клеон II был Повелителем Вселенной. Клеон II страдал жестокой и непонятной болезнью. Неисповедимы пути Господни. Как ни странно, эти два факта вовсе не исключали друг друга, В каком-то смысле в их сочетании не было ничего удивительного. В истории таких случаев было – хоть отбавляй.

Но Клеона II эта мысль мало утешала и ни на йоту не облегчала страданий его измученного тела. Правда, временами его убаюкивали размышления о том, что, в то время как его прадед был всего-навсего пиратским правителем крошечной планетки, сам он возлежал в роскошных покоях дворца Амменетика Великого, как истинный наследник рода, корнями уходящего в незапамятное прошлое. Теперь, когда он был узником собственного ложа, много ли ему было радости от сознания того, что его отец положил жизнь на то, чтобы прекратить чумную полосу бунтов и мятежей, восстановить мир и единство, царившие в Империи во времена правления Станнеля VI, и что, как следствие этого, за двадцать пять лет его собственного царствования ясные небеса его славы не затуманило ни единое облачко мятежа?

Император Галактики, Повелитель Всего Сущего застонал, пытаясь приподнять голову с невидимых гравитационных подушек. Раздался тихий, ласковый звон. Перемена положения принесла некоторое облегчение. Клеон немного расслабился, Он с трудом сел и угрюмо уставился в дальнюю стену своей огромной опочивальни. В этой комнате было плохо одному. Она была чересчур велика, как и все дворцовые покои.

Но во время изнурительных приступов болезни он предпочитал одиночество. Лучше было быть одному, чем терпеть сборище вельмож с их льстивым подобострастием и непроходимой тупостью. Лучше одиночество, чем созерцание этих скучных масок, за которыми прятались ничем не прикрытые мыслишки о том, когда же он наконец отойдет в мир иной и кому достанется трон после его смерти.

Мысли набегали беспокойными волнами, торопили, тревожили... У Императора было трое сыновей – трое здоровых, сильных юношей, подававших большие надежды. Куда они все подевались в эти кошмарные дни? Не иначе – ждут. Тоже ждут. Каждый следит за другим, а все вместе – за ним. Сговорились, подлецы...

Он с трудом пошевелился.

А тут еще Бродриг просит аудиенции. Верный простолюдин Бродриг. Конечно, верный – деваться-то некуда! Его искренне, не скрываясь, ненавидели все придворные. Только в этом и наблюдалось согласие между дюжиной группировок, на которые раскололся в те дни императорский двор...

Бродриг – преданный фаворит, которому ничего не оставалось, кроме как быть преданным. Да, ему был дарован Императором самый быстрый в Галактике корабль. Но если бы он и бросился на нем наутек в день смерти Клеона, все равно на следующий день он оказался бы в радиационной камере.

Вялой рукой Клеон II нажал мягкую, послушную кнопку на подлокотнике своего громадного ложа, и высокая дверь в противоположной стене медленно растаяла в воздухе.

По пушистому пурпурному ковру к ложу подошел Бродриг, встал на колени и поцеловал руку монарха.

– Как вы себя чувствуете, сир? – обеспокоенно поинтересовался Личный Секретарь Императора.

– Я жив, – выдохнул Император. – Если это можно назвать жизнью... Всякий шарлатан, прочитавший учебник медицины, использует меня как подопытного кролика. И как только отыскивается какой-нибудь еще не испробованный метод лечения, как тут же объявляется очередной знахарь с другого края Галактики, чтобы немедленно испытать его на мне. И всегда,

что самое характерное, находится какая-нибудь книжечка, чаще всего – подделка, где они вычитали про этот метод. Клянусь памятью моего отца, – печально продолжал он, – такое впечатление, что не осталось ни одного врача, который просто взял бы да посмотрел на больного своими собственными глазами. Никто уже пульс не может сосчитать, не заглянув в книжку, которую написали мудрецы прошлого! Я болен, а они говорят, что болезнь им не известна. Идиоты! Получается, что если на протяжении тысячелетий тела человеческие начинают как-то по-новому страдать, а в книжках по этому поводу ничего не написано, то нет надежды на излечение! Оказались бы предки на моем месте, а я – на их!

Император закончил свою жалобу долгим беззвучным проклятием. Бродриг покорно ждал. Клеон II капризно спросил:

– Ну, сколько их там сегодня притащилось? – Он качнул головой в сторону двери.

– Не больше чем обычно, сир. Ожидают в Большом зале, – спокойно ответил Бродриг.

Ну, пускай подождут. Сделаем вид, что я занят государственными делами. Прикажете капитану гвардии объявить это во всеуслышание. Хотя нет. Не надо про государственные дела. Пусть скажет, что я не даю сегодня аудиенций, а на лице при этом пусть изобразит искреннее сожаление. Пусть эти шакалы думают, что я просто плохо спал.

– Поговаривают, сир, что вас беспокоит сердце? – мягко поинтересовался Бродриг.

Улыбка, с которой Император закончил свою вымученную шутку, быстро сошла с его лица.

– Если слух не подтвердится, кого это больше огорчит, Бродриг? Тебе-то что нужно? Говори.

По знаку Императора Бродриг поднялся с колен.

– Дело касается генерала Бела Риоза – военного губернатора Сивенны.

– Риоз? – Клеон II нахмурился. – Что-то не припоминаю. Погоди-ка, это не тот ли, что прислал нам странное донесение пару месяцев назад? Да, вспомнил. Он просил разрешения на военную кампанию во славу Империи и Императора.

– Совершенно верно, сир.

Император усмехнулся.

– А ты думал, у меня уже не осталось таких генералов, а, Бродриг? Это просто атавизм какой-то, так все думают? Ну, и что мы ему ответили? Надеюсь, ты об этом позаботился?

– Конечно, сир. Ему было приказано ждать особых распоряжений и самому ничего не предпринимать.

– Хм-м. Разумно. Кто он такой, этот Риоз? Он бывал при дворе?

Бродриг кивнул. Узкие губы его скривились в усмешке.

– Он начал свою карьеру как офицер гвардии десять лет назад. Участвовал в военных событиях в составе соединения Лемюля.

– Соединения Лемюля? Ох, Бродриг, ты же знаешь, у меня с памятью неважно. Это тогда, что ли, когда молодой офицер спас два корабля на передовой с помощью... – Император нетерпеливо пошевелил рукой. – Ну, в общем, деталей не помню. Что-то такое героическое.

– Да, это был Риоз. Тогда он получил повышение, – сухо подтвердил Бродриг. – И назначение на должность капитана корабля.

– А теперь он – военный губернатор пограничной провинции и все еще молод. Способный парень, Бродриг!

– Небезопасный, сир. Он живет иллюзиями прошлого. Мечтатель, ретроград, в плену у мифов. Такие люди сами по себе безопасны, но, как ни странно, отсутствие у них реализма делает их идолами для других. Его люди, – добавил он доверительно, – как я понимаю, преданы ему душой и телом. Он один из ваших «народных» генералов.

– Вот как? – удивился Император. – А почему тебя это огорчает, Бродриг? Я бы, пожалуй, не был в восторге, если бы мне служили сплошные тупицы-дилетанты. Они-то уж никак не могут являть собой примеры верности.

– Дилетант-изменник неопасен, сир. Следить надо прежде всего за такими способными парнями.

– Ты ведь тоже из них, Бродриг? – рассмеялся Клеон II и тут же скривился от боли. – Ну, хорошо, лирику пока оставим. Что там нового у этого героя-завоевателя? Догадываюсь, завел ты этот разговор не для того чтобы предаваться воспоминаниям?

– От генерала Риоза, сир, получено еще одно донесение.

– А! Что же там?

– Он отыскал мир этих варваров и предлагает начать атаку. Перечислять аргументы в пользу этого долго и нудно. Я не хотел бы утомлять Ваше Величество сейчас, когда вы неважно себя чувствуете. В особенности потому, что этот вопрос будет подробно обсуждаться на заседании Совета Лордов. – Бродриг отвел взгляд в сторону.

Клеон II нахмурился.

– Совет Лордов? С какой стати? Они-то что в этом смыслят? Там все, как обычно, сведется к тому, что необходимо более широко трактовать Хартию. Одна у волка песня.

– Этого не избежать, сир. Да, было бы гораздо лучше, если бы ваш августейший родитель, погасив последний мятеж, не согласился бы подписывать Хартию. Но раз уж она подписана, с ней приходится считаться.

– Наверное, ты прав. Ладно, пусть решают Лорды. Только к чему весь этот официоз, дружок? В конце концов, дело-то второстепенное. Военные дела на дальних границах с участием ограниченного контингента войск вряд ли могут считаться делом государственной важности.

Бродриг криво улыбнулся и холодно проговорил:

Да, сир, с виду все так. Речь идет о романтическом идиоте. Но даже романтический идиот может превратиться в смертельное орудие, если неромантический бунтовщик использует его в качестве инструмента. Сир, этот человек был популярен здесь, а теперь он популярен там. Он молод. Если он захватит еще одну-две варварские планеты, то станет героем-конкистадором. А в наше время молодой завоеватель, доказавший свою способность вызвать энтузиазм звездолетчиков, шахтеров, торговцев и тому подобного сброда, опасен всегда. Даже если у него в мыслях нет ничего такого, что сделал ваш августейший отец с узурпатором Рикером, его запросто может использовать любой из ваших лояльнейших Лордов. Для своих целей.

Клеон II пошевелился. Лицо его исказила гримаса страдания. Он с трудом расслабился. Улыбка получилась вымученная.

– Ты ценный человек, Бродриг. Ты всегда подозреваешь больше, чем нужно, и мне остается делить твои подозрения на два, чтобы чувствовать себя в безопасности. Давай передадим дело Лордам. Посмотрим, что они скажут, а поступим, как сочтем нужным. Надеюсь, этот молодой человек пока еще ничего такого не натворил? – прошептал Император.

– Ничего не сообщает. Просит подкрепления.

– Подкрепления? – Император удивленно сощурился. – А какими силами он располагает?

– У него десять линкоров, сир, обеспеченных кораблями сопровождения. Два корабля оборудованы двигателями, снятыми со звездолетов старой Великой Армады, на одном стоит артиллерия, оттуда же. Другие корабли последнего пятидесятилетия, но все боеспособные.

– По идее, этого с лихвой должно хватить. Ну-ка, вспомни, мой отец все свои победы одержал, не имея такого флота! А что это за варвары, с которыми он собирается сражаться?

Брови Личного Секретаря скептически приподнялись.

– Он называет их «Академией».

– Академией? Это еще что такое?

– Сир, никаких документов и записей на этот счет отыскать не удалось. Я тщательнейшим образом изучил архивные материалы. На территории Галактики имело место падение древней провинции Анакреон, которая два столетия назад начала приходить в упадок, в ней воцарились варварство и анархия. Однако в этой провинции нет планеты с таким названием. В архиве я нашел лишь скудные упоминания о группе ученых, высланных в эту провинцию как раз незадолго до того, как она вышла из-под нашей опеки. Они должны были издавать Энциклопедию. – Он презрительно улыбнулся. – По-моему, в какой-то из бумаг фигурирует название: «Академия Энциклопедистов».

– Ну... – пожевал губами Император, – я не вижу особой связи...

– И я не вижу, сир. Ни слова об этой экспедиции после начала воцарения анархии в этом районе я не нашел. Если потомки энциклопедистов еще живы и название сохранилось, тем вернее они должны были захлебнуться в пучине варварства.

– А он просит подкрепления... – Император пристально взглянул на Секретаря. – Очень интересно. Он собрался напасть на беспомощных дикарей на десяти кораблях и просит еще... Вот теперь я, пожалуй, точно вспомнил этого Риоза. Он был красивым мальчиком из добропорядочного семейства... Бродриг, что-то тут не так. Не исключено, что все более важно, чем кажется.

Пальцы Императора беспокойно забегали по золоченому покрывалу.

– Мне нужен человек там, Бродриг, – с глазами, мозгами, и – верный мне...

Секретарь понимающе кивнул.

– И с подкреплением, сир?

– Пока нет!

Император тихо застонал, медленно меняя положение измученного тела на гравитационных подушках. Подняв вверх указательный палец дрожащей руки, он добавил:

– Пока не узнаем больше. Назначьте заседание Совета Лордов на эту неделю. Удобный будет случай. Я сделаю это, а там – будь что будет.

Он опустил усталую голову на невидимые подушки. Раздался тихий звон.

Иди, Бродриг, Пошли ко мне доктора. Наверняка очередной трепач...

Глава пятая Война начинается

Сивенна осталась позади крошечной сияющей точкой. Корабли Имперского флота осторожно углублялись в темные пучины черной неизвестности – галактической Периферии. Гигантские звездолеты преодолевали огромные расстояния, разделявшие звезды, разбросанные по витку Галактической спирали, все более приближаясь к границам миров, находившихся в сфере влияния Академии.

Звездные системы, два столетия назад отделившиеся от Империи, впервые за прошедшие годы ощутили на своем горле мертвую хватку бывших хозяев. Возврат к прошлому осуществлялся просто – путем массированных артиллерийских налетов на столицы.

В захваченных мирах оставались гарнизоны военных в форме с погонями, на которых красовалась эмблема Империи – «Звездолет и Солнце». Старики, увидав эту эмблему, вспоминали давно забытые рассказы прадедов о временах, когда Вселенная была велика и богата, когда в ней царил мир под знаменами, на которых красовались эти самые Звездолет и Солнце...

Имперские корабли двигались дальше – к Академии. На захваченных планетах основывались военные базы. Как только завоевывался очередной мир, в штаб Верховного Главнокомандующего Бела Риоза шло соответствующее донесение. Штаб был расположен на скалистой безлюдной заброшенной планете.

Риоз вздохнул и угрюмо улыбнулся Дьюсему Барру.

– Ну, что скажете, патриций?

– Я? Что я вам могу сказать? Зачем вам мое мнение? Я не военный.

Он окинул взглядом комнату и отметил про себя, что в ней тесно и неприбрано. Помещение штаба размещалось в прилепившемся к скале походном доме. Помещение было наполнено искусственным воздухом, согрето искусственным теплом – крошечный островок жизни на мертвой, холодной планете...

– Единственная помощь, которую я мог бы вам оказать, – пробормотал он, – а точнее, хотел бы оказать – это совет возвратиться в Сивенну.

– Рановато, рановато... – покачал головой Риоз.

Генерал повернулся на вертящемся стуле к углу, в котором мерцал огнями большой

прозрачный глобус. На нем была обозначена граница старой имперской префектуры Анакреон и прилегающих к ней секторов Галактики.

– Позже, когда все будет кончено, патриций, вы сможете вернуться к своим книжкам и всякому такому прочему. Я лично прослежу за тем, чтобы все землевладения и поместья вашего семейства были возвращены вам и вашим детям навечно.

– Благодарю вас, – с горькой иронией откликнулся Барр. – К сожалению, мне недостает вашей твердой уверенности в том, что все хорошо кончится.

Риоз грубо расхохотался.

– Ой, только не надо вашего «пророческого» карканья! Эта карта говорит больше, чем все ваши старческие теории.

Генерал аккуратно настроил кривую, очерчивающую границы.

Вы умеете читать карту в радиальной проекции? Умеете? Отлично. Тогда смотрите сами. Золотые звездочки обозначают имперские территории. Красные – территории протектората Академии, а розовые – относящиеся к экономической сфере ее влияния. Вот и посмотрите...

Рука Риоза легла на кнопку, и поле мелких белых точек окрасилось в темно-синий цвет и накрыло красные и розовые точки, будто перевернутая чаша.

– Звезды, накрытые синим куполом, завоеваны моим флотом, – со спокойным удовлетворением сообщил Риоз. – И мы идем вперед. Нигде не встречено сопротивления. Варвары настроены миролюбиво. Кроме того – ни малейшего сопротивления со стороны вооруженных сил Академии. По всей вероятности, мирно спят и ничего не ведают.

– Ваши силы рассредоточены, как я понимаю? – спросил Барр.

– Естественно, – кивнул Риоз. – За исключением особых обстоятельств. Ключевые точки, где находятся мои гарнизоны, укреплены. Их немного, но они избраны очень верно со стратегической точки зрения. В этом много преимуществ. Гораздо больше, чем может показаться тому, кто не занимался скрупулезным изучением тактики звездных войн. Но думаю, любому ясно, что я могу вести нападение из каждой точки этого замкнутого круга и что, когда мой план окружения будет доведен до конца, Академия не сможет контратаковать ни на флангах, ни с тыла. Я просто не оставлю им ни флангов, ни тыла!

Эта стратегия предварительной блокады применялась и раньше, например, во время кампании Лориса VI. Но, во-первых, это было две тысячи лет назад, а во-вторых, тогда план не был доведен до конца. Так получалось, что враг или знал, или догадывался о подобных планах и успевал контратаковать. Сейчас все выглядит иначе.

– Идеальный хрестоматийный случай? – равнодушно поинтересовался Барр.

Риоз разозлился.

– Вы по-прежнему уверены, что моя армия проиграет?

– Должна проиграть.

– Да как вы не поймете! В военной истории не было случая, чтобы при успешно завершенной блокаде атакующая армия не победила бы, если только с тыла по ней не ударит флот, сил которого достаточно для прорыва блокады!

– Вам виднее.

– И все-таки вы остаетесь при своем мнении?

– Да.

Риоз пожал плечами.

– Как хотите.

Барр выдержал паузу и спокойно спросил:

– Вы получили ответ от Императора?

Барр вытащил из контейнера в стене у себя над головой сигарету и медленно закурил.

– Вы имеете в виду мою просьбу о подкреплении? Ответ пришел, но это всего лишь отписка. Не более того.

– Кораблей не будет.

– Нет. Я этого, в общем, ожидал. Честно говоря, патриций, я уже жалею, что наслушался ваших идиотских теорий. Это выставляет меня в ложном свете.

– Разве?

– Однозначно. Корабли – роскошь в наши дни. В гражданских войнах за последние два столетия погибло больше половины Великой Армады, а те, что уцелели, находятся в весьма плачевном состоянии. Видите ли, патриций, между нами говоря, те корабли, что строят сегодня, гроша ломаного не стоят. Я так думаю, что сейчас во всей Галактике вряд ли отыщется грамотный инженер, способный собрать первоклассный гиператомный двигатель.

– Я знаю об этом, – кивнул сивеннианец. Взгляд его стал острым и внимательным. – Для меня это не новость. Но я не знал, знаете ли об этом вы. Значит, Его Императорское Величество не может себе позволить разбрасываться кораблями направо и налево. Психоистория могла это предвидеть. Да скорее всего, и предвидела. Я бы сказал, что мертвая рука Гэри Селдона побеждает-таки в открытом бою.

Риоз резко оборвал его:

– Кораблей у меня и сейчас достаточно. И ни черта ваш Селдон не выигрывает. Только тогда, когда ситуация станет более серьезной, нам понадобятся новые корабли. И они у меня будут. Просто пока Император всего не знает.

– Да? И о чем же вы умолчали?

– Естественно – о ваших теориях, – сардонически усмехнулся Риоз. – Дело в том, патриций, что, при всем моем к вам уважении, теории ваши представляются мне абсолютно вздорными. Вы уж не обижайтесь. Только если ситуация обострится, только если будут какие-то конкретные факты, тогда и только тогда я буду говорить с Императором о смертельной опасности. Не раньше. И еще, – непринужденно добавил Риоз. – Теория, не подтвержденная фактами, сильно отдает черной магией, а, вы сами знаете, наш Император это недолюбливает.

Старый патриций улыбнулся.

– Вы хотите сказать, что объявлять Императору о том, что его августейшему трону угрожает кучка презренных варваров откуда-то с задворок Галактики, глупо, потому что он в это не поверит. Тогда вам и вовсе нечего ждать от него помощи.

– Если только не удастся заполучить сюда Чрезвычайного Посла.

– А зачем здесь нужен Чрезвычайный Посол?

– Это старая традиция. Непосредственный представитель двора присутствует на любой военной кампании, осуществляющейся в государственных интересах.

– Правда? А зачем?

– Ну... чтобы создать иллюзию, будто всей кампанией руководит лично Император. Ну, и лишняя возможность убедиться в лояльности генералов. В чем, в чем, а в последнем – традиция себя оправдала...

– Но вам это должно быть не слишком удобно, генерал. Посторонний авторитет, я имею в виду.

– Конечно, – буркнул Риоз и слегка покраснел. – Но тут уж ничего не поделаешь.

В этот момент загорелся экран приемного устройства, и из него с мягким щелчком выпал блестящий цилиндр. Риоз раскрыл цилиндр и прочитал донесение.

– Отлично! То самое!

Дьюсем Барр вопросительно приподнял брови.

– Вы знаете, что мы захватили одного из этих... как их там... Торговцев. Живого – и в неповрежденном корабле? – спросил Риоз.

– Я слышал об этом.

– Ну, так вот. Его только что доставили сюда. Через минуту он будет здесь. Оставайтесь, патриций. Я хочу, чтобы вы присутствовали при допросе. Я вас за этим и вызвал сюда. Поможете мне в случае чего, ясно?

Прозвенел звонок на входной двери. Генерал нажал ногой педаль под столом. Дверь открылась. Человек, стоявший на пороге, был высокого роста, бородатый. На нем была короткая куртка из мягкого, похожего на тонкую кожу, пластика, с капюшоном, отброшенным на спину. Руки его были свободны, правда, сопровождавшие его были вооружены, но он этого

как будто не замечал.

Он вошел вразвалку и с любопытством осмотрелся. Поприветствовал генерала легким кивком и фамильярным жестом.

– Ваше имя? – сухо спросил Риоз.

– Латан Деверс, – ответил торговец, заложив ладони за широкий узорчатый пояс. – А вы – здешний босс?

– Вы – торговец из Академии?

– Точно. Послушайте, если вы тут действительно босс, вы бы лучше сказали вашим парням, чтобы они не баловались с моим грузом.

Генерал поднял голову и смерил пленного ледяным взглядом.

– Извольте отвечать на вопросы. Распоряжения здесь отдаю я.

– Ладно. Я человек покладистый. Только учтите, что один из ваших парней уже заработал дырку в груди – фута в два, не меньше, когда сунул руки не туда куда надо.

Риоз перевел взгляд на дежурного лейтенанта.

– Этот человек говорит правду, Врэнк? В вашем отчете сказано, что потеря нет.

– Потерь не было, сэр, – твердо отрапортовал лейтенант, – когда я писал отчет. Позже мы попытались обыскать корабль, сэр, потому что прошел слух, будто на корабле – женщина. Женщины мы не обнаружили, но нашли множество устройств, назначение которых нам неизвестно. Этот человек утверждает, что это – его торговый груз. Один из наших солдат пытался разобраться с одним устройством, но оно взорвалось у него в руках. Он погиб.

Генерал спросил у торговца:

– На вашем корабле есть ядерное оружие?

– Да нет же! На кой оно мне сдалось? Этот ваш солдат, олух, схватил ядерную дрель, направил ее на себя и включил на полную мощность. И как это ему в голову пришло? Это же все равно что нейтронный бластер к башке приставить! Честное слово, я бы его остановил, если бы в это время на мне не сидело верхом пятеро ваших молодцов!

Риоз махнул рукой охранникам.

– Все свободны. Можете идти. К захваченному кораблю не приближаться. Сядьте, Деверс.

Торговец уселся на предложенный стул. Чувствовал он себя легко и непринужденно под свинцовым взглядом генерала и любопытным – сивеннианского патриция.

– А вы – неглупый человек, Деверс, – процедил сквозь зубы Риоз.

– Спасибо. Вы... как это... физиономист? Или вам от меня что-то надо? Я вам вот что скажу: я – неплохой бизнесмен, вот и все.

– Это почти одно и то же. Вы сдались в плен вместо того чтобы понапрасну сопротивляться. Это правильно. Начни вы сопротивляться – от вас бы мокрого места не осталось. Если вы и впредь будете вести себя так же разумно, с вами будут хорошо обращаться.

– Класс! Хорошее обращение – это то, что я больше всего уважаю, босс.

– Отлично. А я больше всего уважаю согласие сотрудничать, – улыбнулся Риоз и тихо – Барру: – Надеюсь, я правильно понял слово «уважаю» в этом контексте? Слыхали ли вы когда-нибудь такой варварский жаргон?

Деверс спокойно, даже лениво проговорил:

– Ладно, вроде, я вас понял. Только о каком сотрудничестве речь? Прямо скажем, я не врубился, где это я нахожусь?

Он огляделся по сторонам.

– Ну да, что за местечко, и вообще, в чем дело?

– Ах, простите, я забыл представиться, – добродушно улыбнулся Риоз. – Этот джентльмен – Дьюсем Барр, патриций Империи. Я – Бел Риоз, Пэр Империи, Генерал Третьего ранга вооруженных сил Его Императорского Величества.

Торговец раскрыл рот от удивления.

– Вот те раз! Империя? – пробормотал он, – То есть старая Империя, про которую нам в школе рассказывали. Ха! Вот здорово. А я-то думал, что ее и нет вовсе!

– Прекрасный шанс убедиться, что она существует.

– Да... Вообще-то можно было догадаться, – согласился Латан Деверс, задрав голову и поглядев на потолок. – С Периферии-то никто не сумел бы захватить мое старое корыто. Ну, так что за дела, босс, – нахмурился он. – Или мне вас генералом называть?

– Дела такие: война.

– Империя против Академии – так, что ли?

– Совершенно верно.

– А почему?

– Думаю, вы знаете почему.

Торговец взглянул на Риоза и отрицательно покачал головой.

Риоз немного помолчал, потом мягко повторил:

– Я просто уверен, что вы знаете почему. Латан Деверс пробормотал:

– Жарковато тут у вас, – и встал, чтобы снять куртку. Сев, вытянул ноги.

– «Знаете», – ворчливо передразнил он. – Вы зря ждете, что я сейчас вскочу и начну орать от удивления. Да я мог бы с вами в два счета разделаться, и этот старикан, что сидит тут и помалкивает, мне бы не помешал!

– Но вы не будете этого делать, – уверенно резюмировал Риоз.

– Не буду, – согласился Деверс. – Во-первых, потому, что даже если я вас прикончу, война-то ведь от этого не прекратится. Там у вас, я чувствую, генералов хватает...

– Верно подмечено.

– А потом, и меня самого кокнут тут же, как только я вас отправлю на тот свет, – чуть раньше, чуть позже, но кокнут, это точно. А это в мои планы не входит. Выгоды никакой.

– Я же сказал, что вы неглупый человек.

Деверс кивнул.

– Только, босс, было бы все-таки желательно, если бы вы мне растолковали, почему это вы, черт подери, так уверены, что я знаю, с чего это вы на нас напали. Нет, честно, я понятия не имею. А в загадки играть как-то неохота.

– Да? А про Гэри Селдона вы никогда не слышали?

– Нет. Я же сказал, что в загадки не играю.

Риоз бросил быстрый взгляд на Дьюсема Барра, который лишь тонко улыбнулся в ответ и опять погрузился в молчаливую задумчивость.

– Вы не играете, Деверс, – криво усмехнулся Риоз и продолжил: – Ходят слухи или сказки, но не исключено, что это правда, о вашей Академии, что в один прекрасный день вы собираетесь основать Вторую Империю. Я в подробностях знаю обо всех штучках Селдона, а также и о том, что вы вынашиваете агрессивные планы против Империи.

– Неужели? – Деверс задумчиво и удивленно покачал головой. – И кто же вам про это рассказал?

– Какая разница? – отозвался Риоз, постепенно теряя терпение. – Вы здесь не для того чтобы задавать вопросы. Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что вам известно про сказку о Селдоне.

– Так. Значит, я вам сказки должен рассказывать? Нашли нянюшку!

– Не цепляйтесь к словам, Деверс.

– Я и не цепляюсь. Я вам прямо скажу. Я знаю об этом столько же, сколько вы. Это чистая чепуха, наполовину выдумка. В любой стране есть свои сказки, не без этого, правда же? Да, слышал я кое-какую болтовню вроде этого – Селдон, Вторая Империя, все такое... Ну, правда, про это на ночь сказочки рассказывают. Детишки смотрят триллеры про Селдона. В общем, все это не для взрослых. Во всяком случае, не для тех взрослых, кто соображает, что к чему.

Генерал прищурился.

– Это правда? Вы лжете, молодой человек, и напрасно. Я был на вашей планете, Терминусе. И видел все собственными глазами.

– А чего же тогда меня спрашиваете? Я-то там, дай бог, два месяца из десяти пробыл. Так что – зря время теряете. А вообще – воюйте на здоровье, если вам так охота воевать со сказками.

Тут впервые подал голос Барр.

– Вы так уверены, что Академия победит? – спросил он тихо.

Торговец удивленно повернул голову в его сторону. Он слегка покраснел, и стал виден беловатый шрам на виске.

– Гм-м... А вы, оказывается, не немой? И почему же вы сделали *такой* вывод из моих слов, док?

Риоз небрежно кивнул Барру, и сивеннианец все так же тихо продолжил:

– Потому что вам неприятна *была бы* мысль о том, что ваш мир может проиграть в войне, я это понял. Мой мир проиграл однажды, и я знаю, что это такое.

Латан Деверс запустил пятерню в бороду, поскреб ее, поглядел по очереди на своих собеседников и, запрокинув голову, издал короткий смешок.

– Он, что, всегда так разговаривает, босс? Послушайте, – сказал он более серьезно, – что такое поражение? Видал я войны, видал я и поражения. Что значит победить? Кого это волнует? Меня? Таких парней, как я? – Он поджал губы и скептически покачал головой. – Я вам вот что скажу, а вы слушайте, – твердо, уверенно продолжал торговец. – Всегда есть пять-шесть жирных слюнтяев, которые управляют какой-нибудь планетой. Вот они-то будут дрожать, как кролики. Только мне до них нет абсолютно никакого дела. Ясно? Народ? Ну, то есть самый простой народ? Ну, кого-то, понятное дело, кокнул, не без этого, а остальным придется какое-то время платить дополнительные налоги. Но в конце концов все как-то устраивается. А потом – все то же самое, только слюнтяи другие.

Щеки Барра побагровели, вздулись жилы на худых руках, но он промолчал.

Латан Деверс смотрел на него в упор. От его глаз ничто не ускользало. Переведя взгляд на генерала, он проговорил:

– Послушайте! Я болтаюсь в космосе годы напролет со своими безделушками и продаю их за бесценок. А они, толстяки поганые, – он указал большим пальцем за спину, – сидят себе дома и только и делают, что подсчитывают мои доходы. Снимают сливки с меня и еще с сотен таких, как я. Ну, представьте, что было бы, если бы Академией управляли вы. Вы бы все равно без нас не обошлись. Мы бы вам еще больше были нужны, чем нашему правительству драгоценному, потому что вы плохо знакомы с ситуацией, правильно? А мы, помимо всего прочего, еще и доходы неплохие приносим. Так что уж кто-кто, а мы смогли бы с Империей договориться. Я вам точно говорю, а я – человек дела. Если для меня это будет выгодно – я «за»! – твердо сказал он, смерив собеседников решительным взглядом.

Некоторое время сохранялась тишина. Ее нарушил тихий шорох в приемнике почты. Генерал вынул оттуда цилиндр. Пробежал глазами донесение и резко включил видео передатчик.

– Подготовьте план с указанием местонахождения всех кораблей. Ожидайте приказа. Полная боевая готовность!

Риоз потянулся за шлемом. Пристегивая его, он обернулся к Барру и небрежно бросил:

– Оставляю нашего гостя на ваше попечение. Буду ожидать результатов. Идет война, и я буду беспощаден. Помните об этом, патриций!

Латан Деверс проводил Риоза взглядом и повернулся к Барру.

– Похоже, генерал схлопотал по больному месту. Что стряслось, док?

– Наверное, сражение, – хрипло ответил Барр. – Полагаю, вооруженные силы Академии дают первый бой. Давайте-ка лучше уйдем отсюда.

В комнату вошли вооруженные солдаты. Выправка их была безукоризненна, лица угрюмы. Деверс вслед за гордо поднявшим голову сивеннианским патрицием вышел из комнаты.

...Комнатка, в которую их препроводили, была гораздо меньше и обставлена скромнее, нежели штабной кабинет Риоза. В ней стояли две кровати, видеоприемник. За маленькой дверью – душ и туалет. Солдаты вышли, дверь за ними со стуком закрылась.

– Хм-м... – вытянул губы Деверс. – Похоже, это надолго...

– Так оно и есть, – коротко отозвался Барр и отвернулся.

Торговец раздраженно спросил:

– Ну, а вы-то тут в какие игры играете, док?

– Ни в какие игры я не играю. Просто вы переданы под мою ответственность, вот и все.

Торговец подошел к сидевшему на кровати сивеннианцу. Его внушительная фигура нависла над старым патрицием.

– Да? А почему же вы тут заперты вместе со мной? Что-то мне показалось, что, когда нас сюда вели под конвоем, бластеры были направлены на вас так же, как и на меня. И потом – вы же просто взбесились, когда я разорвался там о войне и мире.

Он тщетно дожидался ответа. Не дождавшись, продолжил:

– Ладно, я вас лучше вот о чем спрошу. Вы сказали, что *ваша* страна однажды пострадала. От кого? От каких-нибудь инопланетян из неведомой туманности?

Барр поднял на торговца взгляд, исполненный тоски.

– От Империи.

– Вот как? А здесь вы что делаете?

Барр красноречиво молчал.

Торговец выпятил нижнюю губу и понимающе кивнул. Снял с правой руки плоскую цепочку-браслет и протянул Барру.

– Что скажете?

На левой руке у него был такой же браслет. Сивеннианец взял браслет. По знаку торговца надел его на запястье, защелкнул. Странное покалывание в запястье быстро прошло.

Голос Деверса сразу изменился.

– Ладно, доктор, теперь можете быть спокойны. Говорите свободно. Если эта комната прослушивается, они ничего не услышат. Это – искажатель поля, изобретение гениального Мэллоу. Продается за двадцать пять кредитов в любом мире отсюда до самого края Галактики. Вам – так и быть – бесплатно. Только не раскрывайте широко рот, когда говорите, и не волнуйтесь. Ничего, вы быстро освоитесь.

Дьюсем Барр вместо покоя вдруг ощутил страшную усталость. А взгляд торговца был суров и требователен. Стараясь говорить тише, Барр спросил:

– Чего вы хотите от меня?

– Я уже сказал. Те немногие слова, что вы сказали, сильно отдают тем, что у нас называют патриотизмом. Ваш собственный мир завоеван Империей. А вы тут играете в крестики-нолики с белокурой бестией – имперским генералом. Как это понимать, а?

Барр устало ответил:

– Я уже сделал свое дело. Имперский вице-король – захватчик был отправлен на тот свет моими руками.

– Да? И давно ли?

– Сорок лет назад.

– Сорок... лет... назад?!

Смысл сказанного постепенно дошел до торговца.

– Да... Долгий срок для того чтобы жить воспоминаниями.. А этот подонок в генеральских погонах знает об этом?

Барр кивнул.

Глаза Деверса потемнели. Он напряженно размышлял.

– А... вы хотите, чтобы Империя победила?

Старый патриций неожиданно вспыхнул:

– Пусть Империя провалится в тартарары! Вся Сивенна за это молится каждый день. Когда-то у меня были братья, сестра, отец. Сейчас у меня есть дети и внуки. Генерал знает, где их найти.

Деверс ждал.

Барр продолжал шепотом:

– Но и это бы меня не остановило, если бы игра стоила свеч. Они знали бы, как умереть.

Торговец тихо проговорил:

– Выходит, вы когда-то убили вице-короля? Пожалуй, я кое-что начинаю понимать... Когда-то у вас был мэр. Знали его Хобер Мэллоу. Он побывал в Синение – так называется ваш мир? Там он встречался с человеком по фамилии Барр...

Дьюсем Барр тяжело, устало смотрел на торговца.

– Что вы знаете об этом?

– То же, что и любой торговец из Академии. Я вот что хочу сказать, док. Я ведь могу вам не поверить. Почему бы вам не оказаться хитрющим стариканом, посаженным здесь для того чтобы выведать у меня побольше. Ясное дело, вам угрожали смертью родственников, и вы ненавидите Империю и всей душой желаете ее гибели. Тогда я развешиваю уши и раскрываю вам душу к большой радости генерала. Нет, док, так у нас ничего не выйдет. Но как бы то ни было, мне жутко хотелось бы, чтобы вы доказали мне, что вы действительно сын Онума Барра из Сивенны – шестой, младший сын, которому удалось избежать смерти.

Дрожащей рукой Дьюсем Барр открыл маленький металлический ящичек в нише стены. Металлический предмет, который он вынул оттуда, тихонько звякнул, когда он положил его в руку торговца.

– Вот. Взгляните, – прошептал он.

Деверс поднес предмет ближе к глазам. Это было выпуклое центральное звено цепочки. Он ахнул...

– Это монограмма Мэллоу! Провалиться мне сквозь землю – эта штука сделана пятьдесят лет назад. Это так же верно, как то, что я – Латан Деверс.

Он запрокинул голову и тихо рассмеялся.

– Отлично, док! Генератор персонального защитного поля – то самое доказательство, которое был нужно!

И он протянул Барру свою здоровенную ручищу.

Глава шестая Фаворит

Небольшие юркие кораблики появились из черной пустоты пространства и ринулись в центр Армады. Без единого выстрела и выброса энергии они проскочили через буквально перегороженную имперскими линкорами территорию и дали несколько залпов. Неуклюжие имперские звездолеты только успевали поворачиваться за ними с грациозностью бегемотов. Сверкнули две бесшумные вспышки – будто два светляка вспыхнули и погасли на черных небесах. Остальные корабли противника удалились так же быстро и неожиданно, как и появились.

Имперские корабли побродили еще немного – и вернулись к выполнению своей главной задачи. Мир за миром, система за системой – кольцо блокады смыкалось...

Военная форма ловко сидела на Бродриге – она была хорошо подогнана, да и носил он ее щегольски. Он лениво прогуливался по парку на далекой планете Ванда, где теперь размещалась Ставка Верховного Главнокомандующего Имперским Флотом. Лицо его было угрюмо.

Рядом с ним вышагивал Бел Риоз. Верхняя пуговица кителя была расстегнута. Серо-черная полевая форма генерала выглядела мрачновато рядом с парадным мундиром Бродрига.

Риоз указал на блестящую черную скамейку, стоявшую в тени благоухающего куста папоротника, громадные перистые листья которого тянулись к белесому солнцу.

– Взгляните, сэр. Вот образчик имперской старины. Резные скамейки, поставленные для влюбленных. Стоят себе и стоят, ничего им не делается. А дворцы и заводы лежат в руинах.

Он уселся на скамейку, а Личный Секретарь Клеона II остался стоять перед ним, легонько трогая листья папоротника своей изящной тростью из слоновой кости.

Риоз закинул ногу на ногу и предложил своему спутнику сигарету. Достал еще одну для себя и проговорил:

– Именно этого следовало ожидать от нашего мудрейшего Императора. Его Величество просто не мог послать лучшего наблюдателя, чем вы. А то я, признаться, чувствовал себя в высшей степени неловко, отвлекая его особу от более важных дел, нежели незначительная военная кампания на Периферии.

– Очи Императора зрят повсюду, – лениво, заучено отозвался Бродриг. – Мы далеки от того, чтобы недооценивать важность кампании, но нам до сих пор кажется, что трудность ее осуществления несколько преувеличена. Их маленькие кораблики, несомненно, не могут быть непреодолимым барьером для завершения Блокады.

Риоз вспыхнул, но овладел собой.

– Я не имею права рисковать жизнью своих людей. Их мало. Не могу рисковать и кораблями – их мне никто не возместит, если я предприму грубую атаку. Завершение Блокады снизит наши потери в окончательной атаке, какой бы трудной она ни оказалась. Военные принципы этой тактики я имел честь объяснить вам вчера.

– Да-да, конечно, я же не военный. Просто у меня такое впечатление, что вы изо всех сил стараетесь убедить меня в том, что все, что кажется так просто и ясно, на самом деле не так. Мы вам это позволили. Однако ваша предосторожность этим не ограничивается. Во втором вашем донесении вы потребовали подкрепления. Для чего? Для борьбы с противником малочисленным, нищим – варварами, с которыми у вас до сих пор не было ни одного серьезного столкновения. Просьба о подкреплении в такой ситуации говорит либо о вашей некомпетентности, либо... о чем-то похуже – тем более что вся ваша карьера доказала, как вы упрямы, дерзки и как страдаете избытком воображения.

– Благодарю вас, – холодно отозвался генерал. – Однако позволю себе напомнить вам, что упрямство и слепота – далеко не одно и то же. Можно позволить себе разрабатывать тонкие стратегические ходы, когда имеешь дело с противником, от которого знаешь что ждать. Тогда возможно хотя бы приблизительно определить степень риска. Однако всякий шаг по отношению к незнакомому врагу – дерзость сам по себе. С таким же успехом можно гадать, почему днем человек спокойно ходит по тесной комнате, а ночью натывается на мебель.

Бродриг ответил на тираду генерала неопределенным изящным жестом.

– Красиво. Но неубедительно. Вы же лично побывали в этом варварском мире. Кроме того, у вас содержится пленник, торговец. Как я понимаю, между вами и пленником нет полосы ночного тумана?

– Вы так думаете? Простите, но я возьму на себя дерзость напомнить вам, что мир, который два столетия развивался в изоляции, нельзя вот так сразу взять и понять! Я там пробыл всего месяц. Я солдат, а не супермен с квадратным подбородком и непробиваемой грудью из субэфирного голографического триллера! Точно так же и один-единственный пленник, член непонятного экономического сообщества, которое не связано напрямую с правительством противника, – не слишком надежный источник информации о секретах военной стратегии врага.

– Вы его допрашивали?

– Допрашивал.

– Ну и?

– Довольно результативно, но все же не настолько, насколько хотелось бы. Его корабль невелик, военное значение – ноль. Он торгует маленькими безделушками. Они забавны, но не более того. Самые интересные я хотел бы отослать в качестве сувениров Его Величеству. Вот в конструкции корабля есть кое-что интересное. Но не все пока понятно. Но я и не инженер, с другой стороны.

– Что, на флоте нет специалистов?

– Есть, – желчно отозвался генерал. – Но этим балбесам придется еще долго головы ломать, прежде чем они докопаются до того, что меня интересует. Я уже просил прислать сюда хоть одного мало-мальски смыслящего инженера, который смог бы разобраться в принципе действия странных силовых полей, имеющихся в конструкции корабля. Ответа пока нет.

– Таких специалистов мало, генерал. Неужели а подведомственной вам провинции не

отыщется ни одного специалиста по ядерной энергетике?

– Да если бы такой был, он бы уже давно привел в чувство хромающие, покалеченные двигатели двух моих подбитых кораблей! У меня всего-то десять звездолетов, и два из них не годятся для серьезного сражения из-за недостаточного энергетического обеспечения. То есть пятая часть моего флота должна будет прятаться за атакующими кораблями, когда дело дойдет до настоящей драки!

Пальцы секретаря нервно скользили по рукоятке трости.

– Вы не один в таком положении, генерал. У Императора те же трудности.

Генерал бросил на землю свою измятую, так и не закуренную сигарету, достал другую, закурил, пожал плечами.

– Да я все понимаю. Конечно, это дело не сегодняшнего дня – отсутствие профессионалов высокого класса. Да и с пленником дело пошло бы успешнее, если бы прибор для психологического тестирования был в порядке.

Брови секретаря поползли вверх.

– У вас есть психотест?

– Старенький. Развалина – вечно выходит из строя именно тогда, когда нужен. Я включил его, когда пленный спал, и ничего не добился. Такие вот дела. Я проверял прибор на своих подчиненных, и реакция была совершенно адекватная, но опять-таки никто из моего персонала – я имею в виду инженеров – не может понять, почему с пленным прибор не срабатывает. Дьюсем Барр – ученый-теоретик, не разбирающийся в механике, говорит, что, вероятно, структура психики пленного может быть нечувствительна к тесту, поскольку тот якобы с детства находился под влиянием чужеродной среды и инородных нейронных стимулов. Не знаю... Но думаю, что кое-что из него еще можно будет выудить. Именно из этих соображений я оставил его в живых. Пока.

Бродриг оперся на трость.

– Я попытаюсь найти специалиста в столице. Кстати что это за человек, о котором вы упомянули? Сивеннианец? Не много ли врагов, к которым вы излишне милосердны?

– Он кое-что знает о противнике. Его я тоже берегу на будущее. Он может оказаться полезным.

– Но он сивеннианец и сын мятежника.

– Он стар и немощен, а его родственники – заложники.

– Понятно. Тем не менее мне хотелось бы лично побеседовать с пленным.

– Конечно.

– Наедине, – холодно добавил секретарь.

– Конечно, – вяло согласился генерал. – Как верный слуга Императора, я принимаю его личного представителя как старшего по чину. Однако, поскольку пленный находится на нашей стационарной базе, вам придется покинуть передовую в очень интересный момент.

– Да? В каком же смысле интересный?

– В том смысле, что сегодня завершено формирование Блокадного кольца. В том смысле, что через неделю Двадцатый Пограничный Флот выступает вперед к цели – в очаг сопротивления.

Риоз улыбнулся и отвернулся.

Бродриг почувствовал себя задетым...

Глава седьмая Подкуп

Сержант Мори Люк был образцовым солдатом. Родом он был из обширного сельскохозяйственного мира системы Плеяд, где только армейским подразделениям было под силу справляться с каторжными сельскими работами. Армейская карьера его ничего выдающегося собой не представляла. Начисто лишенный эмоций, он без опаски смотрел страху в глаза. Он был по-крестьянски силен и ловок и не раз выходил победителем из нештучных

переделок. Беспрекословно выполнял приказы, с подчиненными был прост и справедлив, генералу предан беззаветно.

Тем не менее характер у него был веселый и жизнерадостный. Если ему и доводилось пускать в ход оружие по долгу службы, делал он это не задумываясь, но беззлобно.

Сержант Люк позвонил у двери, прежде чем войти, но мог бы этого и не делать – он имел полное право войти, не позвонив.

Двое узников в это время ужинали. Оторвавшись от еды, они встретили сержанта вопросительными взглядами. Тот, что был помоложе, встал, чтобы уменьшить громкость транзисторного телевизора.

– Еще книжек принесли? – поинтересовался Латан Деверс.

Сержант вытащил из кармана небольшой цилиндр с микропленкой и поскреб пятерней шею.

– Да, вот взял у инженера Орре. Надо будет вернуть. Он вроде бы собирался отправить эту штуковину своим ребятишкам. Как сувенир, понимаете?

Дьюсем Барр повертел цилиндр в руках и спросил:

– А откуда это у инженера? У него есть телевизор?

Сержант решительно замотал головой и, кивнув в сторону стоящего на полу у кровати старенького телевизора, сообщил:

– Нет, этот, что у вас, здесь единственный. Больше нет. Этот парень, Орре, значит, заполучил эту книжку в одном из этих миров, которые мы захватили, – не помню названия. Она, книжка-то, хранилась там в каком-то доме особом – одна, представляете? Ну, и ему пришлось кокнуть пару туземцев, чтобы ее заполучить.

Он оценивающе глянул на цилиндр.

– Ну, для ребятишек, наверное, в самый раз будет.

Немного помолчав, вкрадчиво добавил:

– Тут, между прочим, кое о чем поговаривают. Может, и враки, но прямо страсть как хочется вам рассказать. Наш генерал – ну, в общем, полный успех.

Он красноречиво моргнул.

– Вот как? – удивился Деверс, – А в чем успех?

С опаской оглянувшись на дверь, сержант прошептал:

– Блокада завершена, вот что! Ну, разве он не молодец? – радостно прищелкнул языком сержант. – Ведь как быстро все провернул! Один из наших, мастер красиво выражаться, сказал, что все было так красиво – ну вроде... как же он это сказал-то? А! Музыка сфер, вот как! Только я в этом все равно ни черта не смыслю.

– Теперь начнется генеральное наступление? – тихо спросил Барр.

– Наверно! – резво откликнулся сержант. – Мне бы теперь поскорее вернуться к себе на корабль. Рука-то у меня уже срослась. Чертовски надоело валяться тут на койке, разрази меня гром!

– Мне тоже, – горько вздохнул Деверс.

Сержант подозрительно поглядел на Деверса и сказал:

– Пожалуй, я пойду. Скоро капитан начнет обход. Не дай бог, тут застучает.

Дойдя до двери, Люк остановился.

– Да, кстати, сэр, – проговорил он смущенно, обратившись к торговцу, – я туг с женой разговаривал. Она говорит, что тот маленький морозильничек, что вы мне дали, чтоб я ей послал, здорово работает! Он ведь ей даром достался, а она уже успела месячный запас продуктов заморозить. Так что я очень доволен.

– Все в порядке. Не стоит благодарности.

Толстенная дверь бесшумно открылась и так же бесшумно закрылась за улыбающимся сержантом.

Дьюсем Барр встал со стула.

– Ну что ж, он честно расплатился с нами за морозильник. Давайте-ка посмотрим, что же это за новая книга. Ага, названия нет...

Он отмотал около ярда пленки и посмотрел на свет. Удивленно пробормотал:

– Разрази меня гром, как выражается наш сержант! Это же «Сад Саммы», Деверс!

– Да? – лениво отозвался торговец, отодвигая в сторону тарелку с остатками ужина. – Садитесь, Барр. Я ничего не смыслю в этой вашей древней литературе. Вы слышали, что сержант сказал?

– Слышал. И что?

– Того гляди, наступление начнется! А мы тут торчим!

– А где бы вы предпочли торчать?

– Ох, только не надо... Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Ждать больше нельзя!

– Нельзя? – безразлично повторил Барр, вынимая из приемника старую пленку и вставляя новую. – Послушайте, за месяц вы мне столько рассказали об истории Академии, и, знаете, у меня возникло впечатление, что ваши прежние лидеры во время кризисов только и делали, что сидели и... ждали.

– Да, Барр, но они хотя бы знали, куда идут!

– Разве? А мне почему-то показалось, что они говорили об этом, когда все уже было позади. Причем, насколько я понимаю, большей частью так оно и было. Но нет никаких доказательств, что все пошло бы лучше и проще, если бы они знали, куда идут. Глубинные экономические и социальные процессы не могут управляться отдельными людьми.

Деверс хмыкнул.

– Да. Но нет и доказательств, что все могло пойти хуже. Вы не с той стороны смотрите. – Он прищурился. – А не прикончить ли его?

– Кого? Риоза?

– Да.

Барр вздохнул. Глаза его затуманились – видимо, вспомнил дела давно прошедших дней.

– Убийство – не выход, Деверс. Я сам однажды сделал это. То есть меня убедили, что это необходимо. Мне было двадцать лет тогда. Но я ничего не решил. Я убрал злодея из Сивенны, но от имперского ига мы не избавились. Конкретный человек не имел значения.

– Но Риоз не просто злодей, док. Он – это вся его проклятушая армия. Без него она рассыплется! Они же, как детишки, на нем висят. Вы на сержанта посмотрите – он же просто пузыри от умиления пускает, стоит ему только о генерале заговорить!

– Пусть так. Обязательно отыщутся другие армии, другие генералы. Нужно смотреть глубже. Например, существует Бродриг. Его никак нельзя сбрасывать со счетов – никто другой не имеет такой возможности шептать на ушко Императору. Он может потребовать – и получит! – сотни кораблей там, где Риоз вынужден обходиться десятком. Мне отлично известна его репутация.

– Вот как? И что же он за птица? – загорелись глаза торговца.

– Коротко? Он – наглый простолюдин, путем беспрониимной лести проникший в окружение Императора. Его до смерти ненавидит дворцовая аристократия (сами подонки – хуже некуда), поскольку ему в равной степени плевать и на аристократов, и на простолюдыне. Он – советник Императора по всем вопросам и его правая рука, в самых темных делишках. Он бесчестен по сути и лоялен исключительно по необходимости. В Империи вряд ли отыщется человек, более изощренный в злодействах и более грубый в развлечениях. Говорят, к Императору просто невозможно проникнуть без протекции Бродрига, а к самому Бродригу – не иначе как через унижение.

– А-га... – задумчиво пробормотал торговец, поглаживая аккуратно подстриженную бороду. – И именно этого человека Император послал сюда приглядывать за Риозом... Знаете что? У меня есть идея.

– Знаю.

– Допустим, этому Бродригу не слишком понравится наш молодой армейский божок...

– А он и так от него не в восторге. Риоз вообще мало кому нравится.

– Отлично! Допустим, дела пойдут не слишком хорошо. И Император об этом узнает. Тогда Риозу придется туговато, верно?

– Пожалуй. Весьма вероятно. Но как вы думаете это устроить?

– Пока не знаю. Может, его можно подкупить?

Патриций тихо рассмеялся.

– Наверное, можно, но только не так, как нашего милейшего сержанта. Уж никак не с помощью карманного морозильника! Но даже если вам удастся придумать что-нибудь соответствующее его уровню, вряд ли из этого что-то выйдет. Подкупить-то его, пожалуй, легче, чем кого-либо другого, но у него нет ни капли честности для джентльменской сделки. Он не *останется* подкупленным, понимаете? Ни за какую цену. Придумайте что-нибудь еще.

Деверс закинул ногу на ногу.

– Ценная информация. Хотя...

Он замолчал, потому что вспыхнула сигнальная лампочка и на пороге снова возник сержант. Он был взволнован, круглая физиономия пылала румянцем. Вопреки обыкновению, он не улыбался.

– Сэр... – начал он, изо всех сил стараясь сохранять почтительный тон. – Я вам, конечно, очень благодарен за морозильник, и вы всегда ко мне были так добры, хотя я всего-навсего сын простого крестьянина, а вы – такие важные господа...

От волнения он говорил со страшным плеядским акцентом, и выглядел он сейчас действительно деревенщиной – куда девались всегдашняя военная выправка и четкость!

– Что случилось, сержант? – поинтересовался Барр.

– Лорд Бродриг прибывают сюда для встречи с вами! – выпалил сержант. – Для встречи с вами. Завтра! Я знаю про это, потому что капитан приказал мне подготовиться к смотру на завтра для... для его встречи! Я подумал... что должен предупредить вас.

– Спасибо, сержант. Мы вам очень признательны. Но почему вы так взволнованы? Что в этом такого...

Однако его слова несколько не успокоили сержанта Люка. На лице его был написан страх. Срывающимся голосом он прошептал:

– Вы просто не знаете, что это за человек! Про него такое рассказывают! Он... продал душу космическому дьяволу, вот что! Говорят еще, что он ни шагу не ступит без своих телохранителей, вооруженных бластерами. И когда ему захочется, он приказывает им стрелять в любого, кто попадется, – просто так, для удовольствия. Они и стреляют, а он – он смеется! Говорят, – сержант покосился на дверь, – что его даже Император побаивается и что он заставляет Императора повышать налоги, а что люди ропщут, про это он ему не говорит. А еще говорят, что он ненавидит нашего генерала, потому что наш генерал – такой большой и умный человек. Говорят, что он хочет его убить, но только не может этого сделать, потому что генерала все любят, а генерал знает, что лорд Бродриг – злодей и мошенник.

Сержант часто заморгал и смущенно улыбнулся, стыдясь собственной эмоциональности. И, уже пятась к дверям, резко кивнул и закончил:

– Запомните мои слова. Будьте с ним поосторожнее.

И выскользнул за дверь...

Деверс задумчиво уставился в потолок.

– А ведь, похоже, все идет как надо, а, док?

– Все зависит, – сухо отозвался Барр, – от Бродрига.

Но Деверс не слушал. Он думал...

Лорду Бродригу приходилось то и дело пригибать голову, передвигаясь по отсекам торгового корабля. Два его вооруженных телохранителя быстро шли за ним с бластерами наизготовку и профессионально хмурыми выражениями на физиономиях записных храбрецов.

На взгляд Деверса, Личный Секретарь Императора Мало походил на того продавшего душу дьяволу проходимца, каким его описал сержант. Если космический дьявол и купил его душу, то на внешности лорда не оставил никаких признаков того, что он ею владеет. Скорее Бродриг привнес своим появлением даже некоторый дворцовый шик, ожививший мрачную скуку военной базы.

Четкие, безукоризненные линии его парадной, ловко сидящей на нем формы создавали

иллюзию, что он – высокого роста, и с этой мнимой высоты его холодные, бездушные глаза взирали на торговца. Он выставил перед собой трость из слоновой кости, изящно оперся на нее. Перламутровые запонки на манжетах мягко блестели.

– Нет-нет, – мягким жестом остановил он Деверса. – Оставайтесь на месте. Ваши безделушки меня не интересуют.

Он придвинул стул, тщательно стер с него пыль ослепительно белым платком и сел. Деверс искал глазами второй стул, но Бродриг лениво проговорил:

– В присутствии Пэра Империи вы должны стоять. – И улыбнулся.

Деверс пожал плечами.

– Если вас не интересует мой торговый груз, зачем вы меня сюда пригласили?

Личный Секретарь Императора молчал, и Деверс медленно добавил:

– Сэр...

– Для личной беседы. Неужели вы думаете, что я пролетел двести парсеков для того, чтобы полюбоваться на ваши побрякушки? Я на вас хотел посмотреть.

Он достал из узорчатой коробочки маленькую розовую таблетку, положил ее под язык и стал медленно посасывать.

– Например, – продолжал он, – мне бы хотелось узнать, кто вы такой? Действительно ли вы – гражданин варварского мира, из-за которого разгорелся весь этот сыр-бор?

Деверс утвердительно кивнул.

– Так... И вы действительно были захвачены в плен этим... после того, как началась эта перебранка, которую он называет войной? Я имею в виду нашего молодого генерала.

Деверс снова кивнул.

– Так! Отлично, мой прекрасный чужестранец! Как я посмотрю, вы не слишком разговорчивы. Я облегчу вашу задачу. У меня впечатление, что наш генерал ведет здесь абсолютно бессмысленную войну с неоправданными затратами дорогостоящей энергии – и все это ради неоправданного захвата крошечной системы где-то на задворках Галактики, что для здравомыслящего человека должно, по идее, заключаться в одном-единственном метком выстреле из одного-единственного бластера. Однако нашему генералу в отсутствии логики не откажешь. Наоборот, я бы сказал, что он – очень неглупый человек. Вы улавливаете мою мысль?

– Не сказал бы, сэр.

Секретарь внимательно разглядел свои ухоженные ногти и продолжил:

– Тогда слушайте дальше. Генерал не стал бы разбрасываться людьми и кораблями исключительно ради боевой славы. Мне известно, что говорит он именно о славе и Имперской чести, но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что весь этот пафос гроша ломаного не стоит. Что-то здесь другое... К тому же он проявляет к вам странное, непонятное милосердие. Если бы вы были в плену у меня и сказали мне так же мало, как ему, я бы уже давно распорол вам живот и подвесил вас на ваших собственных кишках.

Деверс сохранял спокойствие. Взгляд его остановился по очереди на бульдожьих физиономиях телохранителей Бродрига. Да, они были наготове...

Секретарь криво улыбнулся.

– Да, вы просто потрясающе немногословны. Если верить генералу, даже психотест у вас ничего не выудил. И это было большой ошибкой с его стороны – именно это и заставило меня усомниться в том, что наш молодой военный гений говорит правду.

Похоже, у Бродрига поднялось настроение.

– Благородный торговец, – продолжал он, улыбаясь. – У меня есть собственный прибор для психотеста, и он вам как нельзя лучше подойдет. Взгляните-ка...

Между большим и указательным пальцами левой руки Бродрига была зажата пачка розовато-желтых шестиугольников.

– Похоже на деньги... – пробормотал Деверс.

– Деньги и есть. Причем деньги верные – они обеспечены моей недвижимостью, – а поместий у меня больше, чем у самого Императора. Сто тысяч кредиток. Все здесь! Они ваши.

– За что, сэр? Я честный торговец, но не вижу предмета сделки.

– За что? За правду! Чего хочет генерал? Почему он ведет эту войну?

Латан Деверс вздохнул, нахмурился, погладил бороду...

– Чего он хочет?.. – задумчиво повторил он, поглядывая, как длинные пальцы Бродрига пересчитывают кредитки, – Если коротко – имперской короны.

– Хм-м... Как просто! В конце концов все всегда сводится к этому. Но как? Это какая же такая дорога ведет с задворок Периферии прямо к Императорскому Олимпу?

– Академия, – скорбно вздохнул Деверс, – владеет множеством тайн и секретов. У них есть много книг – старых книг, таких старых, что язык, на котором они написаны, знают всего несколько человек. И все эти тайны скрыты под оболочкой ритуалов и религии, и простой смертный не может ими воспользоваться. Я однажды попытался... Теперь я здесь, а там меня ожидает смертный приговор.

– Ясно. А что это за древние тайны? Полагаю, за сто тысяч кредиток я имею право на подробности.

– Трансмутация элементов! – выпалил Деверс.

Секретарь прищурился. Он был явно удивлен.

– Вот как? Но мне говорили, что практическое осуществление трансмутации по законам ядерной физики невозможно!

– Да, если используется ядерная энергия. Но в Академии народ способный подобрался. Им известны источники энергии более мощные, чем ядерная. Если Академия пользуется такими источниками, то...

Деверс почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Да, он верно выбрал наживку, и рыбка ее почувяла...

Бродриг поторопил его:

– Продолжайте. Я все понял. Уверен, что генерал знает обо всем этом. Вот только... что он собирается предпринять, когда закончится вся эта буффонада?

Деверс твердо, уверенно ответил:

– Владея секретом трансмутации, он возьмет под контроль всю экономику Галактики. Минеральные ресурсы не будут стоить ни гроша – ведь Риоз будет, иметь возможность производить вольфрам из алюминия и иридий – из железа. И вся экономика, основанная на недостатке где-то одних элементов и избытке других, прикажет долго жить. Наступит величайший хаос и разъединение за всю историю Империи, и прекратить их под силу будет только Риозу. Вот какую власть обретет Риоз, если учесть, что религиозные предрассудки его ни капельки не волнуют. Теперь его ничто не остановит. Он сел Академии на шею, и через года после того, как покончит с ней, станет Императором.

– Так... – Бродриг неожиданно повеселел. – Значит, иридий из железа, так вы сказали? А хотите, торговец, я вам раскрою государственную тайну? Да будет вам известно, что у генерала уже были встречи с правительством Академии.

По спине у Деверса пробежали мурашки...

– Вы удивлены? А почему бы и нет? По-моему, это вполне логично. Нам известно, что они предлагали ему сотни тонн иридия в год, чтобы он их оставил в покое. Вернее – сотни тонн железа, превращенного в иридий в нарушение всех религиозных установок, ради спасения собственных шкур. Вот так. И совершенно неудивительно, что наш неподкупный генерал отказался, – он ведь может получить и иридий, и Империю. А наш бедный Клеон еще называл его одним из самых честных генералов! Мой благородный торговец, вы заслужили свои деньги!

С этими словами он бросил кредитки на пол. Деверс торопливо подобрал их.

У двери Бродриг обернулся.

– Один совет, торговец. Вы, конечно, можете считать, что мои ребята с бластерами лишены ушей, языков, мозгов... Они, и правда, не слышат, не разговаривают и не имеют понятия о том, что такое психотест. Зато они весьма, весьма искушены в изощренных пытках. Я купил тебя, парень, за сто тысяч кредиток, и полагаю, что совершил выгодную сделку. От тебя нужно только одно – забыть навсегда, что ты получил от меня какие-то деньги. Не дай тебе бог

заикнуться Риозу о нашем разговоре! Ты тут же отправишься на тот свет! Причем так, как я умею это делать.

В одно мгновение топкое, аристократическое лицо Секретаря стало жестким, злым. Губы, вытянутые в дежурную, искусственную улыбку, превратились в красный, отвратительный шрам поперек лица. Деверс поймал себя на мысли, что вот сейчас на него глазами Бродрига смотрит тот, кто раньше купил его самого...

Под дулами бластеров телохранителей Бродрига он молча проследовал в свою комнату.

На вопрос Дьюсема Барра он ответил с задумчивым удовлетворением:

– Нет. И это – самое потрясающее. Это он подкупил меня!

... Два месяца тяжелой войны не прошли даром для Бела Риоза. Он как-то осунулся, согнулся под грузом проблем, стал вспыльчив.

Он раздраженно приказал подобострастно взиравшему на него сержанту Люку:

– Ждите снаружи, сержант. Отведите этих людей назад в их комнату, когда мы тут закончим. Никому не входить без моего разрешения. Никому, поняли?

– Сядьте, – бросил он пленникам. – У меня мало времени. Честно говоря, я бы сюда не прилетел, если бы не необходимость вас повидать.

Он повернулся к Дьюсеми Барру, вертевшему в руках хрустальный кубик, в котором красовался голографический бюстик Его Императорского Величества.

– Во-первых, патриций, – начал генерал, – должен вам сообщить, что ваш Селдон проигрывает. То есть не совсем так – бьется он здорово. Эти вояки из Академии носятся, как очумелые пчелы, и дерутся, как сумасшедшие. Планеты защищаются отчаянно, а после того, как мы их захватываем, на каждой из них тут же вспыхивают мятежи, подавлять которые почти так же трудно, как и захватить планету. Но как бы то ни было, мы их захватываем и удерживаем. Так что, повторяю – проигрывает ваш Селдон.

– Но пока не проиграл, – тактично уточнил Барр.

– У самой Академии оптимизма поменьше, чем у вас. Они предлагают мне миллионы только ради того, чтобы я окончательно не разгромил вашего беднягу Селдона!

– Я слышал об этом.

– Значит, слухи меня опередили? Отлично! Ну и что же тут говорят о последних событиях?

– Смотря что вы имеете в виду.

– Я имею в виду лорда Бродрига, любимчика Императора. Он ведь теперь стал вторым Главнокомандующим – сам напросился.

Тут Деверс впервые подал голос.

– Сам, босс? Как это? Или он вам стал нравиться.

– Нет, не сказал бы, – спокойно отозвался Риоз. – Он просто купил себе эту должность за честную и высокую цену.

– То есть?

– За запрос Императору о подкреплении.

Ироничная улыбка Деверса стала шире.

– Значит, он все-таки связался с Императором, да? Надо понимать, генерал, подкрепление прибудет со дня на день, так?

– Нет. Не так. Они уже прибыли. Пять мощнейших, маневренных линкоров и личное послание от Императора с пожеланиями успехов. А на пути к нам – еще корабли. Что это вы так расстроились, торговец?

– Ничего... – отозвался Деверс похолодевшими губами.

Риоз вышел из-за стола и встал перед торговцем, положив ладош, на приклад бластера.

– Я спрашиваю, что это вы так расстроились? Новость вам явно не по вкусу! А вы говорили, что судьба Академии вас не слишком волнует?!

– Говорил.

– Да... Что-то все-таки есть в вас непонятное, – процедил сквозь зубы Риоз.

– Вы так думаете, босс? – слабо улыбнулся Деверс и сунул руки в карманы куртки. – А вы

скажите, что вам непонятно, а уж я как-нибудь постараюсь объяснить.

– Вот-вот. Хватит дурачиться, торговец. Непонятно вот что: вы были захвачены в плен потрясающе легко – сдались при первой же угрозе. Даже защитное поле не включили. Вы без сожаления готовы предать свой мир, причем без всякого вознаграждения. Интересно, не правда ли?

– Просто хотелось бы остаться на стороне победителя, босс. Я же неглупый человек, вы сами сказали.

Риоз раздраженно, хрипло выпалил:

– Ладно! Только почему-то с тех самых пор мы не захватили в плен ни одного торговца. Торговые корабли имеют такую скорость, что спокойно могут удрать в случае чего. Все до одного эти корабли оборудованы защитным полем такой интенсивности, что отлично могут закрыться от легкого крейсера. Но уж если стычки возникали, все до единого торговцы дрались как звери – все до единого! Кроме того, мы выяснили, что торговцы часто стояли во главе партизанских движений на оккупированных планетах и организовывали вылазки в занятых нами секторах космоса.

Это что же, выходит – вы один такой неглупый человек? Вы и не сражались, и не удирали, а сразу взяли и стали предателям, хотя вас никто об этом не просил. Вы уникальны – просто потрясающе уникальны! Я бы сказал больше – вы подозрительно уникальны!

Деверс мягко возразил:

– Я понимаю, что вы хотите сказать, но фактов у вас нет никаких, босс. Я пробыл у вас шесть месяцев, и вел себя паинькой.

– Да, это так, и я отплатил вам хорошим обращением. Я оставил в целости и сохранности ваш корабль, и вам оказывались всяческие милости. Однако вы не дотянули. Добровольная информация, например о том, как устроены приспособления, которыми набит ваш корабль, была бы весьма в нашу пользу. Это я к тому, что принцип их действия с большой вероятностью может применяться в некоторых видах оружия, используемого Академией.

– Я простой торговец, – попытался возразить Деверс, – а не инженер. Я ведь только торгую этими штуками, а не делаю их.

– Ну, это мы скоро выясним. Для этого я сюда и прилетел, собственно говоря. К примеру – в ближайшее время ваш корабль будет обыскан до последнего винтика на предмет обнаружения источника персонального защитного поля. Вы им ни разу не воспользовались, в то время как оно есть у каждого солдата флота Академии. Найдем – будет ясно, что вы чего-то не договариваете. Понятно?

Ответа не последовало. Генерал удовлетворенно продолжал:

– Но я получу и более прямые доказательства. Я привез с собой новый прибор для проведения психотеста. Однажды тест не удался, но когда общаешься с врагом: век живи – век учись.

В голосе генерала нарастали угрожающие потки. Деверс почувствовал, как холодное дуло бластера уперлось ему в живот. Риоз хладнокровно отчеканил:

– А теперь ты снимешь свой браслет и все остальные металлические побрякушки, которые у тебя есть, и отдашь мне. Спокойно! Не двигаться! Думал, я глупее тебя? Конечно, атомное поле можно исказить, а психотест действует только в условиях статики. Так-то.

Но в это время около письменного стола генерала мигал сигнал и в приемник почты упала капсула. А коло приемника стоял Барр, все еще сжимая в руке кубик с изображением Императора...

Риоз отступал к столу, держа бластер наизготовку. Он приказал Барру, не глядя па него:

– И вы тоже, патриций. Ваш браслет выдал вас. Раньше вы были нужны мне. Я не мстителен, но судьба вашей семьи, видит бог, будет зависеть от результатов психотеста!

Риоз согнулся, протянул руку к приемнику почты, чтобы взять капсулу. Но в это мгновение рука Барра с зажатым в ней кристаллом поднялась и опустилась на голову генерала.

Это случилось настолько внезапно, что даже Деверс был ошеломлен. Тихий, миролюбивый патриций в одно мгновение превратился в карающего демона!

– Бежать! – хрипло выкрикнул Барр. – Быстро! Он выхватил бластер из безжизненно повисшей руки Риоза и спрятал его под блузу.

Стоявший у двери сержант Люк резко обернулся, когда они выскользнули в коридор. Барр хладнокровно приказал:

– Вперед, сержант.

Деверс закрыл за собой дверь.

Люк, ничего не понимая, пошел вперед по коридору по направлению к комнате пленников, по вынужден был идти дальше, поскольку его спины коснулся холодный металл бластера, а прямо в его ухо голос Деверса, не допускающий возражений, проговорил:

– К торговому кораблю!

...Деверс обогнал спутников, чтобы открыть входной люк, а Барр сказал:

– Стойте, где стоите, сержант. Вы были добры к нам, и нам не хотелось бы вас убивать.

Тут сержант разглядел монограмму на прикладе бластера и яростно вскричал:

– Вы... убили генерала!

В диком, неосознанном порыве он бросился вперед, прямо под пучок лучей, и на пол упала обугленная, бесформенная масса, всего лишь секунду назад бывшая сержантом Люком...

Торговый корабль успел подняться над поверхностью планеты до того, как отчаянно замигали и завывали сигналы тревоги, и устремился к центру Галактики.

Деверс угрюмо проговорил:

– Держитесь покрепче, Барр. А мы сейчас посмотрим, найдется ли у них корабль, который сможет догнать мое старое корыто!

Он отлично знал: такого корабля нет!

Когда они уже были в открытом космосе, торговец усталым, убитым голосом промолвил:

– Похоже, я оказал Бродригу чересчур хорошую услугу. Теперь он заодно с генералом.

Корабль быстро удалялся в черные глубины Галактики...

Глава восьмая К Трентору

Система связи молчала... Маленькая полусфера на пульте управления была темна и безжизненна. Система контроля направления полета медленно, методично обшаривала пространство тонкими пучками лучей.

Барр, расположившись в низком кресле в углу кабины, с состраданием поглядывал на Деверса. Наконец он осторожно спросил:

– Похоже, они безнадежно отстали?

– Имперские черепахи? Давно! – махнул рукой Деверс. – Беспокоит меня не это. Просто удивительно, как это мы, совершая прыжки через гиперпространство вслепую, до сих пор не врезались в какую-нибудь звезду. А они за нами не угнались бы, даже если бы обнаружили нас. Но они нас не обнаружили.

Он откинулся в кресле и рывком расстегнул воротник.

– Вообще непонятно, чем эти имперские бездельники тут занимаются. В их пресловутой Блокаде полным-полно прорех!

– Вы хотите направиться к Академии?

– Пока я пытаюсь связаться с Ассоциацией. Но, увы – без толку.

– С Ассоциацией? Кто это такие?

– Ассоциация Независимых Торговцев. Вы о ней не слыхали? Ну, не вы один. Просто мы еще не успели себя показать как следует.

Наступила пауза. Индикатор приема по-прежнему молчал.

– А мы в пределах досягаемости для связи? – спросил Барр.

– Не знаю. У меня нет ни малейшего понятия о том, где мы находимся. Я двигаюсь наугад. Вот почему пришлось прибегнуть к контролю направления. Так можно годами болтаться...

– Да? – Барр указал пальцем на замигавший индикатор. Деверс вздрогнул, быстро надел наушники. Внутри маленькой темной полусферы загорелась крошечная белая точка.

В течение получаса Деверс безуспешно пытался наладить связь через гиперпространство между двумя точками, расстояние между которыми обычный свет преодолел бы не раньше чем через пятьсот лет.

Наконец он устало откинулся на спинку кресла, помотал головой и снял наушники.

– Давайте-ка лучше поедим, док. Если хотите, можете принять массажный душ. Но горячей воды, скорее всего, нет.

Деверс встал, прошелся вдоль стенки кабины и остановился у одного из многочисленных шкафчиков. Открыл дверцу и заглянул внутрь.

– Надеюсь, вы не вегетарианец?

– Я всеяден, – улыбнулся Барр. – И все-таки насчет Ассоциации. Значит, связаться с ними невозможно?

– Похоже на то. Наш сигнал не дошел. Но это не важно. Честно говоря, я это предвидел.

Он выпрямился и поставил на стол два металлических контейнера.

– Через пять минут, док, нажмите вот тут. Будет вам и тарелка, и еда, и вилка – очень удобно, когда торопишься и когда не до такой роскоши, как салфетки. Вам, наверное, интересно, что я узнал в Ассоциации раньше?

– Если это не секрет.

Деверс покачал головой.

– Для вас – не секрет. То, что сказал Риоз, – чистая правда.

– Это насчет того, что ему выкуп предложили?

– Ага. Они предложили, а он отказался. Все точно. Так что – дело плохо. Сейчас идет сражение в районе внешних солнц Лориса.

– А Лорис далеко от Академии?

– А? Да, вы же не знаете! Это – одно из бывших Четырех Королевств. Можно считать его участком внутренней линии обороны. Но это не самое худшее. Им там никогда раньше не приходилось иметь дело с большими кораблями. Риоз не соврал. Он действительно получил подкрепление. Бродриг действительно переметнулся на его сторону, а я действительно спутал их карты.

Взгляд Деверса был мрачен. Он коснулся пальцем контактной точки на контейнере. Тот бесшумно раскрылся. Еда, по виду напоминавшая жаркое, аппетитным ароматом наполнила кабину. Дьюсем Барр уже жадно поглощал свою порцию.

– Итак, – подытожил Барр, – нам ничего не остается, как только импровизировать. Здесь нам делать нечего, прорваться через окружение к Академии мы не можем. Самое разумное – спокойно ждать. Однако, если Риоз действительно прорвался к внутренней линии обороны, ждать нам придется недолго.

Деверс отложил вилку.

– Ждать, говорите? – буркнул он, сверкнув глазами. – Вас это, возможно, устраивает. Вы же ничего не поставили на карту!

– Вот как? – грустно улыбнулся Барр.

– Да! Знаете, что я вам скажу? – раздражение Деверса рвалось наружу. – Я зверски устал от того, что мы как будто в микроскоп разглядываем все, что происходит. Там умирают мои товарищи. Там гибнет мой мир, мой дом. Вы – посторонний. Вы не можете понять.

– Я тоже видел, как погибали мои товарищи, – проговорил старик, обхватив руками колени и прикрыв глаза. – Вы женаты?

– Торговцы не женятся, – ответил Деверс.

– Ну, а у меня двое сыновей и племянник. Они предупреждены, но по ряду причин сделать ничего не могут. Наш побег означает их смерть. Дочь с внуками, надеюсь, успели покинуть планету заранее, но даже если не считать их, я уже успел рискнуть гораздо большим, чем вы.

Деверс немного смутился, но раздражение его не прошло.

– Знаю. Но у вас был выбор. Вы могли остаться и продолжать играть в «крестики-нолики» с генералом! Я вас не просил...

Барр покачал головой.

– Не было у меня выбора, Деверс. Ваша совесть чиста. Я рисковал жизнью своих сыновей не ради вас. Я был с Риозом до тех пор, пока это было нужно. Напомню вам, нам грозил психотест.

Сивеннианец поднял глаза. Они были полны боли и горечи.

– Риоз впервые пришел ко мне год назад. Он расспрашивал меня о том культе, который возник вокруг слухов о волшебниках. Но правды он не узнал. Это не совсем культ. Понимаете, уже сорок лет Сивенна томится под игом, которое теперь угрожает вашему миру. Пять мятежей вспыхнули за эти годы, все пять были жестоко подавлены. Потом я нашел древние упоминания о Гэри Селдоне, и теперь так называемый «культ» ждет своего часа.

Наши люди ждут возвращения «волшебников». Они готовы к этому. Тех, кто ждет, возглавляют мои сыновья. Этой тайны в моем сознании не должен был коснуться психотест. А теперь они должны погибнуть как заложники! В противном случае они были бы казнены как мятежники, и вместе с ними – половина населения Сивенны. Так что, как видите, – выбора у меня не было. И я – не посторонний!

Деверс опустил глаза, а Барр продолжал:

– Сивенна всей душой надеется, что Академия победит. Ради этой победы я пожертвовал жизнью сыновей. А ведь Селдон не предсказал неизбежного освобождения Сивенны, как предсказал победу Академии. У меня нет никакой уверенности в судьбе моих соотечественников – только надежда!

– И все-таки вы предпочитаете ждать! Ждать, когда имперский флот уже в Лорисе!

– Руку на сердце положи, – просто сказал Барр, я бы ждал, даже если бы они уже высадились на самом Терминусе.

Торговец нахмурился.

– Ну, не знаю... Я так не могу. В чудеса я не верю. Психоистория или что другое, – но они чертовски сильны, а мы слабы. Что с этим может поделать Селдон?

– Поделать – ничего. Все уже сделано. И сейчас продолжает совершаться. То, что вы не слышите, как крутятся шестеренки и звонят колокола курантов истории, не означает, что ничего не происходит.

– Может быть. Только мне кажется, было бы лучше, если бы вы не просто оглушили Риоза, а отправили его на тот свет. Он – более опасный враг, чем вся его армия.

– Лучше? Вы так думаете? Это при том, что вторым Главнокомандующим является Бродриг? – Лицо Барра исказила гримаса ненависти. – Тогда в заложниках оказалась бы вся Сивенна! Бродриг давно показал, на что способен. Есть один мир, который пять лет назад потерял каждого десятого жителя – только потому, что отказался платить повышенные налоги. А налоги ввел не кто иной, как Бродриг. Нет, пусть уж лучше Риоз живет! Он просто ангел по сравнению с Бродригом.

– Но шесть месяцев, шесть месяцев – на вражеской базе и – никакого толку! – простонал Деверс, до хруста сжав пальцы в кулаки. – Никакого толку!

– Ну-ка, ну-ка, постойте! Вы мне напомнили... – Барр пошарил в кармане. – Может быть, вас хоть сколько-нибудь утешит вот это?

Он положил на стол маленький серебристый шарик. Деверс рассеянно взял его.

– Что это?

– Капсула с донесением. Та, что пришла Риозу как раз перед тем, как я его стукнул. Может, она нам чем-нибудь поможет?

– Не знаю. Все зависит от того, что в ней. Деверс уселся поудобнее и стал внимательно разглядывать шарик.

Когда Барр вышел из-под холодного душа и с удовольствием согрелся под теплыми струями воздуха, он застал Деверса сидящим за пультом в глубочайшем раздумье. Сивеннианец, похлопывая себя ладонями, чтобы окончательно согреться, поинтересовался:

– Ну, чем вы тут занимаетесь?

Деверс поднял на него глаза, метавшие молнии. В бороде его сверкали капельки пота.

– Пытаюсь открыть эту капсулу, будь она проклята!

– А разве ее можно открыть, не зная персонального кода Риоза?

– Если я не смогу ее открыть, я подам в отставку, уйду из Ассоциации и никогда в жизни не ступлю на борт корабля! Я уже трижды прощупал ее электронную схему с помощью разных видов электронного анализа. У меня для этого есть специальные устройства, которые Империи неизвестны, а в Академии разработаны именно для вскрытия капсул. Я ведь раньше был взломщиком, если честно. Торговцу приходится знать обо всем понемногу.

Он снова склонился над капсулой. Маленький тонкий инструмент слегка коснулся поверхности шарика. Все контакты засветились.

– А капсула-то грубовато сработана, – вскользя отметил он. – Эти мудрецы из Империи ни хрена не смыслят в таких вещах. Видели хоть раз капсулы производства Академии? Они примерно вполовину меньше и, что самое главное, – не поддаются электронному анализу.

Он напрягся, мускулы напряжинились под тонкой тканью куртки. Маленький тестер еще раз коснулся шарика...

Шарик бесшумно раскрылся. Донесение развернулось, как высохший пергамент. Деверс устало и облегченно вздохнул.

– Это от Бродрига, – сообщил он и презрительно добавил: – Да... Еще и носитель информации не разлагается... В наших капсулах сообщение через минуту окисляется до газообразного состояния.

Дьюсем Барр знаком остановил его и быстро пробежал глазами донесение:

«ОТ АММЕЛЯ БРОДРИГА, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОСЛА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, СЕКРЕТАРЯ ИМПЕРСКОГО СОВЕТА, ПЭРА ИМПЕРИИ – БЕЛУ РИОЗУ, ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ СИВЕННЫ, ГЕНЕРАЛУ ИМПЕРСКОГО ФЛОТА, ПЭРУ ИМПЕРИИ.

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС.

ПЛАНЕТА 1120 ЗАХВАЧЕНА. ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БЕЗ ОСЛОЖНЕНИЙ. ПОТЕРИ ВРАГА ЗНАЧИТЕЛЬНЫ. ЗАДАЧА БЛИЗКА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ».

Барр оторвал взгляд от мелкого шрифта и в отчаянии прокричал:

– Идиот! Старый дурак! Разве это – донесение?!

– А? – вяло откликнулся Деверс. Он тоже был не на шутку разочарован.

– Да это же хуже, чем ничего! – безнадежно махнул рукой Барр. – Наш обожаемый сановник теперь действительно играет на генерала! Убрав Риоза, он станет Верховным Главнокомандующим! Пока же он тешит свою пустую душонку тем, что отправляет ему помпезные донесения о военных победах, к которым не имеет ни малейшего отношения. «Такая-то и такая-то планета захвачена». «Наступление продолжается по намеченному плану». «Потери врага значительны». Надутый петух!

– Постойте, Барр! Минуточку! Дайте-ка...

– Выбросьте это в мусоросборник!

Старик отвернулся, не зная, куда деваться от стыда и досады.

– Клянусь, я не ждал, что там окажется что-то из ряда вон выходящее! Но во время войны стоит предполагать, что даже самое пустяковое донесение, не доставленное в срок, может повлиять на ход военных действий и привести хоть к каким-то осложнениям. Вот почему я взял капсулу! О, Господи! Лучше бы я ее не брал! Тогда бы Риоз хоть минуту своего драгоценного времени потратил на чтение этой цидульки. Теперь-то он, как пить дать, употребит его на что-нибудь более существенное...

Деверс встал.

– Послушайте, патриций, перестаньте, ради бога, ходить из угла в угол! Можете

остановиться?

Он поднес крошечный листочек с донесением к самому носу Барра.

– Да прочтите же еще раз! Что это он имеет в виду под словами: «Задача близка к осуществлению»?

– Захват Академии, конечно!

– Да? А может быть, Империи? Вы же знаете, он верит, что его задача именно такова!

– И что?

– И что?

Улыбка Деверса утонула в бороде.

– Погодите... Сейчас покажу...

Ловким движением он убрал подписанное изысканной монограммой Бродрига донесение обратно в капсулу. Легкий щелчок – и капсула закрылась – будто ее и не открывали. Внутри раздался едва слышный шум – система контроля совершала обратный ход.

– Итак, вы утверждали, что открыть эту капсулу невозможно, не зная персонального кода Риоза. Так?

– В Империи – невозможно.

– Следовательно, содержание донесения нам неизвестно и абсолютно подлинно?

– Для Империи – да.

– Но Император может ее раскрыть, верно? Персональные коды всех офицеров Имперского флота наверняка внесены в компьютерные файлы. Во всяком случае, в Академии такая практика.

– В Имперской столице тоже, – подтвердил Барр.

– Следовательно, когда вы, патриций Империи и Пэр Империи, докажете этому Клеону, вашему Императору, что его любимый ручной попугайчик и самый верный и храбрый из его генералов снюхались, чтобы скинуть его, и вручите ему эту капсулу как вещественное доказательство, как он поймет, какая такая «задача» Бродрига близка к завершению, а? Ну, смелее!

Барр помотал головой.

– Подождите... Я не совсем понял... Вы ведь это несерьезно? – спросил он, потирая ладонью щеку.

– Абсолютно серьезно! – выпалил Деверс. Распаяясь все больше, он продолжал: – Послушайте! Девять из десяти ваших последних Императоров отправились на тот свет не без помощи своих верных генералов. У всех этих генералов были наполеоновские планы. Вы же сами мне об этом рассказывали! И не раз! Да старикашка Клеон поверит нам сразу, и голова Риоза очень скоро полетит с плеч!

– Да, он серьезно... – прошептал Барр в сторону и продолжил, повернувшись к Деверсу лицом: – Ради всего святого, поймите, что Селдоновский кризис нельзя преодолеть с помощью этой притянутой за уши нереальной, детективной дешевки! Ну, представьте, что нам в руки не попала капсула. Представьте, что Бродриг не закончил донесение фразой: «Задача близка к осуществлению». План Селдона не учитывает таких мелочей, такого дикого везения!

– Но все-таки, уж если нам так дико повезло, разве есть законы, которые говорят о том, что Селдон не воспользовался бы такой удачей?

– Ну, в общем-то нет, но... но...

Барр замолчал, потом заговорил более спокойно, но с очевидным напряжением:

– Ну, например, во-первых: как вы доберетесь до Трентора? Вы не знаете даже ее координат, а я их просто не помню, не говоря уже об эфемеридах. Вы даже собственных координат не знаете!

– В пространстве заблудиться невозможно, – хмыкнул Деверс. Он был уже у пульта управления. – Отправимся на ближайшую планету, а оттуда улетим со всем, что нам необходимо, и впридачу – с самыми лучшими навигационными картами. Не забывайте, что у нас с собой – сто тысяч кредиток!

– Вот именно, с картами! И в наручниках. Да наши портреты уже разосланы по всем

планетам этого сектора Империи!

– Док, – спокойно сказал Деверс. – Не будьте занудой. Риоз сказал, что мой корабль подозрительно быстро сдался, – и он не шутил. У моего корабля хватит энергии и огневой мощи, чтобы превратить в космическую пыль все, что мы встретим на своем пути. Кроме того, у нас есть персональные защитные поля. Проныры из Империи их не нашли, но это не значит, что их нет.

– Ну, ладно, ладно, – махнул рукой Барр. – Допустим, мы на Тренторе. Как вы собираетесь попасть к Императору? Вы что, думаете, у него есть приемные часы?

– А об этом поразмыслим, когда будем на Тренторе!

Барр беспомощно развел руками.

– Ну что ж, будь по-вашему. Честно говоря, я уже пятьдесят лет мечтаю побывать на Тренторе. А то так и умру – не увижу.

Гиперядерный двигатель заработал... Мигали огни... Деверс и Барр ощутили легкий толчок, означавший, что корабль совершает прыжок через гиперпространство...

Глава девятая На Тренторе

Звезд – что сорняков на непрополотом поле. Латан Деверс наконец увидел на табло цифры справа от нуля – они были крайне важны для расчета траектории полета через гиперпространство. То, что приходилось совершать прыжки на расстояния не более одного светового года, терзало его, как клаустрофобия. Небеса, озаренные мертвенным светом неизвестных звезд, пугали своей суровостью.

В центре звездного скопления, в котором было не меньше десяти тысяч светил, озарявших своим сиянием непроглядную черноту, вращалась громадная Имперская планета – Трентор.

Это была не просто планета – это было в полном смысле слова сердце Империи, биение которого передавалось двадцати миллионам звездных миров. У Трентора была единственная функция – контроль, единственная задача – правление, единственный продукт производства – законы.

Трентор, огромный мир, функционировал как одно целое. Население планеты составляли люди, домашние животные и их паразиты. Ни единой полоски травы, ни единого участка открытой почвы невозможно было отыскать за пределами ста квадратных миль, занятых Императорским Дворцом. Проточной воды, кроме как за стенами, окружавшими дворец, тоже не было видно – она хранилась в огромных подземных цистернах – запас для всей планеты.

Сверкающий, прочнейший, нержавеющий металл, покрывавший всю поверхность планеты, был основанием, на котором возвышались величественные металлические постройки, лабиринты которых покрывали всю планету. Здания были связаны между собой переходами; от переходов змеились во все стороны бесчисленные коридоры, размещались бесчисленные учреждения. На нижних этажах располагались многочисленные торговые центры, занимавшие участки площадью в несколько квадратных миль, а на верхних – развлекательные центры, яркие огни которых призывно загорались по вечерам.

Можно было запросто, войдя в одно из зданий, так и не выйти на поверхность...

Армады кораблей, число которых было никак не меньше, чем во всем Имперском Флоте, доставляли на Трентор ежедневно многотонные грузы, чтобы прокормить сорок миллионов людей, которые ничего не давали Империи взамен. Каждый день они занимались одним и тем же: распутывали мириады нитей, ведущих к Верховному Правительству – самому многочисленному и сложному по структуре из всех, что знала Галактика.

Двадцать сельскохозяйственных миров были огородом и садом Трентора. Вся Галактика была его прислугой.

...Крепко сжатый металлическими лапами торговый корабль был мягко опущен на высокий пандус, ведущий к ангару. Деверс уже вкусил «радостей» общения с Представителями мира, где доверяли только бумажкам, И был ознакомлен со священным принципом

«заполнения форм в четырех экземплярах».

Для начала их остановили на подлете к Трентору, где они должны были ответить на первую из ста последующих анкет. Они прошли сотни перекрестных обследований, тестирование, характерологическое обследование, позднее продублированное; корабль был сфотографирован, обыскан на предмет наличия контрабанды, была уплачена иммиграционная такса, и, наконец, – их попросили предъявить паспорта и визы.

Дьюсему Барру было проще: он был сивеннианцем, подданным Императора, а Латан Деверс – неизвестным без необходимых документов.

Дежурный таможенник, изобразив на лице сожаление, сообщил Деверсу, что он не имеет права пропустить его, а, наоборот, вынужден задержать до выяснения личности.

Но тут, откуда ни возьмись, появились новеньки блестящие кредитки и быстро перешли из рук в руки. Чиновник с деловым видом убрал деньги, и сожаление тут же покинуло его физиономию. Из соответствующего ящичка был извлечен на свет новый бланк, который был быстро и аккуратно заполнен, а к нему были приложены документы, удостоверяющие личность Деверса, – все как надо, комар носа не подточит.

Два человека – торговец и патриций, ступили на Трентор...

А в ангаре в это время до мельчайших подробностей обследовали их корабль – его фотографировали, просвечивали, переписывали грузы, снимали копии с идентификационных карточек пассажиров. За все это были уплачены солидные суммы налогов.

Теперь наконец Деверс отдыхал на высокой открытой террасе под лучами ярко-белого солнца. Мимо него прогуливались весело болтавшие дамы, смеясь, бегали дети. Мужчины лениво потягивали спиртное и поглядывали на экраны огромных телевизоров, передававших имперские новости.

Барр уплатил положенное количество иридиевых монет и купил последний номер пухлой газеты. Это были издававшиеся на Тренторе «Имперские Новости» – официальный орган правительства. В дальней части информационного салона мягко пощелкивали трудолюбивые машины, на которых печатались другие издания. Редакция «Имперских Новостей» располагалась за десять тысяч миль отсюда – добраться до нее можно было по длиннющему коридору. Десять миллионов копий одновременно печатались в это время в десяти миллионах таких же салонов по всей планете.

Барр пробежал глазами заголовки и тихо спросил.

– Ну, с чего начнем?

Деверс встрепенулся. Он находился так далеко родного дома, в мире, убивавшем его своей сложностью, запутанностью, среди людей, чье поведение ему было так же мало понятно, как язык, на котором они говорили. Зрелище сияющих металлических башен, окружавших его и простиравшихся вокруг насколько хватало глаз, угнетало его. Вся суетная, безостановочная жизнь метрополии повергала его в жуткую тоску, вызывая чувство одиночества, собственной пигмейской беспомощности.

– Придумайте что-нибудь сами, док, – вяло отозвался Деверс.

Барр понимающе кивнул.

– *Я пытался рассказать вам*, но в это трудно поверить пока не увидишь своими глазами. Я вам искренне сочувствую. Знаете, сколько людей в день мечтает увидеть Императора? Около миллиона. А знаете, скольких он принимает? Не более десяти. Тут нам придется иметь дело с гражданскими чиновниками, а это еще хуже. Причем с аристократами вообще вряд ли что удастся.

– Но у нас еще такая куча денег!

– Один-единственный Пэр Галактики будет стоять как раз такую сумму. А для того чтобы навести мостик к Императору, придется подкупить троих-четверых. Можно, правда, попробовать обойтись чипами пониже – председателями Комиссий, главными наблюдателями – их нам для той же цели потребуется не меньше пятидесяти, и каждый обойдется примерно в сотню. Переговоры придется вести мне. Мне – потому что, во-первых, они не поймут вашего диалекта, во-вторых, – вам неизвестен тонкий этикет придворного взяточничества. Это хитрая

наука, поверьте! Ох...

На третьей странице «Имперских Новостей» было то, что искал Барр. Он передал газету Деверсу.

Деверс читал медленно. Язык был непривычен, но смысл он все-таки уловил. Оторвав взгляд от газеты, он сердито ударил ладонью по листу.

– Что, этому можно доверять?!

– В определенной степени, – пожал плечами Барр. – Весьма маловероятно, чтобы они уничтожили весь флот Академии. Думаю, они уже не первый раз печатают подобное вранье. Если они прибегли к обычной практике освещения военных событий – объективности ждать не приходится. Скорее всего, это означает, что Риоз выиграл еще одно сражение. Это больше похоже на правду. Надо понимать, он захватил Лорис. Это, главная планета Королевства Лорис?

– Да, пробурчал Деверс. – Или того, что было когда-то Королевством Лорис. А оттуда до Академии е двадцати парсеков. Док, нам нужно торопиться!

– На Тренторе быстро не получится. Поспешись – получишь в лоб из бластера, вот и все.

– И сколько же времени нам потребуется?

– Месяц, если повезет. Месяц и наши тысячи кредиток. Если их хватит. И это в том случае, если Императору за это время не взбредет в голову отправиться на Летние Планеты, а там он вообще никого не принимает.

– Но Академия...

– Позаботится о себе сама, как и раньше. Ладно, Деверс, нам пора перекусить. Я ужасно голоден. И потом, у нас в распоряжении весь вечер, и нужно его с толком провести. Вряд ли нам когда-нибудь еще удастся посмотреть на Трентор. Нет худа без добра!

...Председатель Комиссии по внутренним делам беспомощно развел руками, с совиной близорукостью разглядывая посетителей.

– Сожалею, но Император нездоров, джентльмены. Так что передача дела по инстанциям – дело совершенно бесполезное. За эту неделю Его Величество никого не принял.

– Нас он примет, – с полной уверенностью заявил Барр. – Нам бы только встретиться с кем-нибудь из кабинета Личного Секретаря.

– Это невозможно! – воскликнул Председатель Комиссии. – Да за это я своим местом могу поплатиться! Если бы вы хотя бы намекнули, в чем суть вашей просьбы, я, возможно, и сумел бы вам помочь. Поймите, я всей душой желал бы быть вам полезен, но для этого мне нужна хоть какая-нибудь ясность. Должен я что-то объяснить моему боссу!

– Видите ли, – настойчиво гнул свое Барр, – если бы наше дело могло быть решено в более низкой инстанции, я бы и не просил аудиенции у Императора. Я убедительно прошу вас попытаться и рискнуть. Позволю себе напомнить вам, что Его Величество обязательно оценит важность нашего дела, и вы, несомненно, будете увенчаны заслуженными почестями.

– Да, но... – Председатель Комиссии запнулся и пожал плечами.

– Безусловно, – кивнул Барр, – риск должен быть оплачен. Для нас большая честь обратиться имени к вам, и мы крайне признательны за то, что вы согласились выслушать нас. Надеюсь, вы позволите нам подкрепить нашу благодарность...

Деверс нахмурился. Подобные речи с небольшими вариациями за последний месяц он выслушивал уже раз двадцать, не меньше. После этих слов обычно происходила передача денег. Однако на сей раз все выглядело несколько иначе. Как правило, деньги старались взять побыстрее, с опаской. Сейчас же они оставались на виду. Председатель Комиссии медленно пересчитал кредитки, тщательно осматривая их с обеих сторон, – только что на зуб не пробовал.

Голос его сразу изменился.

– Подписаны Личным Секретарем, да? Верные денежки!

– Давайте вернемся к делу, – поторопил его Барр.

– Нет, погодите, – оборвал его Председатель Комиссии. – Давайте еще раз сначала, и поточнее. Мне действительно важно знать, в чем суть вашего дела. Эти деньги – совсем

новенькие, и, судя по всему, у вас их было немало, поскольку, как я понимаю, до меня вам много с кем пришлось повидаться. Итак, в чем дело?

– Я не понимаю, к чему вы клоните?

– Видите ли, мне не составит труда доказать, что вы на Тренторе находитесь нелегально, поскольку въездная виза и карточка идентификации вашего молчаливого спутника явно не соответствуют действительности. Он не является подданным Императора.

– Это неправда.

– Вы можете отрицать что угодно, – с неожиданной жесткостью в голосе заявил Председатель Комиссии. – Чиновник, который за тысячу кредиток заполнил подложные документы, во всем сознался – и мы знаем о вас гораздо больше, чем вы думаете.

– Сэр, если вы намекаете на то, что сумма, предложенная вам, не соответствует степени риска...

Председатель Комиссии снисходительно улыбнулся.

– Наоборот, денег больше чем достаточно, – и он отложил кредитки в сторону, – Так вот. Император лично заинтересовался вами. Разве это неправда, господа, что вы не так давно были гостями генерала Риоза? Разве неправда, что вы совершили побег с центральной военной базы с легкостью, мягко говоря, необычайной? Разве неправда, что у вас с собой изрядная сумма денег, обеспеченных недвижимостью лорда Бродрига? Короче говоря, как вы докажете, что вы – не шпионы и не террористы, посланные сюда, чтобы... В общем, вам придется признаться, кто вам платит и за что.

– Видите ли, – с плохо скрытым гневом сказал Барр, – я полагаю, что чиновник вашего ранга не имеет права предъявлять нам какие бы то ни было обвинения. Позвольте откланяться.

– Нет, не позволю!

Председатель Комиссии резко встал, и взгляд его тут же утратил всякое подобие близорукости.

– Вопросы вам будут заданы позднее и более настойчиво. Кстати, я не Председатель Комиссии, а лейтенант имперской полиции. Вы арестованы.

В руке его блеснул мощный бластер. Он злобно ухмылялся.

– Сейчас под арестом люди и поважнее вас. Скоро расчистим ваше осиное гнездо!

Деверс зарычал и потянулся за своим бластером. Лейтенант полиции улыбнулся еще шире и нажал на контакт. Ядерный луч коснулся груди Деверса – и, не причинив ему никакого вреда, нейтрализовался.

Деверс выстрелил в ответ, и голова лейтенанта вместе с верхней половиной туловища оторвалась и повалилась на пол. Через дыру в стене, прожженную лучами бластера, в кабинет хлынули солнечные лучи и осветили продолжавшее улыбаться мертвое лицо лейтенанта.

... Ушли они через потайную дверь.

Деверс хрипло бросил на ходу:

– Быстро на корабль! Сейчас начнется тревога! И добавил яростным шепотом: – Все против нас, черт подери! Могу поклясться, что на их стороне – сам космический дьявол!

Уже выбравшись из здания, они увидели, что у громадных экранов уличных телевизоров собираются толпы народа. У них не было времени останавливаться и ждать. Пропуская мимо ушей взволнованные выкрики людей, Деверс и Барр мчались вперед. Однако, прежде чем они нырнули под своды ангара, Барру удалоe прихватить свежий номер «Имперских Новостей». Корабль безжалостно прожег в крыше ангара огромную дыру и рванулся в небо...

– Вы сможете от них удрать? – переводя дыхание, спросил Барр.

Десять полицейских кораблей на полной скорости неслись за убегающим торговым кораблем, который быстро пересек полосу радиопеленгации и помчался дальше, нарушая все установленные пределы скорости. Далеко позади остались медлительные, грузные, лоснящиеся, как тюлени, корабли Тайной Полиции, отправившиеся в погоню за описанным в подробностях кораблем, на котором удирали двое убийц с хорошо известными приметами.

– Внимательно, док, – проговорил сквозь зубы Деверс, когда они были уже в двух тысячах миль от поверхности Трентора.

Перегрузка оказалась чудовищной. Барр потерял сознание, а тело Деверса пронзила невыносимая боль, глаза заволокло кровавой пеленой. Когда они пришли в себя, на многие световые годы впереди пространство было свободно.

– Ни один имперский звездолет не угонится за мной! – с гордостью за свой корабль воскликнул Деверс и горько добавил: – Только бежать нам больше некуда и делать нечего. Нам с ними не справиться. Что же делать? Что тут мог поделать хоть кто-нибудь?

Барр беспомощно пошевелился на кушетке. Шок от прыжка через гиперпространство еще не прошел, болели все мышцы. Он с трудом проговорил:

– А ничего и не надо делать. Все кончено. Читайте.

Он передал Деверсу номер «Имперских Новостей», который все это время сжимал в руке. Торговец сразу нашел нужный заголовок:

– «Арестованы и отозваны – Риоз и Бродриг», – пробормотал Деверс. Он ошалело уставился на Барра. – Почему?!!

Тут об этом не пишется, но какое это имеет значение? Война с Академией окончена, и Сивенна восстала. Прочитайте заметку и увидите.

Голос его звучал все тише – он очень устал.

– Остановимся в какой-нибудь провинции и узнаем детали. Если вы не против, я вздремну немного.

Что он и сделал.

Торговый корабль, как большой железный кузнечик, совершая гигантские прыжки через гиперпространство, неся к Академии...

Глава десятая Война заканчивается

Латан Деверс изнемогал от скуки. Он уже получил положенные награды и стоически выслушал занудную речь мэра, которой тот сопровождал прикалывание алой ленты. Собственно, его роль в церемонии была окончена, но формальности вынудили его задержаться, в то время как он всей душой жаждал поскорее, тихо и незаметно, улизнуть и добраться до своего корабля – единственного места, где он чувствовал себя в своей тарелке.

Сивеннианская делегация, с Дьюсемом Барром во главе, подписала конвенцию, согласно которой Сивенна становилась первой провинцией, перешедшей от Империи под экономический протекторат Академии.

Пять имперских линкоров, захваченных во время сивеннианского восстания в тылу, сверкали в небесах – громадные, величественные. Они громко салютовали, пролетая над городом.

А потом – прием, этикет, разговоры...

Кто-то окликнул его с балкона. Это был Форрел – человек, который, как хорошо знал Деверс, был способен купить его двадцать раз за свою дневную прибыль. Форрел, как видно, пребывал в наилучшем расположении духа.

Деверс вышел на балкон. Лицо его приятно освежил легкий вечерний ветерок. Он слегка поклонился, ухмыляясь в густую щетинистую бороду. Барр тоже здесь. Улыбнувшись Деверсу, он сказал:

– Деверс, спасите меня! Меня тут упрекают в таком ужасном, непростительном преступлении, как ложная скромность.

– Деверс, – проговорил Форрел, вынув толстую сигару изо рта. – Лорд Барр утверждает, что ваше путешествие в столицу Клеона никак не связано с отзывом Риоза.

– Это чистая правда, сэр, – признался Деверс. – Мы и не видели Императора. Те сведения о процессе, которые нам удалось раздобыть на обратном пути привели нас к мысли о том, что дело было попросту сфабриковано. Генерала, как будто, обвинили в преступных подрывных намерениях?

– А он был невиновен?

– Риоз? – вопросом на вопрос ответил Барр. – Нет, клянусь вам, невиновен! Бродриг – по большому счету, предатель, но и он не был виновен ни по одному пункту обвинения. Это был юридический фарс – но неизбежный и предсказуемый.

– Надо понимать, вы имеете в виду психоисторическую неизбежность? – иронично поинтересовался Форрел, старательно, утрированно выговаривая каждое слово.

– Естественно, – серьезно ответил Барр. – До этого момента вопрос о психоистории как бы не возникал, но, когда все было окончено, возникла возможность как бы... ну, знаете... подсмотреть ответ в конце задачника. И тогда все стало ясно. Теперь мы видим, что социальный фон в Империи делает захватнические войны невозможными. Во времена правления слабых Императоров Империю рвут на части генералы, борющиеся за никчемный, смертельно опасный в конце концов трон. Во времена правления сильных Императоров Империю парализует их иго, и раздирающие ее изнутри противоречия на какое-то время затихают, – но только на время, чтобы потом вспыхнуть с новой силой.

В промежутке между двумя глубокими затычками Форрел буркнул:

– Не слишком ясно излагаете, лорд Барр.

Барр смущенно улыбнулся.

Может быть. Это оттого что я не слишком искусен в психоистории. Слова – жалкая подмена математических уравнений. Но вы сами посудите...

Барр замолчал, потому что Форрел явно отвлекся и, облокотившись на парапет балкона, глядел на небо. Деверс глядел туда же и вспоминал о Тренторе...

Барр попытался продолжить свою мысль:

– Видите ли, сэр, – и вы, и Деверс, да, наверное, все полагали, что победа над Империей заключалась в том, чтобы поссорить Императора и генерала. И вы, и Деверс, и все остальные были правы – все время, пока учитывался принцип внутренних противоречий.

Тем не менее вы были не правы, полагая, что этого внутреннего разъединения можно достичь за счет индивидуальных действий. Вы пробовали подкуп, обман. Вы рассчитывали на амбиции и страх. Но из этого ничего не вышло – как вы ни старались. То есть, наоборот, – после каждого подобного шага положение вещей еще больше осложнялось.

Дьюсем Барр отвернулся и, опершись на перила, задумчиво поглядел на огни праздничного города, затем медленно проговорил:

– Всех нас толкала мертвая рука. Всех – храброго генерала и великого Императора, наш мир и ваш мир – мертвая рука Гэри Селдона. Он знал, что такой человек, как Риоз, обречен на неудачу, поскольку именно его успехи и были залогом провала. И чем больше были бы его успехи, тем грандиозней был бы его провал.

– Не сказал бы, чтобы стало понятнее, – опять буркнул Форрел.

– Минуточку, – спокойно продолжал Барр. – Давайте еще раз по порядку. Слабый генерал и не подумал бы нам угрожать – это совершенно очевидно. Сильный генерал при слабом Императоре также не стал бы нам угрожать, поскольку обязательно повернул бы свое оружие в направлении гораздо более близкой и более притягательной мишени. История показала, что три четверти Императоров за последние два столетия в прошлом были мятежными генералами или мятежными вице-королями.

Следовательно, серьезную угрозу для Академии могло представлять только сочетание сильного генерала с сильным Императором, поскольку сильного Императора трудно сместить, а сильный генерал вынужден действовать за границами Империи.

Но – что делает Императора сильным? Чем был силен Клеон? Это очевидно. Он был силен, потому что безжалостно подавлял подданных. Вельможа, который становится слишком богат, генерал, который становится чересчур популярен, – опасны. Вся последняя история Империи доказывает, что так обстояли дела со всеми мало-мальски умными Императорами, желавшими укрепить свою власть.

Риоз выигрывал сражение за сражением – и Император стал относиться к нему с подозрением. Вся атмосфера тех дней вынуждала его быть подозрительным. Риоз отказался от взятки? Очень странно – скрытые причины. Его самый доверенный вельможа ни с того ни с

сего поддержал Риоза – очень подозрительно, тайные мотивы. Не было ни одного действия с чьей-либо стороны, которое не казалось бы ему подозрительным. Мы могли бы еще что-то предпринять – только наши действия были ненужными, тщетными. Успехи Риоза были подозрительны. Поэтому он был отозван, обвинен, осужден и казнен. Таким образом Академия снова победила.

Видите – получается, что нет такого стечения обстоятельств, при котором Академия не выиграла бы. Это было неизбежно – что бы ни предпринял Риоз, что бы ни предприняли мы.

Магнат Академии самодовольно кивнул.

– Неплохо. Только вот... А если бы Император и генерал были в одном лице? А? Что тогда? Этой ситуации вы не учли, поэтому я считаю, что вы меня не убедили.

Барр пожал плечами.

– Да я и не пытался что-то доказать. Я не знаю математики и не могу подкрепить свои доводы математическими выкладками. Я говорю только о том, что подсказывает мне здравый смысл. При том, что в Империи каждый аристократ, любой мужчина в расцвете сил, всякий уважающий себя разбойник мечтают только о том, как бы поскорее забраться на трон, – и как говорит история, мечты эти далеко не всегда бесплодны – что бы случилось даже тогда, когда сильному Императору пришлось в голову затеять заграничную войну на дальнем краю Галактики? Как долго он мог бы отсутствовать в столице, пока там дело не дошло до гражданской войны и он вынужден был бы вернуться домой? Нет, социальная ситуация в Империи не позволила бы ему отлучиться надолго!

Однажды я сказал Риозу, что вся мощь Империи бессильна против мертвой руки Гэри Селдона.

– Хорошо, хорошо! – Форрел был явно доволен. – Следовательно, вы утверждаете, что Империя больше никогда не станет нам угрожать?

– Похоже, что так, – развел руками Барр. – Честно говоря, Клеон вряд ли протянет больше года, после чего неизбежно встанет вопрос о праве на престол, что будет означать последнюю гражданскую войну в истории Империи.

– Ну, что ж, – прищурившись, проговорил Форрел, – получается, что врагов больше нет?

Барр задумался.

– Существует Вторая Академия.

– На другом краю Галактики? Исключено.

В это время Деверс резко обернулся и угрюмо уставился на Форрела.

– Думаю, у нас достаточно врагов у себя дома.

– Да? – искренне удивился Форрел. – Кто же это, если не секрет?

– Например, люди, которые делают вид, что за мир и благосостояние всех, а сами только и делают, что следят, как бы чересчур много прибыли не скопилось в руках у тех, кто создает это благосостояние, Улавливаете?

Взгляд Форрела постепенно утратил благодушие и встретился с открытым, гневным взглядом Деверса.

Часть вторая Мул

Глава одиннадцатая Молодожены

Мул ... Как ни парадоксально, о «Муле» известно меньше, чем заслуживает фигура такого масштаба в истории Галактики, даже период его высочайшей славы известен нам в основном по свидетельствам его противников и в особенности из записок молодой женщины, жены...

Галактическая империя

Хейвен произвел на Байту удручающее впечатление. Муж показал ей его солнце – тусклую звездочку, потерянную в пустоте пространства на далекой окраине Галактики. Плотные звездные скопления остались позади – только одинокие лучи рассеянного света озарили мрак. Но даже среди своих многочисленных соседей Хейвен был тускл и непривлекателен.

Торан прекрасно понимал, что в качестве прелюдии к будущей семейной идиллии красный карлик выглядел мало впечатляюще. Он смущенно улыбнулся.

– Конечно, Бай, обмен неравноценный. После Академии выглядит не очень, правда?

– Это ужасный обмен, Торан. Лучше бы мне было не выходить за тебя.

Но, заметив, что лицо мужа моментально стало обиженным, не дав ему обидеться окончательно, она проговорила особым «уютным» голосом – так, как умела только она:

– Ну, что ты, глупыш! Сейчас ты оттопыришь губу и станешь похож на умирающую утку, а потом уткнешься мне в плечо, а я поглажу тебя по головке, вот так... Более, как током от волос бьет! А ты, конечно, ждал, что я буду в восторге, да? Ты думал, я скажу: «Тори, с тобой – хоть на край света» или «Милый, где угодно – хоть в пустоте, среди звезд – лишь бы с тобой». Ну, признайся!

Ее указательный палец коснулся носа мужа, и она вовремя отдернула руку, а то бы Торан точно укусил ее.

Он обиженно проговорил:

– Ну, а если я сдамся и признаюсь, что ты права, ты ужин приготовишь?

Она ласково кивнула. Торан улыбнулся в ответ.

По большому счету, красавицей она не была – он это понимал. Это было видно с первого взгляда. Волосы у нее были темные, блестящие и густые, хоть и невьющиеся, рот немного великоват, но тонкие, дивно очерченные брови отделяли прекрасный, мраморно-белый лоб от теплых, всегда улыбающихся карих глаз.

А за тщательно выстроенным и упорно охраняемым фасадом практичности, не романтичности, житейской расчетливости таилось маленькое озерцо нежности, которое ни за что бы не вырвалось наружу, если бы вы попытались добиться этого силой, а только тогда, когда вы знали, как этого добиться – а вы бы и не почувствовали, что чего-то добивались.

Торан еще немного посидел у пульта управления, хотя делать там было абсолютно нечего, и решил отдохнуть. Оставался еще один межзвездный прыжок, потом еще несколько миллимикропарсеков «по прямой», и только потом потребуется ручное управление. Он запрокинул голову назад и повернулся в кресле, пытаясь разглядеть через приоткрытую дверь хозяйственного отсека, что там делает Байта. Она доставала с полок контейнеры с едой.

В его отношении к жене была едва заметная доля самодовольства. Нечто вроде удовлетворенного самолюбия человека, который добился желанного успеха после трехлетней борьбы с собственным комплексом неполноценности.

Как бы то ни было – он был провинциалом, и не просто провинциалом, а сыном отставного Торговца. А она была из самой Академии. Мало того – ее родословная прослеживалась до великого Мэллоу...

Он все время побаивался этого путешествия. Везти ее на Хейвен – в скалистый мир с пещерными городами – было рискованно. Заставить ее столкнуться с извечной враждебностью Торговцев к Академии – враждебностью крестьян к горожанам – было еще рискованнее.

И все-таки после ужина – последний прыжок!

Звезда Хейвена горела недобрым тускло-алым светом, а вращавшаяся вокруг нее планета светила бледно-розовым румянцем, поскольку окружавшее ее кольцо атмосферы поглощало свет звезды. Половина планеты покоилась во мраке, Байта склонилась над большой голографической картой участка космоса, испещренной паутиной пересекающихся линий. В центре их сплетения мерцал Хейвен. Подперев щеку рукой, она проговорила:

– Жаль, что я не познакомилась с твоим отцом раньше. Вдруг я ему не понравлюсь?

– Тогда, – уверенно проговорил Торан, – ты будешь первой хорошенькой девушкой, ухитрившейся не понравиться ему. Пока он не потерял руку и не перестал мотаться по Галактике, он... ну, в общем, если ты спросишь его об этом, он будет болтать до тех пор, пока у тебя уши не отсохнут. Я слушал-слушал и в конце концов понял, что он здорово привирает. Не было случая, чтобы хоть один свой роман он пересказал дважды одинаково.

Хейвен-II стремительно приближался. Уже было видно внутреннее море, грифельно-серое в сгущавшихся сумерках, то и дело исчезающее в густых облаках. Берега его окаймляли высокие скалистые горы.

Они подлетали все ближе к поверхности планеты. Уже было видно, как море катит к берегу величественные валы. В тот миг, когда до горизонта не было видно ничего, кроме серых волн, в видовом иллюминаторе мелькнул покрытый льдом берег.

– Скафандр застегнула? – крикнул Торан, пытаясь перекрыть шум двигателей, работавших в режиме торможения.

Байта кивнула. Ее пухлое личико за прозрачным пластиком шлема мягкого, плотно прилегающего скафандра покрылось нежным румянцем.

Корабль приземлился на открытую площадку в двух шагах от подножия скалистого плато.

Осторожно, неуклюже ступая, они спустились в густую темень галактической ночи. Байта поежилась от холода. Из рта у нее вырвалось облачко пара. Торан крепко взял ее под локоть, и они побежали по заледенелой, утрамбованной земле к островку света, мерцавшего вдали.

На полпути их встретили вооруженные часовые. Они обменялись с Тораном парой коротких фраз, после чего пошли дальше вместе с ними. И ветерок, и холод остались позади, когда они вошли в высокие ворота в скале, которые тут же закрылись за ними. Внутри было тепло, от стен исходило мягкое белое сияние. Слышался гул множества голосов. Таможенник, оторвавшись от бумаг, с любопытством поглядел на вошедших. Торан подал ему бумаги.

Тот, быстро просмотрев документы, тут же возвратил их Торану и жестом указал дорогу. Торан шепнул жене:

– Похоже, отец договорился. Обычно тут часов пять торчать приходится.

Они вышли на открытое пространство, и Байта воскликнула:

– Вот это да!

Пещерный город был залит дневным светом – ярким дневным светом утреннего солнца. Конечно, на самом деле никакого солнца не было. То, что должно было быть небом, терялось в свете рассеянных лучей. Теплый, довольно плотный воздух был напоен ароматом свежей зелени.

– Ну, Торан, да здесь просто красиво! – удивилась Байта.

Торан кивнул с ревнивой гордостью.

– Конечно, Бай, это не Академия, но все-таки большой город – самый большой на Хейвене. Двадцать тысяч человек. Думаю, тебе здесь понравится. Правда, с развлечениями – не густо, но зато тайной полиции нет.

– О, Тори, это же просто как в сказке – игрушечный городок! Весь белый и розовый – и какой чистенький!

– Да...

Торан глядел на город вместе с женой. Дома были большей частью двухэтажные, построенные из прочного камня с волнистым рисунком – его добывали на планете. Высотных домов с башнями и шпилями, столь типичных для Академии, здесь не было и в помине, не было и громадных многоквартирных монстров, украшавших улицы старых Королевств, – здесь царили малые формы и индивидуальность – реликвии частной инициативы в Галактике массовой психологии.

Торан шепнул жене на ухо:

– Бай, смотри туда. Это отец. Да не туда, глупышка! Видишь?

Она увидела. Им махал единственной рукой высокий, грузный пожилой мужчина, широко растопырив пальцы, как будто загребал воздух. До них долетали раскаты громоподобного баса. Байта взяла мужа под руку, и они сбежали вниз по аккуратно подстриженной лужайке. Рядом с

отцом Торана стоял мужчина пониже ростом. Издалека его невозможно было разглядеть рядом с одноруким великаном, который продолжал махать рукой и кричать.

Наклонившись к жене, Торан шепнул:

– Это сводный брат отца. Тот самый, что бывал в Академии. Я тебе рассказывал.

Они встретились на зеленом ковре травы, радостно смеясь. Отец, наконец выпустив сына из железного полуобъятия, поспешно привел себя в порядок: одернул короткую куртку и поправил свое единственное украшение – расшитый металлическими узорами пояс.

Склонив голову набок, он по очереди оглядел молодых и наконец, борясь с чуть заметной одышкой, пробасил:

– Ну, сынок, ты выбрал отличный денек для возвращения домой!

– Что? Ах да! Сегодня ведь день рождения Селдона?

– Угу. Знаешь, натерпелся по дороге – наняли машину, и я попросил этого дракона Ранду сесть за руль. Тот еще водитель!

Взгляд его остановился на Байте. Голос его сразу смягчился:

– У меня есть кристалл с твоей мордашкой. Неплохо, но теперь я гляжу на тебя и понимаю, что парень, который тебя снимал, – жалкий любитель.

Он вынул из кармана маленький прозрачный кубик внутри него светилось крохотное смеющееся лицо Байты.

– Ах, вы про это... – смутилась Байта. – И зачем только Торан послал вам эту карикатуру. Просто удивительно, что вы вообще разговариваете со мной после этого, сэр.

– Да ну? Слушай, малышка, называй меня Фрэн. Давай без формальностей. Так что бери меня под руку и пошли к машине. Знаешь, строго между нами – до сих пор я не предполагал, что мой сыночек способен на что-нибудь стоящее. Пожалуй, придется изменить свое мнение.

Торан тихо спросил у дяди:

– Как поживает старик? Все еще бегает за юбками?

Доброе лицо Ранду покрылось паутиной мелких морщинок, когда он улыбнулся.

– Когда удастся, Торан, когда удастся. Время от времени он вспоминает, что в следующий день рождения ему стукнет шестьдесят, и это его ужасно огорчает. Но он быстро прогоняет эту печальную мысль и снова становится самим собой. Он – торговец старой закалки. Ну, а ты-то как, Таран? И где это ты отыскал такую красотку?

Торан усмехнулся и взял дядю за руку.

– Дядя, разве молено в двух словах рассказать историю, которая длилась три года?

В маленькой уютной гостиной Байта наконец с облегчением сняла дорожный костюм и, тряхнув головой, распустила волосы. Села в кресло, положила ногу на ногу и принялась украдкой разглядывать фигуру хозяина. Он тоже с любопытством поглядывал на нее.

– Я знаю, о чем вы думаете, – сказала она с улыбкой, – и попытаюсь вам помочь. Возраст – двадцать четыре года, рост – пять футов четыре дюйма, вес – пятьдесят четыре килограмма, специальность – историк.

Байта обратила внимание, что хозяин старается стоять или сидеть так, чтобы отсутствие руки было не так заметно.

Но тут Фрэн склонился к самому ее уху и прошептал:

– Знаешь, если на то пошло, я уточню: вес пятьдесят шесть килограммов.

Он весело расхохотался, увидев, как она покраснела, и добавил вслух, повернувшись к остальной компании:

– Вес женщины можно безошибочно определить – стоит только внимательно разглядеть ее руки. Но это – если имеешь большой опыт, конечно. Выпьешь чего-нибудь, Бай?

– Наверное, но попозже, – ответила она и, взяв свекра под руку, вышла с ним из гостиной. Торан тем временем занялся новыми журналами на книжных полках.

Фрэн вернулся один и сообщил:

– Она спустится попозже.

Он тяжело опустился в большое кресло в углу и положил негнущуюся левую ногу на

табуретку перед собой. Торан повернулся и посмотрел на отца. Тот сказал ласково:

– Ну вот ты и дома, мальчик мой. Я ужасно рад. Мне очень поправилась твоя жена. Умница. Не кисейная барышня.

– Я женился на ней, – просто ответил Торан.

– Я не о том, сынок, – слегка помрачнел отец. – Женидьба – не самый лучший способ устройства будущей жизни. За свою долгую жизнь я себе ни разу этого не позволил. И правильно сделал.

Ранду, до этого молча стоявший в противоположном углу комнаты, прервал его.

– Ну, Фрэнсарт, что ты сравниваешь? До той аварии, что стряслась шесть лет назад, ты нигде не задерживался настолько, чтобы мог позволить себе жениться. Да и потом, кто бы за тебя пошел?

Однорукий гигант рывком выпрямился и рывкнул:

– Любая, понял ты, зануда, любая!

Торан мягко возразил:

– Это не более чем юридическая формальность, папа. В этом есть определенные удобства.

– Для женщин, – буркнул Фрэн.

– Пусть так, – согласился Ранду, – но, в любом случае, это – личное дело мальчика. Женидьба – старая традиция в Академии.

– Подумаешь! Академия! Есть с кого брать пример!

Торан снова возразил:

– Моя жена из Академии.

Он прислушался, посмотрел по очереди на отца и дядю прислушался, посмотрел по очереди на отца и дядю и, приложив палец к губам, проговорил вполголоса:

– Тихо! Она идет.

После ужина разговор перешел на общие темы, но за ужином Фрэнсарт ударился в воспоминания о бурной молодости, в которых, естественно, фигурировали и женщины, и пролитая кровь, и сумасшедшие прибыли, и драгоценности... Включили маленький телевизор. На экране, на который никто не смотрел, разыгрывалась какая-то классическая драма. Ранду устроился поудобнее на низкой кушетке, а Байта уселась на мягкий пушистый ковер – хозяин привез его давным-давно из какой-то экзотической торговой вылазки, и стелили его исключительно для торжественных случаев.

– Ты изучала историю, девочка? – с интересом спросил Ранду.

Байта кивнула.

– Да, но я была не очень дисциплинированной студенткой. Но кое-чему научилась, конечно.

– Ага, на стипендию натягивала, – съехидничал Торан.

– И что же ты изучала? – мягко поинтересовался Ранду.

– Что – все рассказать? Сейчас? – рассмеялась девушка.

Старик смущенно улыбнулся.

– Ну, ладно, ладно, не смейся над стариком. Скажи только, что ты думаешь по поводу нынешней ситуации в Галактике?

– Я думаю, – совершенно серьезно ответила Байта, – что надвигается Селдоновский кризис, причем такой, какой выходит за рамки Плана Селдона. Такое впечатление, что План просто проваливается.

(Фрэн в своем углу присвистнул и пробормотал себе под нос: «Ничего себе! Сказать такое о Селдоне!» Однако вслух он ничего не сказал.)

Ранду задумчиво посасывал трубку.

– Вот как! Почему ты так считаешь? Знаешь, когда я был помоложе, я был в Академии, и мне когда-то приходили в голову всякие трагические мысли. Но все-таки почему ты так думаешь?

– Хорошо, я скажу.

Байта задумалась, нахмурилась, закутала ноги поглубже в мех ковра, обхватила колени

руками.

– Мне представляется, что весь смысл Плана Селдона состоял в создании лучшего мира, чем тот, которым была древняя Галактическая Империя. Тот мир начал распадаться три столетия назад, как раз в то время, когда Селдон основал Академию. Если верить истории, распад его был вызван триадой болезней – инерцией, деспотизмом и неравномерностью распределения материальных ценностей в Галактике.

Ранду медленно кивнул. Торан глядел на жену гордыми, сияющими глазами, а Фрэн в своем углу восхищенно прищелкнул языком и наполнил свой бокал.

Байта продолжала:

– Если все, что рассказывают о Селдоне – правда, получается, что он предвидел окончательное падение Империи с помощью законов психоистории. Ему удалось предсказать и то, что должно пройти тридцать тысячелетий неизбежного варварства, прежде чем будет создана новая Империя, в которой будет восстановлена цивилизация и культура человечества. Главной целью его жизни было создание условий, способных обеспечить ускорение возрождения.

Из угла донесся приглушенный бас Фрэна:

– И именно с этой целью он основал две Академии, да прославится имя его во веки веков!

– Именно поэтому он основал две Академии, – подтвердила Байта. – Наша Академия представляла собой сообщество ученых из умирающей Империи, призванных возвести науку и знания человечества на новые невиданные высоты. Академия была географически расположена таким образом и поставлена в такие исторические обстоятельства, что посредством своих гениальных исследований и расчетов Селдон предсказал, что через тысячу лет она станет основой Второй, более могущественной Империи.

Стояла почтительная тишина. Девушка мягко проговорила:

– Это старая история. И все вы ее знаете. Уже триста лет в Академии ее знает любой школьник. Но мне показалось, что стоит вспомнить ее – хотя бы вкратце. Сегодня – день рождения Селдона, вы знаете. И хотя я из Академии, а вы – с Хейвена – это наш общий праздник.

Она медленно закурила сигарету и рассеянно повертела ее в руке, глядя на горящий кончик.

– Законы истории так же абсолютны, как законы физики, и если вероятность ошибок в истории более высока, то это только потому, что история не располагает для своих исследований таким количеством людей как физика – атомов, и в ней больше места для индивидуальных вариаций. Селдон предсказал ряд кризисов на протяжении тысячелетия, каждый из которых должен был ознаменовать определенный поворотный пункт в нашей истории, в нашем движении по заранее намеченному пути. Именно эти кризисы двигают нас вперед. Поэтому сейчас должен наступить кризис. Сейчас, – повторила она убежденно. – Прошло уже почти сто лет со времени последнего кризиса, и за это время все пороки Империи, как в зеркале, отразились в Академии. Наши правители признают только один закон – никаких перемен. Что это, как не деспотизм? Они – признают только один стиль правления – насилие. Они знают только одно желание – удержать то, что считают своим.

– Пока другие голодают! – рявкнул Фрэн, трахнув кулаком по подлокотнику кресла. – Девочка! Слова твои – драгоценный жемчуг! Толстосумы, сидя на денежных мешках, управляют Академией, в то время как отчаянные смельчаки – Торговцы – влачат жалкое существование на заброшенных планетах, вроде Хейвена. Это оскорбление Селдона, пригоршня грязи ему в лицо!

Он поднял единственную руку, сжатую в кулак, лицо его непривычно вытянулось.

– Если бы у меня было две руки! Я бы заставил их выслушать меня! Они бы...

– Папа, – вмешался Торан, – папа, успокойся!

– Успокойся, успокойся! – передразнил его отец. – Мы тут гнием и сдохнем тут, а ты говоришь – успокойся!

– Ну, просто – воскресший Латан Деверс, – сказал Ранду, указывая на брата трубкой, –

наш старина Фрэн. Латан Деверс погиб на невольничьих рудниках восемьдесят лет назад с прадедушкой твоего мужа, девочка. Он добр и честен, но мудрости ему не доставало.

– Да, черт подери, на его месте я сделал бы то же самое! – продолжал распаляться Фрэнсарт. – Деверс был величайшим Торговцем всех времен, выше, чем этот раскрашенный мыльный пузырь Мэллоу, идол Академии. И если висельники, которые правят Академией, убили его только потому, что он боролся за справедливость, тем больше крови на их руках!

– Девочка, продолжай, – попросил Ранду, – продолжай, или он будет вот так орать всю ночь напролет, а потом весь день будет стонать и бредить.

– Да продолжать-то особенно нечего, – с неожиданной горечью откликнулась Байта. – Кризис должен наступить, но как его ускорить, я не знаю. Прогрессивные силы в Академии жестоко подавлены. Вы, Торговцы, могли бы восстать, но за вами охотятся, и вы разъединены. Если бы удалось объединить все силы доброй воли внутри Академии и за ее пределами...

Фрэн засмеялся – будто огромный ворон закаркал.

– Слушай ее, Ранду, слушай! Девочка-девочка, нет никакой надежды отыскать слабые места в Академии. У них ведь там как: один хлещет бичом, а другие принимают удары – смертельные удары. Во всей Галактике не осталось смельчака, который мог бы встретиться лицом к лицу с одним честным Торговцем!

Байта тщетно пыталась перевести разговор в другое русло. Торан обнял ее и нежно прикрыл ее рот ладонью.

– Папа, – попытался он урезонить отца, – ты никогда не был в Академии. Ты о ней практически ничего не знаешь. Я хочу, чтобы ты поверил мне: в тамошнем подполье много сильных и смелых людей. Между прочим, Байта – одна из них.

– Ладно, ладно, мальчик, ну что ты оправдываешься? Еще не хватало нам поссориться! – Он был явно смущен.

Но Торан пылко продолжал:

– Твоя беда, папа, в том, что ты – провинциал. Ты думаешь, что несколько сот тысяч Торговцев – великий народ уже только потому, что обречены на жизнь в пещерах на забытой Богом планете, на краю Галактики. Конечно, сборщик налогов из Академии, попав сюда, имеет мало шансов вернуться обратно, но это – дешевый героизм. Что бы вы стали делать, если бы Академия вздумала послать сюда флот?

– Мы бы разнесли его на куски и отправили к чертовой бабушке!

– И сами бы отправились туда же. Преимущество было бы на их стороне. Вас мало, вы плохо вооружены, плохо организованы, и как только это поймет Академия, и вы это очень быстро поймете. Поэтому лучше бы вам поискать единомышленников – и в самой Академии, и за ее пределами.

– Ранду! – умоляюще пробасил Фрэн, беспомощно глядя на брата.

Ранду вынул изо рта трубку.

– Фрэн, мальчик прав. Послушай свое сердце и ты поймешь, что он прав. Просто тебе неприятны эти мысли и ты прогоняешь их и орешь на всех. Только от них никуда не деться; Фрэн. Торан, я сейчас объясню тебе, для чего я все это устроил.

Он задумчиво выпустил струйку дыма и положил трубку на край пепельницы. Подождал, пока табак догорит, и, аккуратно постучав по пепельнице, вытряс пепел. Медленно, тщательно снова набил трубку табаком.

– Ты сказал, Торан, что Академия может нами заинтересоваться. Это очень важно. И опасно. Не так давно нас дважды посетили на предмет сбора налогов, Самое неприятное, что второй сборщик прибыл в сопровождении небольшого патрульного корабля. Они приземлились недалеко от города Глейяр, дав на всякий случай холостой залп. Как ты понимаешь, после этого они просто не имели шансов вернуться обратно. Теперь наверняка прилетят другие. Твой отец знает об этом, Торан. Он все прекрасно понимает. Но ты только посмотри на этого упрямого старого повесу! Он знает, что Хейвен в беде, знает, что мы беспомощны, а сам только и делает, что повторяет заученные фразы. Его это, видите ли, согревает и успокаивает. Он думает, что, понося Академию и изрыгая проклятия ей, он выполняет свой долг человека и Торговца и,

значит, он так же делает свое дело, как каждый из нас.

– Из кого это – из нас? – поинтересовалась Байта.

Ранду улыбнулся ей.

– Мы организовали небольшую группу, Байта, пока только в нашем городе. Мы еще ничего выдающегося не сделали. Пока нам даже не удалось наладить связи с другими городами, по это начало.

– Начало чего?

Ранду покачал головой.

– Мы пока не знаем. Надеемся на чудо. Мы тоже поняли, что должен наступить Селдоновский кризис.

Он поднял руку с трубкой.

– Ведь Галактика просто кишит осколками и отбросами разбитой Империи. Среди них немало генералов. Как ты думаешь, разве не может хоть один из них озвереть настолько, чтобы...

Байта на мгновение задумалась, затем так решительно замотала головой, что одна прядка волос упала на лоб.

– Нет, это исключено! Среди этих генералов нет ни одного, который бы не понимал, что нападение на Академию – самоубийство. Бел Риоз из старой Империи был лучшим из них, и на его стороне были силы всей Галактики, но и он не смог противостоять Плану Селдона. Разве найдется сейчас хоть один генерал, который этого не помнит?

– Ну, а если мы их подстегнем?

– Куда? В ядерное пекло? И чем их можно подстегнуть?

– Понимаешь, появился один новичок... В последние год-два начали поговаривать об одном странном человеке, которого называют Мулом.

– Мул? – нахмурилась Байта и повернулась к мужу: – Торан, ты что-нибудь слышал?

Торан отрицательно покачал головой.

– Что вы знаете о нем? – спросила Байта у Ранду.

– Ничего определенного, кроме того, что он выигрывает сражение за сражением в самых невероятных ситуациях. Может, слухи и приукрашены, но в любом случае, было бы интересно с ним познакомиться. Не всякий человек с раздутой амбицией и грандиозными возможностями верит в План Селдона и психоисторию. Скорее – наоборот. Мы можем поддержать его в этом неверии, а он может напасть на Академию.

– И Академия победит.

– Да, но вовсе не обязательно легко! Может начаться кризис, и мы сможем им воспользоваться для того чтобы заставить этих деспотов из Академии пойти на компромисс. В худшем случае они будут вынуждены хотя бы на время позабыть о нас, а мы тем временем получим возможность строить дальнейшие планы.

– Что скажешь, Тори?

Торан мягко улыбнулся и легким движением отбросил темную прядь со лба жены.

– Из того, что сказал Ранду, мало что понятно. Кто он все-таки, этот Мул? Что ты вообще о нем знаешь, Ранду?

– Пока – ничего. Узнать кое-что мог бы ты, Торан. И твоя жена, если захочет. Мы говорили об этом с твоим отцом. Очень много говорили.

– А именно, Ранду? Что от нас нужно?

Торан украдкой взглянул на жену.

– Ну, если можно назвать путешествие сюда из Академии медовым месяцем...

– Как насчет того, чтобы продолжить его в более приятной обстановке, – скажем, на Калгане? Субтропики, водный спорт, пляжи, сафари – словом, курорт. Около семи тысяч парсеков отсюда – не так уж далеко.

– И что там, на Калгане?

– Там – Мул. По крайней мере, его люди. Они захватили эту планету месяц назад, причем без боя, хотя диктатор Калгана клялся и божился по всем радио- и телепрограммам, что скорее

превратит всю планету в звездную пыль, чем сдаст ее.

– И где же теперь диктатор?

– Нет его, – хмуро ответил Ранду. – Ну, что скажете?

– Ну, а что мы там должны делать?

– Не знаю. Фрэн и я – мы уже старики, да и провинциалы к тому же. Все Торговцы в Хейвене – безнадежные провинциалы. Ты же сам сказал. Мы привыкли и торговать, и жить по старинке. Мы уже не те сотрясатели Галактики, которыми были наши предки. Так... Фрэн, помолчи, пожалуйста! А вы молодые, сильные, вы знаете Галактику. Байта, что очень немаловажно для такого дела, говорит с приятным столичным акцентом. Мы просто хотели бы, чтобы вы хоть что-нибудь разузнали. Если вам удастся войти в контакт с... но это, конечно, вряд ли. Хотя бы подумайте об этом, ладно? Если хотите, вы могли бы встретиться со всей нашей группой. Но это не раньше чем на следующей неделе. Надо вам дать время передохнуть.

Наступившую паузу прервал Фрэн. Он пробурчал из угла:

– Кто хочет еще выпить? Кроме меня, я имею в виду.

Глава двенадцатая Капитан и мэр

Капитан Хэн Притчер ожидал аудиенции у мэра. Роскошь апартаментов главы Академии была настолько непривычна для него, что даже не производила впечатления. Почему – ему и думать не хотелось. Как правило, он не прибегал к самоанализу и философствованию, если это напрямую не было связано с его работой.

Это помогало.

Работа его состояла в том, что в Департаменте Обороны именовалось «разведкой» и «шпионажем». К сожалению, несмотря на помпезно-хвalebные визги средств массовой информации, разведка и шпионаж ассоциировались в умах обывателей с грязными делишками, выразившимися в непрерывном предательстве и вранье. Тем не менее во все времена этот род деятельности обществом оправдывался, поскольку служил «интересам государства». Однако, поскольку долгие философские раздумья неизменно приводили капитана Притчера к выводу, что общественное сознание легче убаюкать, чем собственную совесть, он решил не философствовать.

А теперь в роскошной приемной мэра мысли его, вопреки обыкновению, обратились к самому себе.

Его нельзя было назвать счастливчиком. Многие обошли его – многие, менее талантливые, чем он. Он выстоял под проливным дождем чернильных капель, легших пятнами на его биографию, под перекрестным обстрелом официальных выговоров и взысканий. Он упрямо продолжал гнуть свою линию, пребывая в твердой уверенности, что нарушение субординации во имя все тех же священных «интересов государства» сыграет в конце концов свою истинную роль.

Итак, он находился в приемной мэра под охраной пятерых невозмутимых гвардейцев и – весьма вероятно – в преддверии трибунала.

Тяжелые створки мраморных дверей раскрылись, открыв взгляду обтянутые узорчатым шелком стены, покрытый алым синтетическим ковром пол и еще одни двери, тоже мраморные, украшенные металлической инкрустацией.

Двери отворились, оттуда вышли двое чиновников в строгих костюмах фасона трехсотлетней давности и провозгласили:

– Аудиенция капитану Хэну Притчеру из Службы Информации!

Они расступились, церемонно склонив головы, и капитан шагнул вперед. Эскорт гвардейцев остался у первой двери, и в проем второй Притчер вошел один.

За анфиладой дверей находился неожиданно скромный кабинет, где за большим, удивительно строгим письменным столом восседал мужчина маленького роста и весьма невыразительной внешности. Высоченные потолки и вообще вся грандиозность обстановки

кабинета еще больше усугубляли тщедушность его фигурки.

Мэр Индбур – третий по счету из мэров, носивших эту фамилию, был Внуком Индбура-первого, человека жестокого, но умного. Его дед производил на людей впечатление деятеля, способного удержать власть, чего он добился, кстати, потрясающей ловкостью в уничтожении последних остатков избирательной демократии, но при этом с еще большей ловкостью ухитрился сохранить достаточно миролюбивый стиль правления.

Мэр Индбур был сыном Индбура-второго, первого из мэров Академии, занявшего этот пост по праву рождения и повторившего своего отца лишь наполовину, – тот был жесток, но умен, а этот – только жесток.

Итак, мэр Индбур был третьим мэром в семье и вторым, занявшим этот пост по праву рождения.

Качеств у него было еще меньше, чем у его предшественников. Он не был ни умен, ни жесток. Он был просто-напросто хорошим бухгалтером, родившимся не в той семье.

Индбур-третий придавал огромное значение таким сторонам своего правления, которые всем, кроме него самого, казались странными.

Для него болезненная привязанность к строгим геометрическим формам в окружающей обстановке была системой; неутолимый и страстный интерес к мельчайшим тонкостям повседневного бюрократизма – трудолюбием; проявление нерешительности в обстоятельствах, когда он был прав, – предосторожностью, а упрямство тогда, когда он был не прав, – решительностью.

При всем том, он никогда не пускал денег на ветер и не отправлял людей на смерть зря, и имел-таки неплохую репутацию.

Капитан Притчер думал об этом, стоя по установленному этикету перед большим письменным столом. Лицо его, однако, было настолько непроницаемо, что трудно было предположить – думает ли он о чем-нибудь вообще. Он не позволял себе ни кашлянуть, ни переступить с ноги на ногу до тех пор, пока взгляд колющих глаз мэра не оторвался наконец от бумаг, на полях которых его перо делало многочисленные пометки. Лист бумаги с убористо напечатанным текстом переместился из одной стопки в другую.

Мэр Индбур аккуратно, как школьник, сложил руки перед собой, неспешно оглядел стол в поисках нарушений образцового порядка размещения письменных принадлежностей.

Наконец он проговорил, уточняя:

– Капитан Хэн Притчер из Службы Информации?

Капитан Притчер, повинувшись строгим канонам этикета, преклонил колено и склонил голову. Так он стоял до тех пор, пока не услышал положенного приказа:

– Встаньте, капитан Притчер!

Мэр начал довольно дружелюбно:

– Вы приглашены сюда, капитан Притчер, по поводу определенного дисциплинарного взыскания, наложенного на вас старшим по чину. Бумаги относительно этого инцидента попали ко мне, что вполне естественно, и поскольку меня интересует все, что происходит в Академии, я решил взять на себя труд уточнить кое-какие детали. Надеюсь, вы не слишком удивлены?

Капитан Притчер четко ответил:

– Нет, Ваше Сиятельство. Ваша справедливость известна всем.

– Вот как? Да что вы говорите? – самодовольно усмехнулся мэр. Тонкие контактные линзы на его глазах сверкнули недобрым светом. Он старательно подравнял лежащую перед ним стопку сколотых скрепкой листов и стал их переворачивать. Листы шуршали, длинный указательный палец мэра скользил вдоль строчек. – У меня здесь – ваше полное досье, капитан. Итак, вам сорок три года, семнадцать из них вы служите в армии. Родились в Лорисе, родители – анакреонцы, в детстве ничем серьезным не болели, перенесли приступ мио... так, это неважно... образование до поступления на военную службу – Академия Наук, основная специализация – гиператомные двигатели, успехи в учебе... гм-м... отличные, с чем вас и поздравляю... поступили в армию в чине младшего офицера на сто сорок второй день двести девяносто третьего года Академической Эры.

Он на мгновение оторвал взгляд от листка, мельком взглянул на капитана, перевернул лист и продолжил чтение:

– Видите, – изрек он немного погодя, – как четко работает моя администрация? Порядок! Система!

Не отрывая взгляда от бумаг, он протянул руку к стоявшей справа шкатулке, достал из нее маленькую розовую конфетку и сунул под язык. Мэр был сладкоежкой – это был его единственный порок. Справедливости ради укажем, что на письменном столе мэра не было ни единой принадлежности для курения – он не курил сам, и, естественно, этого не могли себе позволить его посетители.

Индбур продолжал перечислять подробности биографии капитана, время от времени сопровождая их невыразительными комментариями одобрительного или неодобрительного свойства.

Наконец он аккуратно сложил листки в прежнем порядке.

– Ну, капитан, – сказал он довольно живо, – у вас необычная биография! Судя по всему, у вас блестящие способности и выдающиеся заслуги. Тут написано, что вы были дважды ранены при исполнении обязанностей и награждены Орденом Славы за проявленную храбрость – совершили подвиг, что выходило за рамки ваших непосредственных обязанностей. Подобные факты трудно недооценить.

Выражение лица капитана не изменилось. Он по-прежнему стоял навтыжку. По этикету посетитель, удостоившийся аудиенции у мэра, не имел права садиться – да в кабинете и не было ни единого кресла или стула, кроме того, на котором восседал Индбур. Кроме того, не положено было позволять себе никаких посторонних высказываний, кроме ответов на вопросы.

Во взгляде мэра появилась жестокость, а в голосе – колючие нотки.

– Однако вы не получали повышений по службе уже десять лет, и ваши начальники в один голос говорят о вашем неисправимом упрямстве. Все они сообщают, что вы постоянно нарушаете субординацию, некорректно ведете себя со старшими по чину офицерами, неприкрыто отказываетесь от поддержания дружеских отношений с коллегами и, кроме того, непрерывно создаете конфликтные ситуации. Как вы это объясните, капитан?

– Ваше Сиятельство, я стараюсь всегда поступать так, как считаю правильным. Мои деяния во славу Державы и мои ранения на этом фронте свидетельствуют о том, что то, что я полагал верным и справедливым, не расходилось с интересами Государства.

– Это – ответ военного, капитан, но... опасная доктрина. Чуть позднее мы к этому вернемся. Например, вас обвиняют в том, что вы трижды отказались от предписаний, невзирая на то что были соответствующие распоряжения моих подчиненных. Что вы на это ответите?

– Ваше Сиятельство, предписаниям порой недостает гибкости в критических ситуациях, когда игнорируются вещи, имеющие первостепенную значимость.

– А кто вам сказал, что то, что вы считаете вещами первостепенной важности, на самом деле таковыми являются? И кто вам сказал, что они, будучи таковыми, если на то пошло, игнорируются?

– Ваше Сиятельство, есть вещи, в которых я просто убежден. Мой опыт, мое понимание событий – этого не отрицает никто из старших по чину – тому порукой.

– Но, милый мой капитан, вы просто слепы! Неужели вы не видите, что, присваивая себе право судить о том, что верно, а что – нет, и определяя тем самым для себя лично смысл деятельности разведывательной службы, вы просто узурпируете права старших по чину?

– Ваше Сиятельство, я служу прежде всего Державе, а не начальникам.

– Ошибаетесь. У всякого старшего по чину есть свой начальник, а главный из них – я, а я и есть Держава. У вас нет причин жаловаться на какую бы то ни было несправедливость с моей стороны. Собственно, вы сами признали, что справедливость моя общеизвестна. А теперь, будьте так добры, объясните сами, каким образом все ваши дисциплинарные проступки привели к тому, к чему привели.

– Ваше Сиятельство, моя служба состоит в соблюдении интересов Государства, а не в том, чтобы я играл роль отставного моряка в Калгане. В инструкциях, данных мне, было черным по

белому написано, что я обязан был осуществлять на планете деятельность на благо Академии, создать там организацию, которая могла бы контролировать действия диктатора, в особенности – в области внешней политики.

– Это мне известно. Дальше!

– Ваше Сиятельство, в своих отчетах я неоднократно указывал на важное стратегическое положение Калгана и контролируемых им звездных систем. Я сообщал о том, что диктатор амбициозен, о том, каковы его военные планы, каковы ресурсы, а также о его миролюбивом или – как минимум – нейтральном отношении к Академии.

– Все ваши отчеты я внимательно изучил. Дальше!

– Ваше Сиятельство, я вернулся два месяца назад. В то время я не наблюдал на Калгане никаких признаков военных приготовлений. Им никто не угрожал. Месяц назад никому не известный джентльмен удачи захватил Калган без боя. Тот человек, что был диктатором Калгана, вряд ли в живых. Там не говорят об измене. Все разговоры – только о гениальности и мощи этого разбойника – Мула.

– Этого кого?

Мэр подался вперед. Он был явно обескуражен и недоволен.

– Ваше Сиятельство, его называют Мулом. Говорят о нем много, но достоверных фактов – крохи, так что я вынужден был добывать информацию где придется и из множества слухов отбирать только заслуживающие доверия. Скорее всего, он не знатен и не богат. Кто его отец – неизвестно. Мать умерла при родах. Воспитание – никакого, бродяга. Образование получил, кочуя по заброшенным мирам. Никакого другого имени его, кроме клички «Мул», никто не знает. Причем утверждают, что он сам присвоил себе эту кличку, – она как нельзя лучше говорит о его потрясающей физической силе и упрямстве в достижении целей.

– Какова его военная мощь, капитан? Физическая сила меня не интересует.

– Ваше Сиятельство, говорят, что его флот огромен, но, вполне возможно, эти слухи от того, с какой легкостью он захватил Калган. Территория, находящаяся под его контролем, невелика, хотя точные ее границы определить трудно. Как бы то ни было, за этим человеком нужно наблюдать.

– Хм-м. Так-так...

Мэр погрузился в раздумье. Медленно, старательно он вывел на чистом листе блокнота шесть абсолютно правильных квадратов, замкнув их стороны в шестиугольник. Вырвал лист, аккуратно разорвал на три части и выбросил в бумажную корзину. Немедленно заработала бесшумная система атомной дезинтеграции, и бумага исчезла.

– А теперь скажите мне, капитан, каковы альтернативы? Вы сказали мне, за кем, по-вашему мнению, нужно следить. А за кем вам приказано было следить?

– Ваше Сиятельство, есть одна крысиная нора, жители которой, судя по всему, не желают платить долги.

– Вот как? И все? Вы не знаете и вам не говорили, что эти люди, не желающие платить налоги, – потомки одичавших Торговцев, анархистов, мятежников, социальных маньяков, которые, заявляя, что они родом из Академии, плюют на достижения пашей культуры? Вы не знаете и вам не говорили, что эта крысиная нора – не одна, что их много, что этих крысиных нор гораздо больше, чем нам кажется, что эти крысиные норы сообщаются друг с другом, а все вместе – с криминальными элементами на территории Академии? Даже здесь, капитан, даже здесь?!

Мэр почувствовал, что говорит чересчур эмоционально, и быстро взял себя в руки.

– Так вы не знали об этом, капитан?

– Ваше Сиятельство, все это мне говорили. Но будучи на службе у Государства, я призван служить честно, а честно служит тот, кто служит Истине. Каковы бы ни были политические устремления этих остатков древних Торговцев, опаснее диктаторы, унаследовавшие обломки Империи. Они реально обладают и силой, и властью. У Торговцев нет ни оружия, ни ресурсов. И единства нет. И я не сборщик налогов, чтобы посылать меня, опытного разведчика, как мальчика на побегушках...

– Капитан Притчер, вы военный, и рассуждать вам не положено. Вы допускаете большую ошибку, позволяя себе выказывать неповиновение мне. Будьте осмотрительнее. Я справедлив, да, но это не означает, что я не могу быть жестким. Капитан, уже давно доказано, что генералы Имперского века и теперешние; диктаторы одинаково беспомощны против нас. Наука Селдона, предсказывающая картину течения истории Академии, основана не на геройстве отдельных лиц, как вам представляется, а на социальных и экономических тенденциях истории. Мы успешно преодолели уже четыре кризиса, не так ли?

– Ваше Сиятельство, это так. Но наука Селдона не известна никому, кроме Селдона. У нас же нет ничего, кроме веры в нее. Во время первых трех кризисов, как нас учили, Академией управляли выдающиеся руководители, которые, сумев разгадать природу кризисов, предприняли определенные меры предосторожности. Если бы не это – кто мог бы поручиться за благоприятный исход?

– Да, капитан, но вы забыли о четвертом кризисе. Вспомните, капитан, в то время у нас не было выдающегося государственного деятеля, тогда мы столкнулись с угрозой в лице умнейшего противника, колоссальной военной мощи! А победили за счет исторической неизбежности.

– Ваше Сиятельство, все это так. Но эта неизбежность стала неизбежностью только после целого года нашего отчаянного сопротивления. Наша неотвратимая победа стоила нам полусотни первоклассных кораблей и полумиллиона жизней наших соотечественников. Ваше Сиятельство, План Селдона помогает тому, кто сам себе помогает.

Индбур нахмурился. Ему надоело сдерживать себя. Он понял, что с самого начала неправильно повел беседу, позволив капитану высказывать собственное мнение.

Он жестко проговорил:

– Как бы то ни было, капитан, Селдон гарантирует победу над диктаторами, а я не могу позволить себе в наше трудное время разбрасываться людьми. Эти Торговцы, к которым вы так легкомысленно относитесь, родом из Академии. Война с ними – это гражданская война. В этом плане нам Селдон ничего не гарантирует, поскольку и они, и мы – Академия. Поэтому их надо поставить на колени. Приказ у вас есть, и извольте выполнять его.

– Ваше Сиятельство...

– Я не задавал вам вопроса, капитан! Извольте выполнять приказ! Любое неповиновение мне или моим представителям будет расценено как измена. Пока я вас прощаю. Пока!

Капитан Хэн Притчер снова преклонил колено, встал и медленно отступил к двери.

Мэр Индбур, третий в династии и второй по праву рождения в истории Академии, восстановил нарушенное душевное равновесие, достав из шкатулки еще одну конфетку. Затем он взял из левой стопки очередной лист бумаги. Это был отчет о качестве металлических деталей на униформе полицейских. Мэр зачеркнул лишнюю запятую, исправил пару орфографических ошибок, сделал три пометки на полях и положил лист в правую стопку. Взял следующий лист из левой стопки...

Капитан Хэн Притчер из Службы Информации, вернувшись в казарму, обнаружил, что его ожидает персональная капсула. В ней он нашел приказ, пересеченный большими красными буквами «Срочно» и начинавшийся с заглавной буквы «Я».

Капитану Хэну Притчеру предписывалось немедленно вылететь в мятежную систему Хейвен.

Капитан Хэн Притчер, один в легком одноместном катере, отправился прямехонько на Калган. Эту ночь он спал спокойно, как добившийся своего упрямец.

Глава тринадцатая

Лейтенант и шут

В то время как на расстоянии в семь тысяч парсеков сдача Калгана без боя отрядам армии Мула вызвала любопытство отставного Торговца, привлекла к себе пристальное внимание упрямого капитана и вызвала раздражение мэра-бюрократа, для самих жителей Калгана как

будто ничего и не произошло. Вот извечный урок для человечества – расстояние во времени и пространстве не имеет никакого значения. К сожалению, никто и никогда не выучил урока на «отлично»...

Калган был как Калган. Только там во всем огромном квадранте Галактики как будто и ведать не ведали, что пала Империя, что давным-давно ею не правит династия Станнелей, что ее величие ушло в небытие и нет мира под оливами.

Калган был миром роскоши. Кругом все рушилось, а он сохранял свою неизменную репутацию индустрии развлечений, пожирателя, золота и рынка удовольствий.

Превратности истории обошли Калган стороной, потому что ни один завоеватель не стал бы разрушать или даже сколько-нибудь серьезно вредить миру, в котором было столько готовых, на блюдечке с голубой каемочкой, денег, за которые можно купить любого завоевателя с потрохами.

Однако даже Калган в конце концов стал резиденцией диктатора, и война коснулась его холодной десницей.

Его уютные джунгли, мягкие линии пляжей, города с прихотливой архитектурой откликнулись жалобным эхом на топот сапог наемных солдат. Миры его провинций были вооружены, немалые деньги были вложены в покупку военных кораблей – впервые в истории Калгана. Его новый правитель быстро показал, что он твердо намерен защищать то, что считает своим, и не прочь захватить чужое.

Он был самым могущественным диктатором в Галактике, вершителем войны и мира, полагал себя строителем Империи и родоначальником династии.

И вдруг никому не известный самозванец, у которого и имени-то не было – только дурацкая кличка, – захватил и его, и его армию, и его новоявленную Империю просто так, без боя.

Тем не менее на Калгане внешне все было как прежде, и его мало что понимающие жители поспешили вернуться к привычной жизни, в то время как иноземные вояки быстро примыкали к все новым и новым формированиям армии Мула.

Снова, как обычно, устраивались экзотические сафари – охота на специально разводимых диких животных в джунглях, где, естественно, как вещала реклама, не ступала нога человека, а в небе над джунглями носились скоростные охотничьи катера – там шла охота на гигантских птиц.

В городах туристы, убежавшие на Калган от суеты Галактики, могли по-прежнему позволить себе всю гамму развлечений в зависимости от собственного кошелька – от эфирных фантастических воздушных замков, распахивающих свои двери перед звоном монетки в полкредитки, до таинственных, мало кому известных домов с привидениями, войти в которые могли себе позволить только самые богатые...

В колоссальном потоке пассажиров Торан и Байта не привлекли особого внимания. Они зарегистрировали свой корабль в громадном общем ангаре на Восточном Полуострове и отправились в местечко, которое было вполне по карману туристам со средним достатком – На побережье Внутреннего Моря. Там можно было развлечься и отдохнуть, и притом народу было не слишком много.

На Байте были темные очки и тонкое белое летнее платье. Она сидела на песке, обхватив колени руками, едва тронутые нежным, золотистым загаром. Взгляд ее рассеянно скользнул по фигуре мужа, вытянувшегося на песке рядом с ней. Он уже успел прилично загореть.

– Смотри, обгоришь! – предупредила она его в первый день, но это было бесполезно. Торан был родом с угасающей звезды, и, хотя он целых три года провел в Академии, солнце было для него роскошью, посему он уже четыре дня, обработав кожу специальным кремом от солнечных ожогов, разгуливал по Калгану в одних шортах.

Байта придвинулась к Торану поближе, и они заговорили шепотом.

Торан печально проговорил, прикрыв рукой глаза от солнца:

– Нет, Байта, конечно, я признаю, что мы ничего не добились. Мы – нигде. Но он-то, он-то где? Кто он? В этом сумасшедшем мире о нем никто ничего не знает. Может быть, его и нет

вовсе?

– Он существует, – еле шевеля губами, отозвалась Байта. – Просто он умен и хитер, вот и все. Твой дядя прав. Он человек, который мог бы нам помочь. Если еще не поздно.

После короткой паузы Торан прошептал:

– Извини, Байта, я на минутку задремал. Разморило. Забыл обо всем. Как было здорово.

Голос его почти затих. Страхнув дремоту, он заговорил снова:

– Помнишь, как нам в колледже говорил доктор Амани, Бай? Академия не может проиграть никогда, но это не значит, что не могут проиграть ее правители. Разве настоящая история Академии не началась тогда, когда Сальвор Гардин сбросил Энциклопедистов и стал первым мэром Терминуса? Разве потом, в следующем столетии Хобер Мэллоу не захватил власть не менее жестоким способом? Дважды правители потерпели поражение – значит, в принципе, это возможно. И почему бы нам этим не заняться?

– Ох, Тори, это из области литературы. Напрасная трата слов.

– Разве? Ну, задумайся! Что такое Хейвен? Разве он – не часть Академии? Если мы победим, это все равно будет означать победу Академии и всего-навсего поражение нынешних правителей.

– Есть большая разница между «мы можем» и «мы победим». Так что – хватит болтать.

– Ну, ладно, Бай. Ты просто не в настроении. Это с тобой бывает. Только зачем ты хочешь мне настроение испортить? Прости, если не возражаешь, я подремлю немного.

Он прикрыл глаза, а Байта рассеянно глядела в сторону моря, как вдруг ее внимание неожиданно привлекла странная фигурка человека, ходившего на руках на потеху скучающей толпе. Скорее всего, это был один из бродячих пляжных акробатов – они тут постоянно околачивались, готовые свернуться в клубок и извиваться как змеи за пару небрежно брошенных монет. Торан открыл глаза, приподнялся и вместе с Байтой стал следить за развитием событий. К кучке людей, собравшихся вокруг акробата, неожиданно приблизились несколько полицейских из береговой охраны. С потрясающей виртуозностью акробат, балансируя на одной руке, сделал им «нос» другой. Командир патруля сделал шаг вперед, но тут же с позором отступил, получив пинок в живот. Паяц быстро встал на ноги и немедленно бросился бежать, а оскорбленного охранника удержала толпа, явно ему не симпатизирующая.

Паяц, петляя из стороны в сторону, перепрыгивая через мирно загорающих туристов, бежал по пляжу. Кучка народа быстро рассосалась. Охранники рассыпались по пляжу.

– Станный какой... – удивленно прошептала Байта.

Торан рассеянно хмыкнул. Паяц был уже недалеко от них, и его можно было разглядеть получше. Его худое, изможденное лицо украшал прямой длиннющий нос. Его длинные, гибкие руки и ноги, по-паучьи ловкое тело, обтянутое клоунским трико, двигались грациозно и легко, однако сразу было видно, что в нужный момент он может собраться в комок железа и камня.

Смотреть на него без улыбки было невозможно. Пробегая мимо Торана и Байты, паяц заметил, что они смотрят на него, совершенно неожиданно остановился и вернулся к ним. Пристальный взгляд его карих глаз остановился на Байте.

Она почувствовала себя неловко.

Он улыбнулся, отчего его по-птичьи носатая физиономия стала еще печальнее. Заговорил он с мягким, своеобразным выговором Центральных Секторов Галактики.

– Пожелай я употребить все красноречие, дарованное мне Добрыми Духами Галактики, – изрек он, молитвенно сложив руки, – я бы сказал, что такой прекрасной госпожи просто не может быть на свете! Разве может сон стать явью? Кто сможет в это поверить? Разве только безумец! Но я готов сойти с ума и преклониться перед блеском этих очаровательных, восхитительных глаз!

Байта только широко раскрыла рот и выдохнула:

– Вот это да!

Торан рассмеялся.

– Ах ты, коварный искуситель! Ну-ка, давай еще что-нибудь в том же духе! Бай, по-моему, он заслуживает поощрения. Дай-ка ему пару монет!

Оскорбленный паяц одним прыжком подскочил поближе.

– О нет, моя госпожа, не поймите меня превратно! Я вовсе не из-за денег расточаю похвалы вашим прекрасным глазам и восхитительному лицу!

– Ну... благодарю вас, – проговорила ошеломленная Байта и, обернувшись к мужу, шепнула: – Ты погляди, как у него глаза горят!

– Но не только дивное лицо и восхитительные глаза, – продолжал паяц с еще большим воодушевлением, – так поразили мое воображение! Госпожа, за столь прекрасной оправой скрывается чудный ум ваш – светлый, твердый, как алмаз, и доброе сердце.

Торан встал и поднял с песка белую рубашку, которую уже четыре дня таскал, забросив за плечо. Доставая из кармана кошелек, он проговорил:

– Слушай, парень, может, скажешь прямо, сколько тебе дать, и перестанешь надоедать даме?

Паяц испуганно отступил, потупил взгляд, ссутулился.

– О, я вовсе не желал огорчить вас, поверьте! Здесь я чужой, про меня всякое говорят, только я, и правда, умею кое-что читать по лицам. Доброе сердце госпожи не оставит в беде несчастного. Простите меня, я говорю неуклюже...

– Пяти монет хватит, чтобы помочь твоей беде? – сухо поинтересовался Торан и протянул паяцу деньги.

Однако тот не двинулся с места, чтобы взять их, и Байта вмешалась:

– Позволь, я поговорю с ним, Тори! – И добавила мягко, вполголоса; – Что ты сердишься? Ну, глупостей наговорил человек. Просто у него такая манера говорить, вот и все. Наверное, на его взгляд, мы тоже странно разговариваем.

Она обернулась к паяцу и спросила:

– Что за беда? Тебя напугал охранник? Не бойся его!

– О нет! – замахал руками паяц. – Нет, не он! Что мне он – не более чем прибрежный ветерок, осыпаящий песком мои ступни. Я боюсь другого человека, – а он – это ураган, сметающий миры и сталкивающий их друг с другом, как бильiardные шары. Неделию назад я убежал от него, скитался, спал где придется – порой прямо на мостовой, прятался в толпе. Я заглядывал в глаза многим, ища помощи и поддержки. И вот я нашел ту, что может мне помочь.

Последнюю фразу он произнес тихо, чуть не плача, и повторил:

– Я нашел ту, что может мне помочь!

– Ну, – растерянно проговорила Байта, – я рада бы тебе помочь, но, право же, дружок, из меня выйдет неважная защитница от урагана, сметающего миры. Честно говоря, я бы тебе посоветовала...

Громкий окрик прервал их разговор:

– Вот ты где, грязный подонок!

Это был не кто иной, как оскорбленный охранник. Его багровая физиономия перекосилась от злости. Он тяжело дышал после бега под палящим солнцем. Указывая на паяца тяжелым револьвером, он крикнул:

– Эй, вы, двое, держите его, слышите! Не дайте ему удрать!

Его тяжелая лапища мертвой хваткой вцепилась в плечо несчастного акробата. У того от страха подогнулись колени.

– Собственно, что он натворил? – спросил Торан.

– Что он натворил? Что он натворил? – брызгал слюной охранник. – Так, сейчас, хорошо...

Он полез в карман свободной рукой, вынул огромный красный носовой платок и вытер вспотевшую шею. Слегка отдышавшись, он прорычал:

– Скажу, сейчас скажу, что он натворил! Он удрал, сволочь такая! Об этом знают везде вокруг Калгана, и я бы его давно узнал и сцапал, если бы он стоял на ногах, а не на руках! – Закончив тираду, он довольно осклабился.

– А откуда он убежал, сэр? – вежливо поинтересовалась Байта.

Охранник откашлялся. Вокруг них собирались зеваки: глаза любопытные – ушки на

макушке. Прямо пропорционально числу зевак росло воодушевление охранника.

– Откуда он убежал? – с театральным пафосом спросил охранник. – Про Мула слышали?

Зеваки притихли, а у Байты противно засосало под ложечкой. Паяц умоляюще глядел на нее, не в силах вырваться из железной хватки охранника.

– Спрашивается, кто же этот подлый бродяга, – с надрывом продолжал охранник, – как не придворный шут Его Величества, удравший от него?!

Он грубо встряхнул свою жертву.

– Признаешь это, мерзавец?

Паяц ничего не ответил, только смертельно побледнел от ужаса. Байта что-то прошептала на ухо Торану.

Торан, дружелюбно улыбаясь, подошел поближе к охраннику.

– Послушайте, дружище, не могли бы вы на минутку отпустить беднягу? Просто он тут плясал для нас и еще не отработал свои денежки.

– Да ну? – притворно удивился охранник. – И где же они? Не болтайте ерунды! Так я его и отпустил! За него, знаете, какая награда назначена?

– Вы ее получите, если докажете, что он – именно тот, кого вы ищете. А пока все-таки отпустите его. Вы нарушаете кодекс гостеприимства, и вам за это может здорово нагореть.

– А вы... вы нарушаете законы Его Величества, и за это может здорово нагореть вам! – рявкнул охранник, еще раз крепко встряхнув паяца. – Верни этому человеку деньги, подонок!

Торан резко взмахнул рукой, и револьвер охранника упал на песок – тот не успел и глазом моргнуть. Охранник взвыл от боли и ярости. Торан решительно оттолкнул его, а освободившийся паяц спрятался у Торана за спиной.

Толпа росла. Люди толкались, заглядывали друг другу через плечо. Вдруг издали послышался нарастающий ропот и твердый приказ расступиться и дать дорогу.

Зеваки нехотя расступились, и по образовавшемуся проходу к месту происшествия быстро подошли двое парней с бульдожьими физиономиями и электрическими хлыстами наготове. На обоих были пурпурные блузы с изображением молнии и расколотой надвое планеты.

За ними следом шел смуглый великан в форме лейтенанта – черноволосый и хмурый.

Лейтенант заговорил с подозрительной мягкостью в голосе – вероятнее всего, у него не было нужды повышать голос. Он спросил у охранника:

– Это вы нас вызвали?

Охранник все еще потирал ушибленную руку. Скривившись от боли, он пробормотал:

– Я требую выплаты положенной награды, ваша честь, и обвиняю этого человека...

– Вы получите свою награду, – отрезал лейтенант, не глядя на него, и резко приказал солдатам:

– Взять его!

Торан почувствовал, как паяц судорожно вцепился в его рубашку. Постаравшись взять себя в руки, он сказал как можно спокойнее:

– Сожалею, лейтенант, но этот человек – мой. Солдаты не моргнув выслушали это неожиданное сообщение. Один из них инстинктивно поднял плеть, но по безмолвному приказу лейтенанта тут же опустил ее. Смуглый гигант шагнул вперед и скалой навис над Тораном.

– Кто вы такой?

Торан гордо ответил:

– Гражданин Академии!

Это произвело должное впечатление – по крайней мере, на толпу. Глухое молчание сменилось гулким ропотом. Имя Мула могло напугать, но, в конце концов, имя это было пока ново, и к нему еще не успели привыкнуть настолько, насколько привыкли к слову «Академия». Академия победила Империю, и священный трепет перед ней был еще силен в этом квадранте Галактики. Все знали о ее силе и деспотизме.

Лейтенант, однако, остался невозмутим.

– Вам известно, что за человек прячется у вас за спиной?

– Мне сказали, что он убежал из дворца вашего правителя, но наверняка я знаю одно – он

мой друг. Вам придется здорово постараться и доказать точно, что он действительно тот, кого вы ищете.

В толпе слышались возгласы испуга и восхищения, но лейтенант сохранил спокойствие.

– У вас есть документы, подтверждающие, что вы действительно гражданин Академии?

– На моем корабле.

– Вы осознаете, что ваши действия противозаконны? Я могу пристрелить вас на месте!

– Нисколько не сомневаюсь. Однако, застрелив гражданина Академии, вы сами скоро отправитесь туда в виде собственного трупа – четвертованного, в качестве частичной компенсации. Так было со многими диктаторами.

Лейтенант нервно облизнул губы. Это было правдой. Он проговорил:

– Ваше имя?

Торан развивал достигнутое преимущество...

– На дальнейшие вопросы я буду отвечать только на борту моего корабля. Можете узнать в ангаре номер стоянки. Корабль зарегистрирован под названием «Байта».

– Вы отказываетесь выдать беглеца?

– Разве что самому Мулу. Передайте ему мое приглашение!

Разговор был окончен. Резко отвернувшись, лейтенант сквозь зубы отдал приказ:

– Разогнать толпу!

Щелкнули раз-другой электрические плети. Напуганные зеваки быстро разошлись.

Торан пришел в себя только на пути к ангару. Он проговорил, обращаясь больше к самому себе:

– Ох, Бай, ну и пережил я! Честно говоря, сдрейфил не на шутку.

– Да... – откликнулась она дрожащим голосом. – Это было на тебя совсем не похоже, Тори...

– Ну, сам не знаю, как это вышло! Стоял, как дурак, с револьвером в руке... Бай, я ведь даже толком не знаю, как с ним обращаться! И дерзил этому... В общем, не знаю, как это вышло!

Обернувшись через плечо, он украдкой взглянул на скрючившегося на заднем сиденье скоростного катера придворного шуга Мула. Тот дремал, совершенно обессиленный. Катер уносил их все дальше от пляжа. Торан вздохнул:

– Да... труднее работенки у меня, пожалуй, не было.

Лейтенант стоял навытяжку перед гарнизонным полковником. Полковник спокойно сказал:

– Хорошо сработано. Свое дело вы сделали.

Но лейтенант после этих слов не ушел. Он мрачно проговорил:

– Мул пал в глазах народа, сэр. Необходимо принять срочные меры по восстановлению должного порядка.

– Меры уже приняты.

Лейтенант совсем было собрался уйти, но задержался еще и пробормотал с горечью в голосе:

– Я согласен, сэр, – порядок есть порядок, только вот стоял я там перед этим хлюпиком, а у него в руке – револьверишко паршивый, а я был беспомощен, как котенок. Труднее работенки у меня, пожалуй, не было...

Глава четырнадцатая

Мутант

«Ангар» на Калгане – постройка весьма специфическая, рассчитанная на размещение огромного количества кораблей, на которых сюда прибывают гости из других миров. В «ангаре» все предусмотрено для быстрого и качественного удовлетворения самых

разнообразных потребностей туристов. Умник, который все это придумал, моментально стал миллионером. Его наследники – как кровные, так и финансовые – легко попали в круг богатейших людей Калгана.

Постройки «ангара» занимали колоссальные участки земли, так что слово «ангар» в весьма отдаленной степени отражает суть и назначение этого строения. Фактически это был отель – отель для звездолетов. Путешественник платит вперед, и его кораблю предоставляется стоянка, с которой он может стартовать в любой момент. При желании турист может жить в своем корабле. Обычные гостиничные услуги, как то: доставка продуктов питания, медикаментов, несложный ремонт корабля, спецрейсы по Калгану – все это предоставляется за номинальную плату.

В итоге турист имеет одновременно стоянку для корабля и гостиницу для себя, что и удобно, и выгодно. Кроме того, владельцы сдают участки земли, примыкающие к ангару, по сходной цене. Правительство собирает высокие налоги. И все довольны. Никто не внакладе. Простенько – и со вкусом!

Человек, уверенно шагавший по коридорам ангара, соединявшим его многочисленные «крылья», явно был здесь не впервые. В свое время он уже оцепил по достоинству новизну и удобства этого сооружения, а сейчас ему было не до восторгов. Он торопился.

Корабли самых разнообразных размеров и конструкций выстроились длинными четкими рядами. Человек шел вперед, оставляя позади ряд за рядом. Предварительно изучив схему ангара, он понял, в каком крыле находится нужный ему корабль, а теперь богатый опыт и профессиональное чутье должны были помочь ему выбрать его из сотни других звездолетов.

Тишину нарушил отдаленный призрачный вздох. Человек остановился, повернулся и пошел вдоль очередного ряда кораблей – муравей среди металлических чудовищ.

То тут, то там из приоткрытых входных люков вырывались лучи света. Это означало, что хозяева рано вернулись домой, предпочтя шумным развлечениям домашний уют.

Человек остановился. Если бы он умел улыбаться, он непременно улыбнулся бы. Во всяком случае, мысленно он улыбнулся.

Корабль, у которого он остановился, был невелик, но, судя по всему, способен развивать огромную скорость. Некоторые особенности его конструкции убедили человека в том, что он нашел то, что искал. Корабль был необычной модели. В те дни большинство конструкций звездолетов в данном квадранте Галактики либо имитировали модели, созданные в Академии, либо просто были построены тамошними инженерами. Этот корабль был другим. Это был корабль из Академии. Ошибка исключена – утолщения в обшивке свидетельствовали о том, что он оборудован защитным полем – которое было только у кораблей Академии. Было и еще кое-что, что окончательно убедило человека в успехе поисков.

Все стоянки в ангаре были оборудованы электронными барьерами. Однако это не смутило человека. Он достал портативный нейтрализатор весьма специфической конструкции и легко преодолел барьер.

Поэтому внутри корабля узнали о визите постороннего только по мягкому жужжанию звонка в центральном отсеке. Это означало, что кто-то коснулся глазка фотоэлемента сбоку от главного входного люка.

Все время, пока продолжался этот, увенчавшийся успехом поиск, Торан и Байта чувствовали себя в относительной безопасности за стальной обшивкой «Байты». Паяц Мула, сообщивший, что его зовут не как-нибудь, а Магнифико Гигантикус – имечко, прямо скажем, издевательское для столь тщедушного создания, скрючился у стола и жадно поглощал приготовленную для него еду.

Взгляд его печальных карих глаз отрывался от еды только для того чтобы украдкой взглянуть на Байту, которая хлопотала на кухне рядом с ним.

– Благодарность такого ничтожества, как я, конечно, пустяки для вас, госпожа, – смущенно пробормотал он, – но я действительно благодарен вам. Ведь за последнюю неделю я питался одними огрызками. А у меня, признаться, несмотря на то что я такой худой, отличный аппетит.

– Ну так ешь! – улыбнулась Байта. – И не трать времени на благодарности. Знаешь пословицу про благодарность? Я ее точно не помню, один раз только слышала.

– Да, моя госпожа, есть такая пословица. Мне довелось услышать, как один мудрый человек изрек: «Лучшая благодарность – молчание». Но, увы, моя госпожа, я – болтун. Когда-то мое пустословие пришлось по нраву Мулу, и он нарядил меня в этот шутовской костюм и наградил громким именем – раньше-то меня звали просто Бобо. Ему это не понравилось. А потом, моя госпожа, если моя болтовня была ему почему-либо не по вкусу, он нещадно избивал меня.

Из отсека управления вышел Торан.

– Делать нечего, Бай. Остается одно – ждать. Надеюсь, Мулу известно, что корабль из Академии является территорией Академии.

Магнифико Гигантикус, в прошлом Бобо, широко раскрыв глаза, воскликнул:

– Как же велика должна быть Академия, если даже слуги Мула трепещут перед ней!

– А ты слышал об Академии? – с улыбкой спросила Байта.

– Кто же не слышал о ней! – подобострастно воскликнул Магнифико. – Говорят, что это мир великих чудес, в котором есть огонь, способный поглотить целые Планеты. Говорят, что самые высокопоставленные люди по всей Галактике не могут похвастаться честью и уважением, которым пользуется всякий простой смертный, имеющий счастье сказать: «Я – гражданин Академии!» – будь он простым шахтером или даже таким ничтожеством, как я.

Байта покачала головой.

– Ох, Магнифико, если ты будешь произносить такие пышные речи, ты никогда не покончишь с едой. На-ка, выпей молока. Очень вкусное!

Она поставила на стол кувшин с молоком и стакан и, знаком попросив Торана удалиться, сама вышла следом за ним.

– Торан, что же мы будем с ним делать? – тихо спросила она, кивнув в сторону кухни.

– Что ты имеешь в виду?

– Если явится Мул, мы отдадим его?

– А что же нам еще остается, Бай? – обреченно пожал плечами Торан и сдул со лба прилипшую прядь волос.

– Пока мы сюда не попали, – устало продолжал он, – я, как дурак, думал, ну, прилетим, порасспросим тут про Мула, а потом займемся делом – а каким, я и сам не знал.

– Я понимаю, что ты хочешь сказать, Тори. Я сама, честно говоря, не надеялась, что нам удастся увидеть Мула. Я тоже думала, что мы ограничимся просто расспросами, которые в конце концов могли бы вывести нас на людей, которым побольше известно о его межзвездных интригах. Кто знал, что так выйдет! Я же не шпион из космического боевика!

– В этом плане я недалеко от тебя ушел, Бай...

Сжав кулаки, он продолжал:

– Да... Ситуация... Честно говоря, мы ведь и не были до конца уверены, что Мул на самом деле существует. А тут вдруг такая передрыга! Значит, ты думаешь, он придет за своим паяцем?

Байта быстро взглянула на него.

– Не знаю, хочу ли я этого. А ты?

В это мгновение прерывисто зазвонил звонок. Кто-то стоял у входного люка! Байта беззвучно прошептала:

– Мул!

На пороге, широко раскрыв глаза, перепуганный насмерть, стоял Магнифико.

– Мул?!

– Придется впустить их, – огорченно пробормотал Торан.

Щелкнул контакт, люк открылся и впустил гостя. Крышка люка захлопнулась. На сканере в центральном отсеке была видна одинокая тень.

– Там всего один человек, – облегченно вздохнул Торан. Сдерживаясь, чтобы не выдать волнения, он спросил в переговорное устройство: – Кто вы такой?

– Может, все-таки мне будет позволено войти? – донесся голос из переговорного устройства.

– Должен вас предупредить, что это корабль из Академии, и по конвенции о международном праве является его территорией.

– Мне это известно, – ответил голос.

– Входите, подняв руки. В противном случае я буду стрелять. Я неплохо вооружен.

– Договорились.

Торан открыл дверь отсека и взвел курок бластера. На пороге стоял незнакомый мужчина. Магнифико облегченно прошептал:

– Это не Мул! Просто человек!

«Просто человек» церемонно кивнул паяцу.

– Точно подмечено. Я действительно не Мул. Руки он по договору держал чуть приподнятыми и разведенными в стороны.

– Я не вооружен, – сообщил он, – и пришел к вам с миром. Так что не волнуйтесь и уберите бластер.

– Кто вы? – недовольно спросил Торан.

– Это мне следовало бы вас спросить, – холодно парировал незнакомец. – Это вы скрываете свою личность, а не я.

– Как это?

– Вы утверждали, что вы – гражданин Академии, не правда ли? Да будет вам известно, что среди прибывших на Калган не зарегистрировано ни одного Торговца.

– Это неправда! Откуда вы знаете?

– Знаю, потому что я – гражданин Академии. У меня есть соответствующие документы. А у вас?

– Я думаю, вам лучше уйти!

– А я так не думаю. Если вам известно, что бывает с теми, кто выдает себя за гражданина Академии, не будучи им, и еще кое-какие процессуальные тонкости, вам будет нетрудно догадаться, что вас ожидает, если я не вернусь живым на свой корабль. Тут же поступит сигнал на ближайшую военную базу Академии. Так что настоятельно рекомендую вам убрать оружие.

Наступило напряженное молчание. Наконец Байта спокойно сказала:

– Убери бластер, Торан, и поверь ему на слово. Похоже, он правду говорит.

– Благодарю вас, – поклонился незнакомец.

Торан положил бластер на стул рядом с собой.

– Надеюсь, теперь вы можете объясниться?

Незнакомец продолжал стоять. Он был высокий, широкоплечий. Лицо словно вырублено из камня. Почему-то сразу возникла уверенность, что он никогда не улыбается. Но глаза у него были добрые.

– Слухи распространяются быстро, – сказал он, – особенно – невероятные. Думаю, вряд ли на Калгане сейчас отыщется хоть один человек, который бы не знал, что люди Мула схлопотали по зубам от двоих туристов из Академии. Главное я знал уже днем. Кроме того, как я сказал, зарегистрированных туристов из Академии на Калгане нет, кроме меня. Такие вещи нам известны.

– Кто это – «мы»?

– «Мы» – это «мы». Я – один из них. Я понял, что вы припарковались в «ангаре», – вы сами обмолвились там, на пляже. Поэтому я своими методами изучил список и своими методами нашел корабль. – Он резко повернулся к Байте.

– Вы – уроженка Академии, не так ли?

– Да что вы говорите? – огрызнулась Байта.

– Вы – член демократической оппозиции, именуемой «подпольем». Имени вашего я не помню, зато помню лицо. Вы покинули Академию совсем недавно, и это вам вряд ли удалось бы, будь вы фигурой поважнее.

Байта пожала плечами.

– Вы подозрительно много знаете.

– Да. Знаю. Вы удрали с мужчиной. С этим?

– Какая вам разница?

– Никакой. Просто хочу, чтобы мы лучше поняли друг друга. Если не ошибаюсь, пароль на той неделе, когда вы удрали, был «Селдон, Гардин, Свобода»? А командиром вашей группы был Порфират Харт.

– Откуда вы знаете? – гневно воскликнула Байта. – Его схватила полиция?

Торан сжал ее руку, но она вырвалась и подошла ближе к незнакомцу.

– Никто его не схватил. Просто у подполья широкие связи в самых неожиданных местах. Меня зовут капитан Хэн Притчер, я из Службы Информации, и я сам командир группы, – а под каким именем – неважно. – Подождав немного, человек из Академии продолжил: – Нет, я вовсе не жду, что вы мне поверите. В нашем деле лучше не доверять, чем наоборот. Просто хотелось поскорее покончить с вводной частью.

– Ну, – сердито буркнул Торан, – допустим, вам это удалось.

– Можно присесть? Спасибо.

Капитан Притчер уселся, закинув ногу на ногу, а руку забросил за спинку кресла.

– Давайте для начала кое-что уточним. Вы двое прибыли не из Академии, следовательно, как нетрудно догадаться, из одного из независимых торговых миров. Это меня как раз мало интересует. Любопытно другое – что вы собираетесь делать с этим несчастным паяцем, которого вы похитили с такой легкостью. Удерживая его у себя, вы рискуете жизнью.

– Я вам этого не скажу.

– Гм-м. Собственно, я и не ожидал ответа. Только если вы думаете, что Мул лично явится за ним под звуки фанфар, барабанов и электроорганов, забудьте об этом. Мул до такого не унижится.

– Что? – одновременно выдохнули Торан и Байта, а в углу, где притаился Магнифико, в полном смысле слова наостривший уши, раздался вздох облегчения.

– Это правда. Я сам пытался войти с ним в контакт и проделал в этом плане гораздо более серьезную работу, чем вы, любители. Ничего не вышло. Он нигде лично не появляется, не разрешает себя фотографировать и вообще как бы то ни было изображать – видит его только ближайшее окружение.

– Чем же мы можем быть вам полезны в этом плане, капитан?

– Не вы. Паяц – ключ ко всему. Паяц – один из немногих, кто его видел. Он мне нужен. У меня есть кое-какие догадки, и он может их подтвердить. Мне нужно их подтвердить, чтобы, черт побери, встряхнуть Академию!

– А ее нужно встряхнуть? – ехидно поинтересовалась Байта. – А зачем? И в какой роли вы выступаете сейчас? Кто вы – мятежный демократ или служащий тайной полиции и провокатор?

Лицо капитана помрачнело.

– Когда существует угроза для всей Академии, Мадам Революционерка, она существует для всех – и для демократов, и для тиранов. Так что давайте-ка спасем наших собственных тиранов от еще большего тирана, с помощью которого мы сможем их сбросить.

– О каком это тиране вы говорите?

– О Муле! Я кое-что о нем знаю – столько, что уже сто раз мог отправиться на тот свет, если бы не моя способность ускользать в самые опасные моменты. Попросите паяца выйти. Мне нужно кое-что сказать вам наедине.

– Магнифико!

Байта жестом попросила паяца удалиться, и тот безропотно повиновался.

Капитан заговорил так тихо, что Байте и Торану пришлось придвинуться поближе.

– Мул – хитрый игрок. Слишком хитрый, чтобы не понимать притягательности и блеска авторитарного правления. Если он от этого отказывается, то не без причины. Вот почему я думаю, что при личном контакте можно было бы узнать нечто важное, что он скрывает.

Он нетерпеливо махнул рукой, показывая, что вопросы задавать не время, и торопливо продолжал:

– Я побывал там, где он родился. Побеседовал с людьми, которые вряд ли долго задержатся на этом свете именно из-за того, что им кое-что известно. Они помнят ребенка, который родился тридцать лет назад, смерть его матери, его странную юность. Мул – не человек!

Торан и Байта вздрогнули. Они пока мало что понимали, но фраза звучала пугающе.

Капитан продолжал:

– Он – мутант, и, как свидетельствует его дальнейшая карьера, результаты мутации налицо. Я не знаю точно, какова его сила и до какой степени он соответствует образу супермена из дешевых триллеров, но то, что за два года он прошел путь от нуля до завоевателя Калгана, говорит само за себя. Видите, какова опасность? Разве может быть в Плане Селдона учтен генетический сдвиг с непредсказуемыми биологическими качествами?

Байта медленно, с трудом подбирая слова, проговорила:

– Не верю. Это какой-то обман. Почему же люди Мула не убили нас? Чего бояться слугам супермена?

– Я же сказал – я не знаю степени его мутации. Возможно, она еще не завершена, и поэтому он пока не готов к нападению на Академию. В такой ситуации самое разумное с его стороны – дожидаться завершения мутации. А теперь давайте вернемся к паяцу. Позовите его. Я хочу с ним поговорить.

Капитан перевел взгляд на вошедшего, дрожавшего от страха Магнифико, у которого высокий, крепкий мужчина, пристально глядевший на него, явно не вызывал доверия.

Капитан спокойно спросил паяца:

– Ты видел Мула собственными глазами?

– О, я видел его слишком близко, благородный господин. Так близко, что у меня все кости им переломаны!

– Не сомневаюсь. Можешь его описать?

– Мне страшно вспомнить о нем, благородный господин! Он такой... громадный! Рядом с ним даже такой могучий человек, как вы, показался бы муравьем. У него ярко-рыжие волосы – как огонь, а руки у него такие сильные, что я не смог бы сдвинуть его с места, уцепись я и потяни изо всей силы.

Видимо, Магнифико вспомнил пережитые кошмары и весь как-то сжался.

– Часто, на потеху своим генералам, а то и для собственной забавы, он брал меня указательным пальцем за пояс и подвешивал – вот так, – а я должен был читать стихи. Только после двадцатого стихотворения он отпускал меня, причем каждое стихотворение должно было быть только что сочиненным и безукоризненно срифмованным. А порой он требовал еще и еще... Он – человек страшной силы, благородный господин, и ужасной жестокости. А глаз его, благородный господин, никто никогда не видел!

– Что? Повтори!

– Он носит очки, благородный господин, очень странные. Говорят, они непрозрачные, потому что у него нечеловеческое зрение. Я слышал, – он перешел на шепот, – что тот, кто посмотрит ему в глаза, умрет на месте. Он может убивать взглядом, благородный господин!

Испуганный взгляд Магнифико перебегал с одного лица на другое. Он молитвенно сложил руки.

– Это правда, клянусь вам. Это правда!

Байта глубоко вздохнула.

– Похоже, вы правы, капитан. Что будем делать? Командуйте.

– Так. Давайте рассудим здраво. Как я понимаю, никаких дел у вас здесь больше нет. Верхний барьер открыт?

– Мы можем стартовать в любое время.

– Тогда стартуйте. Может быть, Мул и не хочет ссориться с Академией, но отпускать Магнифико рискованно. Наверху вас запросто могут ждать. Если вы благополучно исчезнете – кто будет виноват?

– Вы правы, – мрачно признал Торан.

– Однако у вас есть защитное поле, и скорость повыше будет, чем у любого из их кораблей, поэтому, как только выйдете из атмосферы Калгана, рвите вперед как можно быстрее.

– Хорошо, – холодно согласилась Байта. – А в каком качестве мы вернемся в Академию, капитан?

– В качестве дружественных представителей Калгана, если вы не против. По-моему, в этом не будет ничего удивительного.

Не сказав ни слова, Торан отправился к пульту управления. Все ощутили легкий толчок.

Только когда Калган остался далеко позади и Торан приготовился к первому межзвездному прыжку, лицо Капитана Притчера едва заметно смягчилось – ни одного корабля армии Мула не встретилось на их пути.

– Похоже, он-таки позволяет нам увезти Магнифико, – сказал Торан. – Что-то у вас не сходится.

– Только в том случае, если он почему-либо хочет, чтобы мы его увезли. Тогда – плохи дела Академии.

Наконец был совершен последний прыжок через гиперпространство, до Академии оставалось лететь сравнительно недолго, и они поймали первую передачу на гиперволнах за время полета.

Их внимание привлекла одна из новостей. Диктор упомянул о том, что некий диктатор, имя которого почему-то названо не было, послал в Академию ноту протеста по поводу насильственного увоза своего придворного. После этого сообщения диктор перешел к спортивным новостям.

Капитан Притчер процедил сквозь зубы:

– Все-таки он нас опередил.

И подумав, добавил:

– Значит, он готов напасть на Академию. Ему просто был нужен повод. Теперь ситуация для нас несколько осложнится. Придется поторопиться...

Глава пятнадцатая Психолог

У того факта, что люди, занимавшиеся «чистой наукой», по-прежнему вели в Академии образ жизни «свободных художников», были свои причины. Превосходство Академии в Галактике – и само ее выживание – в огромной степени зависело от приоритета технологии, и хотя уже минимум как лет полтораста все более главенствующие позиции занимала физическая сила, ученым удалось сохранить некоторый правовой иммунитет. Ученые были нужны, и они знали это.

Была причина и у того факта, что самым свободным из всех «свободных художников» был Эблинг Мис, несмотря на то что многочисленные титулы и ученые звания к его имени добавляли только те, кто не знал его поближе. В мире, где к науке все еще относились с уважением, он был Ученым – с большой буквы и кроме шуток. Он был нужен, и знал об этом.

Вот почему, когда другие падали ниц, он не склонял головы да еще и громогласно заявлял при каждом удобном случае, что его предшественники сроду не унижались перед всякими там вонючими мэрами. И еще добавлял, что во времена его предшественников мэров худо-бедно, а все-таки избирали, а когда надо было – скидывали, и что единственное качество, которое можно получить по праву рождения, – это врожденное слабоумие.

Поэтому, когда Эблинг Мис решил оказать мэру Индбуру честь удостоить аудиенции, он не стал утруждать себя отправкой официального запроса и ожиданием официального ответа, а просто напялил менее продранный из двух своих пиджаков, нахлобучил на голову шляпу, давным-давно утратившую всякое подобие формы, и, яростно попыхивая дешевой сигаретой – плевать ему было на всякие там запреты – гордо прошествовал мимо двоих, не успевших и рта раскрыть охранников, и вошел за ворота дворца мэра.

Его Сиятельство почувствовал первые признаки вторжения, когда до его слуха донесся шум приближавшихся голосов, которые кого-то тщетно увещевали остановиться, а этот кто-то басом чертыхался в ответ и посылал куда подальше тех, кто пытался его задержать.

Индбур медленно отложил лопату, выпрямился и нахмурился. Он позволял себе только два часа отдыха от государственных дел. Это время он, если позволяла погода, копался в саду. Здесь, как и на его письменном столе, царил образцовый порядок – сад украшали клумбы идеальной квадратной и треугольной формы, желтые и красные цветочки чередовались строгими, ровными полосками. Клумбы обрамляли четкие бордюрики фиалок и зелени. В саду его никто не имел права беспокоить. Никто!

Индбур, на ходу стягивая перепачканные землей перчатки, направился к калитке.

– Что это значит?

С тех пор как существует человечество, подобный вопрос ни разу не выражал ничего, кроме крайнего возмущения. На вопрос Индбура последовал достойный ответ – в калитку, вырвавшись из крепких рук охранников, вломился Эблинг Мис, оставив у стражей порядка в руках изрядную часть своего пиджака.

Индбур взглядом повелел охранникам удалиться, а Мис наклонился, чтобы поднять с земли нечто, смутно напоминающее шляпу, демонстративно стряхнул с нее некоторое количество пыли, зажал ее под мышкой и возгласил:

– Значит так, Индбур! С твоих, извиняюсь за выражение, паршивцев – новый пиджак. Совсем ободрали, засранцы!

Он пыхнул сигарой и театрально вытер пот со лба. Мэр, раздраженно глядя снизу вверх на старика, сдержанно заметил:

– Мне не сообщали, Мис, что вы просили об аудиенции. Насколько мне известно, она вам не была назначена.

Эблинг Мис, глядя на мэра сверху вниз, проговорил тоном, в котором не было ничего, кроме искреннего удивления:

– Вот это новости, Индбур, а тебе, что, мою записку не передали? Вчера я передал записку какому-то бездельнику в красной ливрее. Одеваешь их, как циркачей, прости меня Господи! Я бы мог, конечно, и прямо так прийти, без записки, но я же знаю, как ты обожаешь формальности!

– Формальности! – хмыкнул Индбур, отводя в сторону возмущенный взгляд. Взяв себя в руки, он сказал более сдержанно: – Вам, вероятно, плохо знакомо такое понятие, как четкая организация труда. Прошу учесть на будущее: когда вам вздумается просить об аудиенции, вы должны заполнить официальный запрос в трех экземплярах, подать его в правительственную канцелярию и спокойно ожидать, когда вам поступит официальный ответ. Только после получения такового вы обязаны явиться в назначенное время, одетым как подобает и соблюдая все правила этикета. Вы свободны!

– Ишь ты! Одежда моя ему не по вкусу! – возмутился Мис. – Да это, если хочешь знать, был мой лучший пиджак, пока твои головорезы не вцепились в него своими клешнями! Понял? А уйду я после того, как сообщу тебе то, что собирался сообщить. Черт подери, Индбур, стал бы я на тебя время тратить! Если бы не наступал Селдоновский кризис, только бы ты меня и видел. Жди!

– Селдоновский кризис? – удивленно переспросил Индбур.

Как бы то ни было, Мис был выдающимся психологом. Конечно, он был демократом, грубияном, явным мятежником, но все-таки он был психологом. Мэр был настолько обескуражен его заявлением, что даже не нашел слов выразить словами свое возмущение, когда тот сорвал с клумбы первый попавшийся цветок, понюхал и с отвращением швырнул на дорожку.

Индбур холодно спросил:

– Может быть, все-таки пройдем в кабинет? Сад – не место для серьезных разговоров.

В любимом кресле за огромным письменным столом он чувствовал себя намного увереннее. С возвышения он неприязненно поглядывал на розоватую лысину Миса, едва

прикрытую редкими седыми волосами. Мэр испытывал злорадное удовлетворение, наблюдая, как Мис оглядывается по сторонам в поисках второго кресла. Не обнаружив такового, он вынужден был стоять в неловкой позе, переминаясь с ноги на ногу. Еще большую уверенность в себе Индбур обрел, когда в ответ на нажатие послушной кнопки в кабинет вошел чиновник в ливрее и, подобострастно согнувшись, положил на стол тяжелый, оправленный металлом том.

– Ну, а теперь давайте по порядку, – сказал Индбур, входя в роль хозяина положения. – Чтобы наша неформальная беседа закончилась побыстрее, постарайтесь как можно более коротко изложить суть.

Тоном человека, которому торопиться совершенно некуда, Эблинг Мис спросил:

– Тебе известно, чем я занимался в последнее время?

– Здесь – все ваши отчеты, – самодовольно ответил мэр. – Полные отчеты, к которым приложены краткие рефераты, выполненные моими сотрудниками. Насколько мне известно, ваши исследования, направленные на изучение математического обоснования учения Гэри Селдона, были предприняты в попытке повторить его работу и применить полученные данные для прогнозирования будущего на благо Академии.

– Вот-вот, – сухо подтвердил Мис. – Если ты не забыл – когда Селдон основывал Академию, он проявил потрясающую мудрость и не включил в состав первой научной колонии ни одного психолога, дабы Академия слепо шла вперед по пути исторической неизбежности. Проводя свои исследования, я тщательнейшим образом изучил мельчайшие подробности тех речей, которые были произнесены в Склепе.

– Это мне известно, Мис. Повторение – напрасная трата времени.

– Повторение! – рявкнул Мис. – Понимал бы чего! То, что я тебе собираюсь сообщить, в отчетах отсутствует.

– Что вы имеете в виду? Как это – отсутствует в отчетах? – возмутился Индбур. – Как это может быть, чтобы...

– Черт побери! Дашь ты мне сказать? Перестань цепляться к словам, или я сейчас действительно уйду к чертовой матери, а ты сам разбирайся! Запомни, ты, извиняюсь за выражение, дурак набитый, Академия-то выкарабкается, потому что должна выкарабкаться, а вот с тобой что будет, если я уйду? Прикинул?

Швырнув на пол шляпу с такой силой, что от нее во все стороны полетела пыль, он резво взбежал по ступенькам на возвышение, где стоял письменный стол, и, раздраженно отбросив в сторону бумаги, уселся на его угол.

Индбур в панике соображал, что лучше – вызвать охрану или воспользоваться вмонтированными в стол бластерами. Однако неумолимый взгляд Миса заставил его смириться и сделать хорошую мину при плохой игре.

– Доктор Мис, – начал было мэр, пытаясь изо всех сил оставаться в рамках этикета, – вы должны...

– Заткнись, – яростно потребовал Мис. – И слушай! Тут у тебя дерьмо, а не мои отчеты, так что можешь спокойненько выкинуть их ко всем чертям. Я отлично знаю, что любой мой отчет, прежде чем попасть к тебе, прочитают двадцать законченных ослов, а после тебя – еще столько же. И черт бы с вами, если тебе на все плевать и ты не понимаешь, что иногда нужно держать язык за зубами. Только сейчас я тебе сообщу нечто совершенно конфиденциальное. Настолько конфиденциальное, что даже мои парни не имеют об этом представления. Они, конечно, упорно трудились – но каждый из них работал над своей конкретной проблемой. А уж обдумывал и анализировал данные я один. Индбур, ты имеешь понятие о том, что такое Склеп?

Индбур беспомощно кивнул, а Мис продолжал, явно довольный собой:

– Молодец, далеко пойдешь, только я тебе все-таки напому. Знает он! Да я тебя насквозь вижу, мошенник ты жалкий, извиняюсь за выражение! А ну, убери руку от кнопки! Да хоть пятьсот своих холуев позови, хоть в тюрьме меня сгнои, хоть четвертуй, я знаю отлично: ты боишься того, что я знаю. Селдоновского кризиса боишься! И учти, прежде чем ты кнопку нажмешь, я твою глупую башку об стол разможжу! Хватит, надоело. И ты, и папаша твой – разбойник, извинялось за выражение, и дед – пират вонючий, попили кровушки из Академии.

– Это измена! – вякнул Индбур.

– Ой-ой-ой, напугал! – каркнул Мис. – Только деваться-то тебе некуда. Сиди и слушай. Значит, так. Склеп – это хитрая штукавина, которую Гэри Селдон царство ему небесное, установил тут для того, чтобы помочь нам в самые тяжелые дни. Во время каждого из кризисов в Склепе появлялся образ Селдона, чтобы объяснить нам, что происходит. Четыре кризиса миновало – четыре раза он появлялся. Впервые он появился на пике первого кризиса, второй раз – после успешного завершения второго... Оба раза в Склепе находились наши предки – они видели и слышали Селдона. Во время третьего и четвертого кризисов в Склеп никто не удосужился заглянуть – решили, наверное, что в этом нет необходимости. Так вот, мои последние исследования, сообщений о которых нет в отчетах, неопровержимо доказали, что он в Склепе появлялся, и именно в то самое время. Усек?

Не дожидаясь ответа, он бросил на стол погасшую, замусоленную сигару и достал из кармана новую. Яростно пуская клубы дыма, он продолжал:

– Официальной целью моих исследований была реставрация психоистории. Однако это не под силу никому – с этим за сто лет не справиться. Тем не менее кое в чем мы добились определенных успехов, что позволило мне основательно покопаться в Склепе. Полученные мной данные позволяют мне с высочайшей степенью вероятности сообщить дату следующего появления Гэри Селдона, а следовательно, я могу назвать тебе абсолютно точно день, когда пятый Селдоновский кризис разразится, извиняюсь за выражение, во всей красе.

– К-когда? – испуганно выдохнул Индбур.

– Через четыре месяца, – беспечно сообщил, стряхнув пепел на стол, Мис. И столь же беспечно уточнил: – Через четыре месяца без двух дней.

– Через четыре месяца? – воскликнул Индбур с несвойственной для него горячностью. – Это невозможно!

– Невозможно, говоришь? Ну-ну...

– Через четыре месяца... Да вы понимаете, что это значит? Если кризис достигнет размаха через четыре месяца, значит, он развивается уже как минимум несколько лет!

– И что? Ты знаешь закон природы, который бы утверждал, что исторические процессы обязаны совершаться от рассвета до заката?

– Но ведь нет же ничего такого... Нам никто не угрожает! – возразил Индбур, нервно потирая руки. Наконец, дав волю своему раздражению, он крикнул: – Может быть, вы все-таки будете настолько любезны и слезете со стола, чтобы я привел в порядок бумаги? Я не могу думать в таком беспорядке!

Мис, искренне удивившись, слез со стола и отошел в сторону.

Индбур трясущимися руками восстановил порядок на столе, раскладывая по местам разбросанные листки бумаги. Он торопливо проговорил:

– Вы не имели никакого права врываться сюда подобным образом. Если вы закончили изложение вашей теории...

– Это не теория!

– А я говорю – теория! Когда вы представите ее в письменном виде, снабдив изложение соответствующими фактами и выкладками, она будет передана в Комиссию по Историческим Научам. Там ее внимательно изучат, результаты анализа будут переданы мне, а затем, конечно, будут приняты соответствующие меры. Пока же я не вижу никакого смысла в продолжении беседы. Ах, вот он где!

Он держал в руке лист полупрозрачной серебристой бумаги. Помахав им, он сообщил нахмурившемуся психологу:

– Вот краткий отчет по иностранным делам, который я лично составляю каждую неделю. Так вот. Что тут у нас: мы завершили переговоры по подготовке торгового соглашения с Морезом, продолжили переговоры на эту же тему с Лайонессом, отправили делегацию на празднование юбилея в Бонд, получили жалобу с Калгана и собираемся ее рассмотреть, выразили протест по поводу нарушения торговой конвенции в Асперте, и они обещали его рассмотреть, и так даже, и так даже...

Пробежав глазами лист до конца, мэр положил его в нужную папку, шелкнул скоросшивателем и поглядел на Миса ясными глазами.

– Повторяю, Мис, я не нахожу ничего такого, что говорило бы о нарушении мира и спокойствия...

И надо же – именно в это мгновение распахнулась дверь кабинета, и вошел не кто-нибудь, а личный секретарь мэра – в повседневном костюме!

Индбур, онемев от изумления, привстал. Чувство реальности покидало его с каждой минутой. Вторжение Миса, пропахший его дешевыми сигарами кабинет – это бы еще ничего, но секретарь, вошедший без доклада, без разрешения – это уже слишком!

Секретарь смиренно преклонил колено и склонил голову.

– Ну?! – рявкнул Индбур.

Секретарь, не отрывая взгляда от пола, пробормотал:

– Ваше Сиятельство, капитан Хэн Притчер, нарушив наш приказ, отправился вместо Хейвена на Калган. Он возвратился оттуда и во исполнение вашего приказа за номером Х20-513 помещен в тюрьму и ожидает наказания. Сопровождавшие его лица арестованы. Полный отчет составлен.

Индбур, вне себя от ярости, гаркнул:

– Отчет получен. Ну?!!

– Ваше Сиятельство, капитан Притчер вскользь упомянул при допросе об опасных намерениях нового диктатора Калгана. Возможность официального заслушивания ему не была предоставлена в соответствии с вашим приказом за номером Х20-651, но его сообщение было записано, и составлен полный отчет.

– Он получен! – завопил Индбур. – Ну?!!!

– Ваше Сиятельство, пятнадцать минут назад получено экстренное сообщение с Салиннианской границы. Калганские корабли вероломно вторглись на территорию Академии. Корабли вооружены. Произошло военное столкновение.

Секретарь склонился еще ниже к полу. Индбур окаменел. Мис приосанился, подошел к секретарю, потрепал его по плечу и сказал:

– Вот что, дружище, ты бы лучше пошел да сказал бы, где следует, чтобы капитана Притчера отпустили и прислали сюда. Ну, чего стоишь, давай пулей!

Секретарь попятился к двери. Когда она захлопнулась за ним, Мис обернулся к мэру.

– Поторопись, Индбур! Четыре месяца у тебя, понял?

Индбур не шевелился. Только указательный палец правой руки с бешеной скоростью выписывал на безукоризненно гладкой поверхности стола невидимые треугольники.

Глава шестнадцатая Конференция

Когда двадцать семь Независимых Торговых миров, дотоле объединенных единственным чувством – нелюбовью к своей исторической прародине – Академии, решили созвать всеобщую конференцию, возникла масса непредвиденных сложностей. Основной их причиной было то, что каждый из миров просто-таки распирало чувство национального самосознания, которое, естественно, было обратно пропорционально их размерам. Пришлось преодолеть полосу долгих предварительных переговоров, чтобы удовлетворить все мелочные претензии наиболее упорствующих сторон.

Несмотря на то что заранее были обсуждены такие вопросы, как процедура голосования, принцип представительства – от страны или в зависимости от количества населения, решен вопрос о председательстве за столом – будь то стол президиума или банкетный стол, самые жаркие дебаты разгорелись относительно места проведения конференции. Тут уж во всей красе дала себя знать непроходимая провинциальность... В результате долгих и упорных дипломатических уступок и ухищрений местом проведения конференции был избран Радол – прозорливые комментаторы, кстати говоря, еще в самом начале дебатов называли его как

наиболее вероятное место с точки зрения удобства его расположения.

Радол был невелик, а с точки зрения военного потенциала был чуть ли не самой слабой системой среди Независимых миров, что, кстати, в немалой степени повлияло на окончательное решение.

Радол был планетой с так называемой «терминаторной» цивилизацией. Миров такого типа в Галактике предостаточно, но среди них крайне мало населенных, поскольку жить там тяжело с чисто физической точки зрения. Одно из полушарий планет такого типа обречено на жуткий холод, другое – на страшную жару, и пригодная для жизни территория ограничена узкой полоской зоны сумерек – терминатором.

Тех, кто никогда не бывал на подобных планетах, приводила в дрожь сама мысль о возможности жить там. Однако следует учесть, что и такая планета может оказаться стратегической точкой. А Радол был как раз такой точкой.

Столица государства – город Радол ютился в мягких складках холмов, у подножия мрачных скалистых гор, защищавших его от пронизывающих ледяных ветров холодного полушария. Теплый сухой воздух теплого полушария согревал воздух, а с гор стекала река. В итоге возник своеобразный оазис – вечноцветущий сад, купающийся в вечноутренних лучах нескончаемого июня.

Каждый домик утопал в цветах и зелени. Каждый цветник являл собой шедевр садового искусства. Здесь росли самые экзотические цветы, составляющие важную статью экспорта – настолько важную, что были времена, когда Радол чуть было не стал миром скорее индустриальным, чем чисто торговым.

Так что без преувеличения можно сказать, что Радол был крошечным островком роскоши и блаженства на мертвой, ужасной планете – осколком Рая; это обстоятельство было последней каплей, склонившей чашу весов в его сторону...

Из двадцати шести остальных Торговых миров прибывали на Радол участники конференции – делегаты, их жены, секретари, журналисты, команды звездолетов... Население Радола почти удвоилось, и местным жителям пришлось потуже затянуть пояса – прибывшие ели и пили вволю и почти совсем не спали.

Как ни странно, не все из прибывших понимали, что в те дни Галактика уже была втянута в тихую, дремотную войну. Те же, кто понимал это, делились на три категории. Во-первых, было довольно много таких, кто знал совсем немного, но зато много болтал.

Молодой щеголь-звездолетчик с хейвенской кокардой на фуражке был как раз из таких. Загородившись бокалом с искрящимся вином, он украдкой ловил кокетливые взоры хорошенькой девицы из местных, сидевшей напротив. Он объявил:

– По пути сюда мы прорвались через зону военных действий. Что-то около световой минуты примерно мы летели по прямой недалеко от Хорлеггора.

– Хорлеггор? – вмешался молодой длинноногий радолец, игравший роль хозяина на вечеринке. – Это там, что ли, где Мулу задали хорошую трепку на прошлой неделе?

– Кто это вам сказал, что ему задали трепку? – хмыкнул звездолетчик.

– Передачу слышал. Радио Академии.

– Что вы говорите? А теперь послушайте, что я вам скажу: Мул захватил Хорлеггор, ясно? Мы чуть было не напоролась на его конвой – корабли летели от Хорлеггора. О какой такой трепке может идти речь, если они остались на месте сражения? Тот, кого потрепали, уж мне-то можете поверить, драпает во все лопатки!

Раздался тонкий, ленивый голосок кого-то из гостей:

– Это вы зря, юноша, зря... Просто старушка Академия, как обычно, пока помалкивает, и все. Вот увидите, она еще даст о себе знать. А тогда – бабах, и все!

– Как бы то ни было, – кисло усмехнулся звездолетчик после короткой паузы, – я своими глазами видел корабли Мула, и они весьма недурно выглядели, весьма недурно. Чисто между нами, по секрету – они новенькие, с иголочки!

– Новенькие? – лениво удивился радолец. – То есть они сами их построили, что ли?

– Хотите, чтобы я поверил, будто они разбили корабли Академии на своих жалких

самodelках? Слушайте, не надо дурака валять! Войны сами по себе не начинаются. А у нас и без войны дел – по горло. Без нас разберутся.

Обладатель писклявого голоса снова влез в разговор. Он был уже изрядно пьян.

– Погодите, старушка Академия еще себя покажет! Они будут спокойненько ждать до последнего момента, а потом – бабах, и все!

Он подмигнул девушке, но та брезгливо отодвинулась от него подальше.

– Может быть, старина, – продолжая жевать листок, продолжал радонец, – вам кажется, будто этот парень, Мул, хозяин положения? Не-е-ет! – покачал он указательным пальцем. – Как мне говорили, между нами – в самых высоких кругах, этот Мул – наш человек. Мы ему платим, так что – очень может быть, что и кораблики у него – наши. Давайте реально смотреть на вещи – могут быть наши. Конечно, по большому счету, с Академией ему не справиться. Но он может ее немножко пощекотать, а тут уж мы скажем свое слово!

– Клев, – капризно поджала губки девушка, – неужели больше говорить не о чем? Все война и война... Мне скучно!

Бравый звездолетчик, изо всех сил разыгрывая галантного кавалера, подхватил:

– И правда, давайте сменим пластинку! Заставлять девушек скучать – просто преступление!

Радонец подхватил последнюю фразу, как припев, и отстучал ногой ритм. Компания разбилась на пары, которые, смеясь и болтая, разошлись по укромным уголкам. Вскоре к ним присоединилась еще одна развеселая компания, с хохотом вывалившаяся в сад из солярия.

Разговор перешел на более общие темы, стал более оживленным и более бессмысленным.

...Во-вторых, среди тех, кто кое-что знал, были те, кто знал чуть-чуть побольше, а болтал поменьше.

Среди них был однорукий Фрэн – великан был официальным делегатом Хейвена. Жил он, естественно, на широкую ногу и заводил бесчисленные знакомства: с дамами – с удовольствием, а с мужчинами – по долгу службы.

На залитой солнцем лужайке у дома, стоявшего на вершине холма и принадлежавшего одному из его новых приятелей, он развалился в плетеном кресле, впервые отдыхая по-настоящему за время своего пребывания в Радоле. Первый из двух раз, если быть точным до конца. Его товарища звали Айво Лайон, он был добрейшим малым. Дом Айво стоял особняком, окруженный ароматом благоухающих растений и жужжанием насекомых. Лужайка представляла собой травянистый откос с наклоном под сорок пять градусов. Фрэн с полным блаженством загорал.

– Да... На Хейвене такого и в помине нет, – пробормотал он, не открывая глаз.

– Поглядел бы ты на холодное полушарие! В двадцати милях отсюда есть местечко, где кислород течет, как река!

– Ну да! Заливаешь!

– Клянусь!

– Ну, ладно, это еще что! А вот, представь себе, Айво, в те славные деньки, когда вторая рука моя была еще при мне, мотался я как-то, помню... Нет, ты просто не поверишь...

Даже последовал сногшибательный рассказ. И Айво, конечно, не поверил... После продолжительной паузы, он, позевывая, проговорил:

– Да... В наше время таких парней уже не сыщешь, это точно...

– Как пить дать, не сыщешь! То есть как это – не сыщешь? – неожиданно пробудился Фрэн. – Не смей так говорить, понял? Я тебе рассказывал про своего сына? Рассказывал? Он-то уж точно – парень старой закалки. Будет великим Торговцем, чтоб мне сквозь землю провалиться на этом месте! Не посрамит старика! Весь в меня! Только вот женился, дурак!

– То есть – зарегистрированный брак?

– Угу. Честно говоря, до сих пор не понимаю, зачем ему это понадобилось. Они улетели на Калган. Медовый месяц.

– Калган, Калган... На Калган?!! И давно?

Фрэн широко улыбнулся и многозначительно проговорил:

– А как раз перед тем, как Мул объявил войну Академии.

– Да что ты говоришь?

Фрэн кивнул и знаком попросил товарища пододвинуться поближе.

– Вообще-то, – прошептал он заговорщически, – я мог бы тебе кое-что рассказать, если только ты пообещаешь ни с кем не болтать об этом. Мой мальчик был послан на Калган с заданием. Тс-с-с... Пока мне не хотелось бы особо распространяться, с каким именно заданием, но если ты пошевелишь мозгами маленько, то сам догадаешься. Во всяком случае, мой мальчик, как никто другой, подходил для этого дела. Нам, Торговцам, нужен был именно такой смельчак, как он. И он сделал свое дело, – самодовольно улыбнулся Фрэн. – Не скажу, как именно, только – мой мальчик полетел на Калган, а Мул послал свои корабли против Академии. Понял? Мой мальчик!

Айво был потрясен до глубины души и отплатил Фрэну доверием:

– Это хорошо, Фрэн. Знаешь, говорят, у нас есть пятьсот кораблей, которые готовы вступить в бой по первому приказу.

Фрэн хвастливо уточнил:

– Даже побольше, пожалуй. Вот это – настоящая стратегия! Это мне по вкусу! Только не забывай, – добавил он, пошлепывая себя по животу, – Мул – он тоже не дурак. Про Хорлеггор слышал?

– Я слышал, будто он там потерял десять кораблей.

– Ага, но у него было еще сто, и Академии пришлось убратся подобру-поздорову. Для нас будет только хорошо, если он покажет этим выскочкам где раки зимуют, только вряд ли у него это скоро выйдет...

Он задумчиво покачал головой.

– Но вот вопрос... Откуда у Мула столько кораблей? – спросил Айво. – Поговаривают, будто кораблями его снабжаем мы.

– Мы? Торговцы? – загрохотал Фрэн. – Ну ты даешь! В Хейвене находятся самые крупные верфи, но мы сроду ни для кого, кроме самих себя, кораблей не делали! Неужели ты думаешь, что какой-нибудь мир станет тайком делать корабли для Мула без опаски быть втянутым в совместные военные действия? Чепуха!

– Ну хорошо, хорошо, а откуда же тогда он их берет-то?

Фрэн пожал плечами.

– Кто его знает? Может, сами делают. Мне это тоже покоя не дает.

Блаженно зажмурившись, Фрэн пошевелил ногами, пристроил их поудобнее на полированной подставке кресла-качалки... Вскоре он сладко заснул, и его богатырский храп слился с дружным жужжанием пчел и шмелей...

...И, наконец, были совсем немногие, которые знали гораздо больше и не болтали вообще.

Например – Ранду.

На пятый день работы Всеобщей Конференции Торговцев он вошел в Главный Зал, где у него была назначена встреча с двумя нужными людьми. Пятьсот кресел в зале пустовали – так и должно было быть.

Ранду обменялся рукопожатиями с коллегами, и еще не присев, быстро проговорил:

– На долю представляемых нами государств приходится около половины военного потенциала Независимых Торговых миров.

– Мы с коллегой уже отместили этот факт, – ответил Мангин из Исса.

– Я готов, – сказал Ранду, – к откровенной и конструктивной беседе. Я не собираюсь торговаться и болтать попусту. Наше положение серьезно ухудшилось.

– В результате... – подхватил Оваль Гри из Мнемона.

– В результате событий, происшедших в последний час. Давайте по порядку. Во-первых, ситуацию создаем не мы. Не мы ее, пожалуй, и контролируем. Как вы помните, вначале мы имели дело не с Мулом, а с другими – к примеру, с бывшим диктатором Калгана, которого Мул сверг в самое неподходящее для нас время.

– Да, но Мул – совсем неплохая замена, – сказал Мангин. – Я не хотел бы уточнять

детали.

– Можно было бы и не уточнять, если бы они были нам известны!

Ранду наклонился поближе к собеседникам и развел руками.

– Месяц назад я послал моего племянника и его супругу на Калган.

– Вашего племянника? – удивленно воскликнул Оваль Гри. – Я не предполагал, что он – ваш племянник!

– А зачем? – сухо поинтересовался Мангин. – Для этого, что ли? – Он описал указательным пальцем замкнутый круг над головой.

– Нет. Если вы имеете в виду объявление Мулом войны Академии – нет. Как я мог на это рассчитывать? Он ведь ничего не знал – ни о нашей организации, ни о ее целях. Ему было сказано, что я деятель средней руки в патриотическом обществе Хейвена, и на Калгане он должен был вести себя, как наблюдатель-любитель. То есть, как видите, цели у меня были весьма неопределенные. Меня интересовал Мул как странный, непонятный феномен. Но это все уже жевано-пережевано, и не хотелось бы на эту тему распространяться. Во-вторых, это путешествие могло оказаться не лишним и для его жены, у которой есть опыт общения с Академией и связь с тамошним подпольем и которая в этом плане могла бы быть для нас крайне полезна. Видите ли...

Длинное лицо Оваля еще больше вытянулось, усмешка обнажила по-лошадиному крупные зубы:

– Тогда, наверное, вы очень удивитесь, узнав, что сейчас среди Торговых миров вряд ли отыщется хоть один, где бы не болтали во всеуслышание, что ваш племянник похитил кого-то из подданных Мула, действуя от имени Академии, и дал Мулу повод для объявления войны. Черт подери, Ранду, вы витаете в облаках! Ни за что не поверю, что вы к этому руку не приложили. Поздравляю – сработано на славу!

Ранду печально покачал седой головой.

– Ничего подобного. Моего участия здесь нет. Равно как нет и участия моего племянника, который теперь сидит в тюрьме на Терминусе и может не дожить до того дня, когда все будет успешно завершено. Я только что получил от него сообщение. Через зону военных действий непостижимым образом была переправлена персональная капсула. Она попала в Хейвен, а оттуда – сюда. Целый месяц болталась неизвестно где.

– Ну и?

Ранду, потирая руки, грустно сообщил:

– Боюсь, что нам уготована та же роль, которая в свое время досталась диктатору Калгана. Мул – мутант!

После этих слов установилась гробовая тишина. Слышно было, как, стучат сердца. Примерно такой реакции Ранду и ожидал.

Однако когда Мангин подал голос, не было заметно, что он хоть сколько-нибудь взволнован.

– Откуда вы знаете?

– Со слов моего племянника. Повторяю – он был в Калгане.

– Какой именно мутант? Они бывают разные.

Ранду надоело сдерживать себя.

– Да! Разные! Какие угодно. А Мул – один! Какой еще мутант сумел бы начать карьеру, будучи никому не известным человеком, собрал бы армию, основал, как говорят, свою первую базу на астероиде площадью в пять миль, потом захватил бы планету, потом – целую систему, потом регион, а потом напал бы на Академию и побил бы их при Хорлеггоре? И все это – за два-три года!

Оваль Гри пожал плечами.

– И вы думаете, он одолеет Академию?

– Не знаю. А если да?

– Простите, но я – не романтик. Академию победить нельзя. Все-таки никаких новых фактов вы не сообщили, кроме свидетельств... ну, скажем прямо, малоопытного юноши.

Полагаю, нам нечего пока над этим головы ломать. Несмотря на все победы Мула, нас пока никто не тронул, а пока он нас не трогает, не вижу особых причин для беспокойства.

Ранду нахмурился. Он физически ощущал, как его все сильнее опутывают невидимые нити безнадежности. Он спросил у обоих:

– Удалось ли нам войти с Мулом в непосредственный контакт?

– Нет, – дружно ответили собеседники.

– Не удалось, хотя мы пытались, не правда ли? Разве не правда, что наша встреча здесь не будет гроша ломаного стоить, если нам не удастся войти с ним в контакт? Разве не правда, что до сих пор тут пока больше выпивают, чем думают, и больше отдыхают, чем делают – это, кстати, цитата из последнего номера «Радол трибьюн». А все потому, что мы не можем связаться с Мулом. Господа, у нас почти тысяча кораблей, готовых броситься в битву по первому приказу, чтобы одолеть Академию. Я считаю, что положение нужно коренным образом изменить. Корабли должны быть готовы к другому. Они должны быть повернуты против Мула.

– То есть как? Воевать за этого тирана Индбура и прочих кровопийц из Академии? – с плохо скрытой яростью спросил Мангин.

– Давайте уточним, – взмахнул рукой Ранду. – Я сказал: против Мула, а за кого – неважно!

Поднялся Оваль Гри.

– Ранду, в этом деле я вам – не помощник. Изложите все, когда вечером соберется весь Совет, если вам не терпится совершить политическое самоубийство.

Не сказав больше ни слова, он удалился. За ним молча последовал Мангин. Ранду остался один и целый час перебирал в уме возможные варианты.

Вечером на Совете он не сказал ни слова...

А на следующее утро в комнату Ранду ввалился Оваль Гри, одетый как попало, небритый, непричесанный.

Ранду сидел за еще не прибранным после завтрака столом. Он взглянул на Оваля с искренним удивлением. Даже трубку выронил.

Оваль хрипло выкрикнул:

– Ночью бомбардирован Мнемон! Вероломное нападение!

Глаза Ранду сузились.

– Академия?

– Мул! – рявкнул Оваль. – Мул! Без причины, вероломно! – кричал он, размахивая руками. – Большая часть нашего флота присоединилась к объединенной флотилии. Небольшого числа кораблей, оставшихся на планете, было недостаточно. Они уничтожены! Враги пока не высадились. Может быть, и не высадятся, сообщают, что половина вражеских кораблей уничтожена. Но это – война, и я пришел спросить у вас, как на все это смотрит Хейвен.

– Полагаю, что Хейвен на это смотрит с точки зрения выполнения Федеративной Хартии. Вот видите? Вот он и на нас напал.

– Этот Мул – безумец! Разве ему под силу захватить Вселенную?

Оваль подбежал и схватил Ранду за руку.

– Наши, те немногие, кто выжил после битвы, сообщают, что у Мула есть новое оружие. Депрессор ядерного поля!

– Как?!

– Большинство наших кораблей погибло, – продолжал Оваль Гри, – поскольку были лишены возможности применить ядерное оружие. Несчастные случаи и саботаж исключены. Это все – оружие Мула. Оно, видимо, еще недоработано. Эффект был неполным. Была кое-какая возможность его нейтрализовать – у меня пока нет полной информации. Но вы должны понять, что такое оружие в корне меняет картину войны, и может случиться так, что весь наш флот окажется абсолютно беспомощным.

На Ранду навалилась страшная слабость.

– Боюсь, – проговорил он безнадежно, – что родился монстр, который пожрет нас всех. И

все-таки мы должны с ним сразиться!

Глава семнадцатая Видеосонор

Дом Эблинга Миса, расположенный не в самом фешенебельном районе Терминуса, был хорошо известен в кругах интеллигенции, литераторов и вообще всей мало-мальски читающей публике в Академии. Отношение к месту обитания старого чудака зависело от того, кто какими источниками информации пользовался. Для кропотливого биографа оно было «символом ухода от реальности», для того, кто по вечерам пробегал взглядом колонки новостей – «логовом, в котором царил типично холостяцкий беспорядок». Один доктор философии из Университета отметил, что в доме «прекрасная библиотека, но книги расставлены без всякой системы», а приятель Миса, далекий от университетских кругов, заметил, что там «всегда найдется, что выпить, и можно без стеснения забраться с ногами на диван». Наконец, в телевизионных сплетнях было сказано о «полуразвалившейся, угрюмой обители известного грубияна, полоумного Эблинга Миса».

У Байты была возможность взглянуть на дом Миса своими глазами. Кроме беспорядка, ничего особенного она не заметила.

За исключением первых дней ее арест не вызвал у нее особых эмоций, кроме, пожалуй, легкого неудобства. Сейчас ей даже казалось, что перенести те дни было намного легче, чем это получасовое ожидание в доме психолога. Ей чудилось, что за ней и тут следили. По крайней мере, в тюрьме хоть Торан был рядом...

Возможно, она чувствовала бы себя более свободно, если б не Магнифико, – он совсем повесил нос и был гораздо более удручен, чем она.

Магнифико сидел в углу дивана, подтянув колени к подбородку и сжавшись в комочек, будто хотел стать невидимым.

Байта протянула руку и погладила его по голове, Магнифико вздрогнул и криво улыбнулся.

– О, моя госпожа, простите меня. Мне порой кажется, что до сих пор мое тело не ждет от чужой руки ничего, кроме удара.

– Не бойся, Магнифико. Я с тобой, и никому не позволю ударить тебя.

Взгляд паяца немного оттаял, но он тут же отвел его в сторону.

– Но ведь они держали меня отдельно от вас и от вашего доброго супруга – и даю вам слово, только не смейтесь надо мной, но, правда, мне было одиноко без вас!

– Я не буду смеяться. Я тоже скучала по тебе.

Лицо паяца просветлело. Он еще крепче обхватил колени и осторожно спросил:

– А вы знакомы с тем господином, который назначил нам встречу?

– Лично – нет. Но он очень знаменит. Я видела его по телевизору. По-моему, он хороший человек, Магнифико, и не сделает нам ничего дурного.

– Правда?

Паяц беспокойно заерзал на диване.

– Может быть, и так, моя госпожа, но только он уже говорил со мной, и меня немного напугали его манеры – он говорит очень громко, машет руками и фразы до конца не договаривает. И произносит так много непонятных слов, что порой я просто немел от испуга и не мог ни слова сказать в ответ. Как будто сердце стояло в горле!

– Ну, теперь все будет иначе. Нас двое, а он один, а уж нас двоих ему не удастся напугать, правда же?

– Н-нет, моя госпожа...

Как раз в этот момент хлопнула входная дверь, и по дому разнеслись раскаты громоподобного голоса. Где-то совсем рядом раздался вопль:

– А ну-ка, выметайтесь отсюда к чертовой бабушке! И чтобы я вас тут больше не видел!

В окно было видно, как во двор тут же стремглав выбежали двое гвардейцев.

Бормоча под нос проклятия, Эблинг Мис вошел в комнату, швырнул на стол аккуратно перевязанный сверток, подошел к Байте и протянул руку для приветствия. Байта ответила твердым, мужским пожатием. Мис рассеянно встряхнул ее руку, глядя при этом на паяца, но все-таки обернулся и задержал взгляд на девушке.

– Замужем?

– Да. Официально.

Помолчав, Мис неожиданно поинтересовался:

– Счастливы?

– Пока – да.

Мис пожал плечами, выпустил руку Байты и повернулся к Магнифико.

– Знаешь, что это такое, малыш?

Магнифико неуклюже соскользнул с дивана и принял из рук ученого инструмент со множеством клавиш. Пробежал пальцами по клавиатуре, положил инструмент на стол и совершенно неожиданно сделал виртуознейшее сальто назад, нанеся ущерб окружающей мебели. И воскликнул:

– Это – видеосонор – такой прекрасный, что его звуки способны мертвого из гроба поднять!

Длинные пальцы Магнифико мягко и быстро касались клавиш. Он нажимал одну клавишу за другой, и в воздухе, казалось, возникали расплывчатые очертания великолепных, благоухающих розовых кустов...

Эблинг Мис довольно потер руки.

– Отлично, малыш! Ты ведь говорил, что умеешь обращаться с такими игрушками, вот тебе и подарочек! Только, наверное, штуковину надо настроить – она из музея.

И добавил, обернувшись к Байте:

– Насколько я знаю, в Академии ни один, извиняюсь за выражение, болван до сих пор не мог из этой штуки ни звука извлечь.

Наклонившись к самому уху Байты, Мис прошептал:

– Паяц не будет говорить без вас. Поможете?

Байта кивнула.

– Замечательно! – обрадовался Мис. – Он страшно закомплексован – всего боится. Психотеста его психика может не выдержать. Чтобы он разговорился, он должен чувствовать себя в полной безопасности. Понимаете?

Байта снова кивнула.

– Этот видосонор – неплохой ключик к его душе. Он говорил мне, что умеет на нем играть. Видите, как радуется? Видимо, для него это одно из самых больших удовольствий в жизни. Поэтому, как бы он ни сыграл – плохо или хорошо, делайте вид, что вы – в восторге. И если вам не трудно, постарайтесь продемонстрировать дружеское расположение ко мне. Постарайтесь помочь мне!

Он бросил быстрый взгляд на Магнифико, который, присев на краешек дивана, ловко настраивал инструмент. Казалось, он был всецело поглощен этим занятием.

Заговорщически подмигнув Байте, Мис громко спросил:

– А вы когда-нибудь слушали видеосонор?

– Только один раз, – дружелюбно отозвалась Байта, – На концерте старинных инструментов. Честно говоря, не очень понравилось.

– Наверное, исполнитель был неважный. Хороших мало осталось. Теперь вообще мало кто в чем-то хорошо разбирается, в музыке в том числе. При игре на этом инструменте не так нужны чисто физические усилия, как при игре на фортепиано, к примеру, – тут дело в определенном складе психики и подвижности воображения.

И добавил шепотом:

– Вот почему наш малютка может оказаться гораздо лучше, чем мы можем предполагать. Чаще всего, между прочим, хорошие музыканты – именно сумасшедшие. Очень интересно с точки зрения психологии!

Вернувшись к игре в непринужденную беседу, он сказал громче:

– Знаете, как работает эта несуразная штукавина? Я в ней пытался покопаться, но выяснил только одно: ее вибрации действуют непосредственно на зрительный центр мозга, не затрагивая зрительных нервов. Задействуются чувства, в обычной жизни не проявляющиеся. Потрясающе, если подумать! То, что воспринимается на слух – более или менее обычно: барабанная перепонка, улитка, молоточек, всякое такое. Ага! Тс-с-с... Он готов. Выключите свет, будьте добры. В темноте будет лучше слушать. И смотреть...

Байта щелкнула выключателем. В темноте фигура Магнифико выглядела бесформенным, расплывчатым пятном. Эблинг Мис же – темной, тяжело, с присвистом дышащей массой. Байта изо всех сил напрягала зрение, но, как ни старалась, поначалу ничего не видела. Но вот в воздухе возникла тонкая вибрирующая полоска света. Она становилась то уже, то шире, то взлетала к потолку, то опускалась к полу, снова поднималась и падала, сужалась, расширялась и наконец с треском разорвалась на части, как тонкая занавеска от удара молнии.

Вместо нее в воздухе возникла маленькая, ритмично пульсирующая, непрерывно меняющая цвет сфера – и распалась на бесформенные разноцветные капельки, непрерывно меняющие высоту и направление полета. Байта начала что-то смутно ощущать.

Она обратила внимание на то, что цвета становятся ярче, если прикрыть глаза, и что каждому тончайшему оттенку звука соответствует столь же неуловимая смена цвета, что точно назвать все цвета и оттенки она не может и что капельки на самом деле – вовсе не капельки, а крошечные фигурки...

Да, крошечные фигурки, маленькие язычки пламени, танцующие и сияющие – неисчислимое множество! Они появлялись ниоткуда и исчезали в никуда, сталкивались друг с другом и меняли цвет.

Первое сравнение, которое пришло Байте на ум, – мелкие цветные пятнышки, мелькающие перед глазами, когда крепко-крепко сожмешь веки и сверкающие точки начинают танцевать безумную польку, образуя пересекающиеся концентрические круги, которые объединяются в странно очерченные фигуры и тут же исчезают. Сейчас было что-то в этом духе, только крупнее, разнообразнее, и каждая светящаяся точка была крошечной фигуркой.

Вот они устремились прямо к ней, разделившись на пары... В неосознанном порыве Байта заслонила руками, и они отступили. На краткий миг она ощутила себя в самом центре вихря сверкающей, искрящейся метели – холодный свет стекал по ее плечам, рукам сияющей лавиной, готовый оторвать онемевшие пальцы – и вновь собрался в воздухе в блестящий шар. А где-то в запредельном пространстве слышался звук множества инструментов – он тек прозрачными ручейками и был неотделим от игры света и красок...

Ей было страшно интересно – видит ли Эблинг Мис то же самое, а если нет – то что он видит? Потом и интерес пропал, а потом...

Она стала снова смотреть. Крошечные фигурки – были ли это на самом деле фигурки, или ей только казалось? – маленькие стройные танцовщицы с огненными волосами, изгибающиеся и кружащиеся так быстро, что разум отказывался за ними уследить – объединялись в хороводы в форме звездочек. Звездочки вращались, и в музыке слышался тихий звонкий девичий смех. Байта отчетливо слышала его внутри себя!

Звездочки приближались друг к другу, вспыхивали при столкновении, постепенно преобразаясь в какую-то большую фигуру. Вот ее очертания стали более четкими, и от пола до потолка стал расти великолепный дворец. Каждый кирпичик – разного цвета, все они сияли по-своему, переливаясь всеми цветами радуги, увлекая взгляд выше, выше – туда, где сверкали драгоценными камнями двадцать стройных минаретов...

Над дворцом кружился в воздухе волшебный летающий ковер. Он сворачивался, разворачивался и наконец вытянулся в тончайшую паутину, затянувшую все видимое пространство причудливой прозрачной сетью. От него струились во все стороны лучи – они разветвлялись, превращаясь в прекрасные деревья, в ветвях которых начинала звучать их собственная мелодия.

Байта была просто зачарована. Музыка окружала ее теплым облаком, касалась кожи

ласковыми движениями. Инстинктивно она потянулась вперед, чтобы коснуться ветви хрупкого деревца, – и лепестки цветов опали и посыпались на пол, сверкая и издавая мелодичный звон.

Двадцать цимбал звенели одновременно. Пространство перед Байтой преобразилось в огненный поток, который стек по невидимым ступеням к ней на колени... Там сверкающий огнепад распался и потек к ее ногам золотистыми струйками. Огненные брызги взлетали, касаясь талии и груди. Над ее коленями встала сказочная радуга, а на ней – крошечные фигурки!

Дворец и сад, крошечные дамы и кавалеры на радужном мосту, который тянулся насколько хватало глаз, плыл по волнам музыки, которая звучала везде – снаружи и внутри нее...

И потом – внезапная тишина, резкое, испуганное движение Магнифико... Цвета поблекли, фигурки собрались в шар, шар сморщился, взлетел к потолку и... исчез!

Стало темно.

Тяжелая нога Миса нащупала педаль, нажала на нее – раскрылись занавески, и комнату залил свет – обычный, будничный солнечный свет. Байта заморгала, и из ее глаз хлынули слезы отчаяния и тоски по тому, что было и так безжалостно исчезло... Эблинг Мис сидел не шевелясь, широко раскрыв рот и глаза.

Магнифико же прижимал к груди видеосонор, лаская его, как любимое дитя.

– Моя госпожа, – выдохнул он. – И правда, этот инструмент – волшебный. Не опишешь словами все тонкости музыки и цвета, которые он способен произвести. Когда я играю на нем, я чувствую себя немножко волшебником. Вам понравилось мое сочинение, моя госпожа?

– Это ты... сам сочинил? – утирая слезы, проговорила Байта.

В ответ Магнифико густо покраснел – от ушей до кончика длинного носа.

– Сам, сам, моя госпожа! Мулу оно не очень нравилось, но я часто играл эту пьесу для себя. Когда-то, давным-давно, в юности, я видел такой дворец – огромный, украшенный драгоценными камнями. Издалека, во время пышного карнавала. Там были люди – высокородные особы, прекрасные, роскошно одетые – таких я не видал даже тогда, когда служил у Мула. То, что мне удалось изобразить – не более чем жалкое подобие того великолепия, что я видел тогда. Видно, ум и воображение мои жалки и ничтожны. А называется мое сочинение «Воспоминание о Рае».

Мис наконец очнулся и прервал объяснения паяца.

– Послушай, – проговорил он, тяжело дыша, – послушай, Магнифико, а ты мог бы что-нибудь в таком роде сыграть перед публикой?

Паяц испуганно замахал руками.

– Перед публикой? – прошептал он.

– Для тысяч зрителей! – воскликнул Мис. – Для многих тысяч, в самых грандиозных залах Академии! Разве тебе не хочется стать хозяином своей судьбы, человеком, которого бы слушали, которому поклонялись бы другие люди? Ты мог бы стать богатым, уважаемым... и... – он не мог подобрать нужных слов, – и всякое такое. Ну? Что скажешь?

– Как же я могу всего этого достичь, великий господин? Ведь я всего-навсего нищий паяц, которому недоступны сокровища мира больших людей!

Психолог хмыкнул, потер бровь и сказал:

– Твоя музыка сделает все за тебя. Ты завоеешь весь мир, если сыграешь вот так, как сейчас, для нашего мэра и его сановников. Ну, решайся!

Паяц украдкой взглянул на Байту.

– А она... останется со мной?

Байта рассмеялась.

– Конечно, глупыш! Неужели я откажусь от тебя, когда у тебя впереди такое будущее – богатство и слава!

– Все это я готов бросить к вашим ногам, моя госпожа, – серьезно ответил Магнифико. – Только... всех сокровищ Вселенной будет мало, чтобы я мог отплатить вам за вашу доброту.

– Только вот... – осторожно вмешался Мис, – не согласишься ли ты сначала оказать мне

небольшую услугу?

– Какую услугу, господин?

Психолог помолчал, улыбнулся.

– Маленький тест такой – совсем не больно!

В глазах Магнифико загорелся смертельный ужас.

– Только не тест! Я видел, как это делается! Он выворачивает у человека все мозги, так что пустой череп остается. Мул делал такой тест изменникам, а потом отпускал их, и они скитались по улицам, как безумные, пока кто-нибудь из жалости не приканчивал их!

Он заслонился от Миса рукой.

– Ты говоришь о психотесте, – спокойно уговаривал его Мис. – Но даже он наносит человеку вред только тогда, когда его неправильно делают. Я хочу сделать другой тест – поверхностный, от которого не бывает вреда даже младенцу.

– Это правда, Магнифико, – пришла Мису на помощь Байта. – Это нужно только для того чтобы помочь нам победить Мула, чтобы он ушел далеко-далеко и никогда больше не приходил. А после этого ты и я будем знаменитыми и богатыми всю свою жизнь. Магнифико протянул ей дрожащую руку.

– Только держите меня за руку, моя госпожа. Байта сжала его руку в ладонях, а паяц с испугом наблюдал, как Мис готовит все необходимое для проведения теста...

Эблинг Мис развалился в самом роскошном кресле в собственном доме мэра Индбура, по своему обыкновению не выказывая ни малейшей признательности за оказанную ему честь, и лениво наблюдал, как мэр-коротышка беспокойно ерзает на месте, недружелюбно поглядывая на него. Мис отбросил сигару и сплюнул на пол остатки табака.

– Кстати, если хочешь, чтобы следующий концерт в Мэллоу-Холле прошел со сногшибательным успехом, Индбур, – сказал он небрежно, – можешь сказать своим дергунчикам, чтобы они выбросили к чертям собачьим, извиняюсь за выражение, все эти ваши электронные штучки-дрючки, и наш уродец сыграет нечто потрясающее на видеосоноре. Индбур, если ты хоть что-нибудь понимаешь в музыке, это – неземное зрелище!

Индбур капризно поморщился.

– Я вас сюда, между прочим, пригласил не для того, чтобы вы мне лекции по музыке читали. Что насчет Мула? Я от вас этого жду. Что насчет Мула?

– Ах насчет Мула? Скажу. Я провел поверхностный тест и мало чего добился. О психотесте речи быть не могло – уродец до смерти боится его, и его страх закрывает его треклятое подсознание. Но кое-что я все таки выудил, и скажу тебе, как только ты перестанешь так противно стучать когтями.

Индбур задохнулся от возмущения, но стучать перестал.

– Так вот. Все разговоры о потрясающей физической силе Мула – болтовня собачья. Может быть, он и правда – не слабак, но впечатление о нем нашего бедняги-паяца затуманено его собственными страшными воспоминаниями. Он носит странные очки, его глаза якобы способны убивать. Это означает, что велика его психическая, а не физическая мощь.

– Это все мы знали и вначале, – кисло прокомментировал мэр.

– Следовательно, тест подтвердил то, что мы знали. А сейчас я занимаюсь математической обработкой результатов.

– Да? И сколько же времени вам на это понадобится? Признаться, я порядком устал от вашей бестолковой болтовни.

– Понадобится примерно месяц или что-то около того, и тогда я сообщу тебе нечто более определенное. А может, и не сообщу. Какое это все имеет значение? Если это выходит за рамки Плана Селдона, то шансов у нас – кот наплакал!

Индбур одарил психолога ненавидящим взглядом.

– Ну, вот вы себя и выдали, изменник! Хватит лгать! Попробуйте-ка, докажите, что вы не один из этих новоявленных болтунов, которые распространяют пораженческие настроения и панику в Академии и не дают мне работать!

– Я? Я? – Мис медленно, но верно закипал.

Индбур орал во всю глотку:

– Академия победит, клянусь всем святым! Академия должна победить!

– Несмотря на поражение при Хорлеггоре?

– Это было не поражение! Вы и эту сплетню подхватили и распространяете? Просто нас там было мало и нас предали...

– Кто?

– Кто? Да демократы вшивые, вот кто! – брызгал слюной Индбур. – Я давно уже догадывался, что флот кишмя кишит демократами! Большинство из них нам удалось выкинуть оттуда, но их там осталось еще достаточно для того, чтобы двадцать кораблей без видимой причины сдались в плен в самом разгаре схватки. Вот и возникло впечатление поражения. И поэтому я спрашиваю вас, наглец, выдающий себя за патриота, ходячее воплощение добродетелей, каковы ваши связи с демократами?!

Эблинг Мис пожал плечами.

– Совсем с ума сошел. Что ты можешь знать? Ты мне лучше скажи-ка, почему мы отступаем, почему мы отдали врагу половину Сивенны? А? Опять демократы?

– Нет. Не демократы, – хитро усмехнулся мэр. – Да, отступаем! Академия всегда отступала, если на нее нападали, но только до тех пор, пока триумфальный марш истории не начинал звучать для нас. Я уже вижу исход войны! Так называемое «демократическое подполье» уже понашлепало манифестов, где предлагает свою поддержку и присягает на верность правительству. Но это шантаж, прикрытие тайной измены. Только я сумею обернуть их пропаганду в свою пользу, каковы бы ни были истинные планы предателей. Я сделаю даже больше этого...

– Неужели? Даже больше, Индбур?

– А вот посмотрите: два дня назад пресловутая «Ассоциация Независимых Торговцев» объявила войну Мулу, и флот Академии разом увеличился на тысячу кораблей. Так что – Мул себя переоценивает. Он-то думает, что мы разделены, ссоримся друг с другом, а на самом деле перед лицом общей опасности мы объединяемся и становимся сильнее. Он должен проиграть! Это неизбежно – как всегда.

Мис иронично поглядывал на мэра.

– Ты мне еще скажи, Индбур, что Селдон запланировал даже такую непредсказуемую вещь, как случайное появление мутанта!

– Мутанта? А кто сказал, что он – мутант? Кто – кроме капитана-мятежника, двоих чужеземных сопляков и этого вашего уродца-паяца? Вы забываете о самой важной точке зрения – вашей собственной!

– Моей собственной? – совершенно неподдельно удивился Мис.

– Вот именно! Вашей собственной! – злорадно проговорил мэр. – Через девять недель открывается Склеп. Что из этого следует? По какому поводу он открывается? Вот-вот, по поводу кризиса. Если нападение Мула – не кризис, где же настоящий, по поводу которого открывается Склеп? Отвечайте, ну!

Психолог пожал плечами.

– Ладно. Если тебе так хочется... Только сделай мне одолжение. Если старина Селдон действительно произнесет речь и дело окажется плохо, будет мне позволено присутствовать на Торжественном Открытии?

– Хорошо, – процедил Индбур. – А теперь убирайтесь. И не попадайтесь мне на глаза девять недель!

– С превеликим удовольствием, ваше тусклейшее сиятельство! – пробормотал Мис себе под нос, уходя.

Глава восемнадцатая Поражение академии

Атмосфера в Склепе была странная – что-то было не так, а что именно – непонятно. Не то чтобы заброшенность или запустение – нет, помещение было хорошо проветрено и освещено, стены отбрасывали мягкий рассеянный свет. Как прежде, стояли ряды удобных кресел, поставленных здесь, казалось, на вечные времена. Ни снаружи, ни внутри Склеп не производил впечатления архаичной постройки – три столетия как будто прошли без следа. А вот ничего вроде благоговения и трепета не было и в помине – приглашения были разосланы самые что ни на есть скромные и будничные – еще немного, и вся церемония отдавала бы равнодушием.

Однако, несмотря на это, что-то неуловимо торжественное все-таки сохранилось. Наверное, это был стеклянный куб, занимавший почти половину помещения Склепа, привлекавший к себе внимание хотя бы своими колоссальными размерами. Четырежды за три столетия живая копия покойного Гэри Селдона появлялась там и говорила... Дважды он говорил, когда в Склепе не было ни души...

Старик пронес свой образ через три столетия, через девять поколений. Он, свидетель величайшего расцвета Империи, до сих пор знал о происходящем в Галактике больше, чем его пра-пра-правнуки.

Куб был пуст.

Первым в Склеп прибыл мэр Индбур Ш на парадном автомобиле, с трудом пробившемся по запруженным взволнованной толпой улицам. С ним вместе прибыло его собственное кресло – оно было выше и просторнее тех, что стояли в Склепе. Кресло поставили перед остальными, так что Индбур возвышался над всеми, а над ним – только стеклянный куб.

Раздувшийся от важности чиновник низко поклонился мэру, церемонно взмахнул рукой.

– Ваше Сиятельство, для самой широкой трансляции вашего заявления вечером все готово.

– Хорошо. А пока пусть продолжается межпланетная трансляция церемонии открытия Склепа. Никаких, конечно, критических выступлений и вообще никаких мыслей по этому поводу. Реакция населения по-прежнему одобрительная?

– Ваше Сиятельство, весьма одобрительная! Злобных нападок становится все меньше. Доверие к правительству растет.

– Прекрасно.

Индбур жестом отослал чиновника и поправил яркий шейный платок.

До полудня оставалось двадцать минут.

По одному и парами входили избранные – опора правительства, тузы торговых организаций. Напыщенность и торжественность их представления зависела от величины их капитала и от того, насколько к ним благоволил мэр. Каждый из них кланялся ему, получал в ответ два-три благосклонных словечка и садился в предназначенное для него кресло.

Откуда ни возьмись, на редкость невзрачный на фоне высшего света Академии, появился хейвенец Ранду и пробрался, не будучи представленным, к креслу мэра.

– Ваше Сиятельство, – пробормотал он, кланяясь.

Индбур недовольно нахмурился.

– Вам не была назначена аудиенция!

– Ваше Сиятельство, я ожидаю ее уже целую неделю.

– Сожалею, однако государственные дела, связанные с открытием Склепа Селдона...

– Ваше Сиятельство, я тоже сожалею, но прошу вас отменить ваш приказ относительно того, чтобы корабли, переданные Независимыми Торговцами, были распределены между подразделениями Флота Академии.

Индбур, раздраженный тем, что был прерван на полуслове, покраснел.

– Сейчас не время для обсуждения подобных вопросов.

– Ваше Сиятельство, это единственное время, когда это возможно обсудить, – мягко прошептал Ранду. – Как представитель Независимых Торговых миров, я заявляю вам, что такой приказ не может быть выполнен. Он должен быть отменен до того, как Селдон решит за нас наши проблемы. Если мы упустим время, потом будет слишком поздно вести мирные переговоры, и наше сотрудничество попросту распадется.

Индбур смерил Ранду ледяным взглядом.

– Вы отдаете себе отчет в том, что я – Главнокомандующий Вооруженных Сил Академии? Имею я право определять военную политику своего государства или не имею?

– Ваше Сиятельство, имеете, но кое-какие действия представляются нецелесообразными.

– Не вижу никакой нецелесообразности. Мне как раз представляется опасным позволять вашим кораблям расщепить Флот Академии в теперешней экстренной ситуации. Раздельные действия – на руку врагу. Мы должны действовать сообща, посол, как с военной, так и с политической точки зрения.

У Ранду пересохло в горле. Он, опутив официальное обращение, выпалил:

– Конечно, сейчас вы чувствуете себя в безопасности, полагая, что Селдон все решит за вас, и позволяете себе выступать против нас. Месяц назад вы были сговорчивее, когда наши корабли разбили Мула при Тереле. Позволю себе напомнить вам, сэр, что корабли Академии пять раз проиграли в открытых боях и что не кто иной, как Флот Независимых Торговых миров одержал все ваши победы.

Индбур угрожающе нахмурился.

– Ваше дальнейшее присутствие на Терминусе нежелательно, посол. Вы будете официально отосланы сегодня вечером. Кроме того, сейчас мы занимаемся расследованием ваших преступных связей с подпольными демократическими силами на Терминусе. И мы продолжим расследование.

– Как только я буду отослан, вместе со мной уйдут и наши корабли. Я понятия не имею о ваших демократах. Зато мне известно, что ваши корабли сдались Мулу в результате измены высшего командного состава, а никак не простых солдат – не знаю, кто они – демократы или кто еще. Повторяю: двадцать кораблей флота Академии сдались Мулу при Хорлеггоре по приказу контр-адмирала – целые и невредимые. Контр-адмирал был вашим ближайшим приспешником – это он председательствовал в трибунале, когда здесь судили моего племянника, как только он вернулся с Калгана. Это не единственный случай, известный нам, и мы не собираемся рисковать своими людьми и кораблями ради потенциальных изменников!

– Вы будете арестованы, как только выйдете отсюда! – прошипел Индбур.

Ранду отошел в сторону, сопровождаемый ледяными взорами придворной камарильи.

До полудня оставалось десять минут!

Байта и Торан уже прибыли. Они приподнялись с кресел в последнем ряду и помахали Ранду.

– Ну, и вы здесь! Как вам это удалось?

– Нашим дипломатом был Магнифико, – усмехнулся Торан. – Его Сиятельство изволили пожелать, чтобы он сочинил нечто торжественное на тему открытия Склепа Селдона – для видеосонора, причем в главной роли, естественно, – Его Сиятельство. А Магнифико наотрез отказался идти сюда без нас. Ему не смогли отказать. Эблинг Мис тоже здесь, по крайней мере, – был здесь. Бродит где-то, видимо.

Торан спросил, заметно волнуясь:

– Дядя, что-нибудь произошло? Ты что-то неважно выглядишь.

Ранду кивнул.

– Наверное, неважно. Дела плохи, Торан. Боюсь, как только они разделаются с Мулом, тут же примутся за нас.

Неожиданно перед ними возник высокий мужчина в белом костюме и поклонился, прищелкнув каблуками. Байта просияла и протянула ему руку.

– Капитан Притчер! А я думала, вы воюете! Капитан пожал ее руку и склонился ниже.

– Что вы! Я так понимаю, это доктор Мис постарался, чтобы я попал сюда, но, увы, это временное послабление. Завтра возвращаюсь под домашний арест. Который час?

Было без трех минут двенадцать.

Магнифико являл собой зрелище крайней растерянности и удрученности. Он скрючился в кресле, как обычно, стараясь спрятаться от посторонних глаз. Сморщив длинный нос, он испуганно стрелял во все стороны темными глазами из-под полуприкрытых век.

Схватив Байту за руку, он прошептал ей на ухо:

– Как вам кажется, моя госпожа, все эти высокопоставленные люди были в зале, когда я играл на видеосоноре?

– Все были, я просто уверена, – подбодрила его Байта и ласково погладила его руку. – И еще я уверена, что они считают тебя самым прекрасным музыкантом в Галактике. Думаю, твой концерт – самое удивительное зрелище из всех, что им доводилось когда-либо видеть и слышать. Поэтому перестань бояться, выпрямись, сядь как следует. Мы гордимся тобой.

Он вяло улыбнулся в ответ на ее комплименты и неуклюже вытянул ноги.

Пробило полдень!

И стеклянный куб ожил!

Вряд ли кто-нибудь точно заметил, когда это произошло. Только что в кубе было пусто, и вот...

Внутри куба возникла фигура человека в инвалидном кресле. Фигура старика, лицо которого избороздили бесчисленные мелкие морщинки. Его ярко-голубые глаза сияли живым, молодым светом. Было полное впечатление, что он такой же живой, как и все, кто собрался в Склепе. На коленях у него лежала книга, Послышался мягкий, тихий голос:

– Я – Гэри Селдон!

Голос звучал в гробовой тишине.

– Я – Гэри Селдон. Я не знаю, присутствует ли здесь кто-нибудь, не могу даже догадываться об этом. Но это и не важно. Пока у меня нет оснований опасаться за провал моего Плана. Процент вероятности его успешного выполнения за первые триста лет составляет девяносто четыре и две десятых.

Он замолчал, улыбнулся и дружелюбно добавил:

– Кстати, если кто-то из присутствующих стоит, может присесть. Если кто-то желает закурить, я не против. Можете не церемониться, меня как бы здесь по-настоящему нет.

А теперь давайте рассмотрим положение дел на сегодняшний день. Сейчас впервые Академия столкнулась, или только начинает сталкиваться, с такой проблемой, как гражданская война. До сих пор все атаки извне успешно отражались, и это было неизбежно по законам психоистории. Теперешняя атака осуществляется со стороны чересчур независимых внешних групп населения Академии по отношению к чересчур авторитарному внутреннему правительству. Это необходимо, и результат очевиден.

Помпезность высокородной аудитории заметно поколебалась, Индбур привстал в кресле.

Байта встревоженно подалась вперед. О чем говорит великий Селдон? Она так разволновалась, что пропустила несколько слов.

– ...чтобы прийти к компромиссу. Это необходимо по двум причинам. Бунт Независимых Торговцев привносит элемент очередного недоверия к правительству, которое, по всей видимости, стало слишком переоценивать себя. Снова возродился дух противоречия. Несмотря на репрессии, всплеск демократического движения...

Послышались возмущенные голоса. Сначала перешептывались, потом стали переговариваться вес громче – люди были взволнованы, испуганы.

Байта шепнула Торану:

– Почему он не говорит ни слова о Муле? Какой бунт? Торговцы не восстали!

Торан пожал плечами.

Голос Селдона спокойно звучал поверх шума возмущенной аудитории:

– ...новое, более сильное коалиционное правительство стало необходимым и позитивным итогом логично разразившейся гражданской войны в Академии. Теперь на пути экспансии Академии стоят только остатки старой Империи, но с ними, по крайней мере, в течение нескольких ближайших лет проблем не будет. Безусловно, я не вправе раскрывать перед вами суть следующей проб...

Голос Селдона пропал, утонув в реве. Губы его двигались беззвучно.

Эблинг Мис неожиданно появился рядом с Ранду. Лицо его побагровело. Он кричал:

– Селдон сошел с ума! Он не о том кризисе говорит! Разве вы, Торговцы, замыслили

гражданскую войну?

Ранду тихо ответил:

– Да, замышляли. Только отложили – из-за нападения Мула.

– Значит, Мул – фигура, психоисторией не запланированная. Что же это такое?

Стояла ледяная, мертвая тишина. Взглянув на куб, Байта с удивлением обнаружила, что он уже пуст. Погасла матовая подсветка стен, затихло урчание кондиционеров.

Откуда-то издалека донесся пронзительный визг сирены. Ранду онемевшими губами проговорил:

– Воздушная тревога!

Он поднес к уху наручные часы и закричал:

– Остановились, черт подери! У кого-нибудь часы идут?

Двадцать человек, как по команде, поднесли к ушам свои часы. Не прошло и двадцати секунд, как стало ясно, что все часы остановились.

– Так... – обреченно проговорил Мис. – Это означает, что подача атомной энергии в Склеп прекращена и Мул атакует.

Пытаясь перекрыть общий шум, Индбур визгливо завопил:

– Всем сесть!! Мул от нас в пятидесяти парсеках!

– Был! – рявкнул в ответ Мис. – Неделю назад! А сейчас он бомбардирует Терминус!

Байта почувствовала, что силы покидают ее. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело налилось свинцом, стало больно дышать.

С улицы донесся гул огромной толпы. Двери были сорваны, на пороге появилась фигура насмерть перепуганного человека. Ему навстречу кинулся Индбур.

– Ваше Сиятельство! – прохрипел вбежавший. – В городе остановился весь транспорт, не работает ни одна линия внешней связи. Десятый Флот разбит, и корабли Мула – над планетой. Верховное Главнокомандование...

Индбур согнулся и как подкошенный упал на пол. Все онемели. Панический ужас сковал всех.

Индбура подняли с пола. К его губам поднесли бокал с вином. Губы его начали двигаться, когда он еще не мог раскрыть глаза. Он выдавил из себя единственное слово:

– Капитуляция!

Байта была готова разрыдаться – настолько сильным было состояние всеобщего отчаяния. Эблинг Мис дергал ее за рукав.

– Пойдемте, барышня!

Ее пришлось просто-таки вынимать из кресла.

– Мы улетаем, – сказал он. – И берем с собой вашего музыканта.

Пухлые губы старого ученого были бледны и дрожали.

– Магнифико... – только и смогла выдавить из себя Байта.

Паяца трясло мелкой дрожью. Глаза его выпучились и остекленели.

– Мул! – хрипел он. – Мул пришел за мной!!

Байта вялой рукой коснулась его плеча, и он дико отпрянул, Торан крепко взял его за руку. Магнифико потерял сознание. Торан взвалил его на спину и поволок к выходу.

На следующий день неуклюжие, закопченные в сражениях корабли Мула опустились на космодром Терминуса. Генерал, руководивший операцией захвата, проследовал по пустынным улицам Терминуса в шикарном автомобиле мимо безжизненно замерших у обочин атомных машин.

Заявление об оккупации было передано ровно через двадцать четыре часа – минута в минуту после того, как Селдон произнес речь перед бывшими правителями Академии.

Из всех миров, входивших в состав Академии, держались только Независимые Торговцы. Против них был весь флот Мула – покорителя Академии.

Глава девятнадцатая

Начало поисков

Маленькая планета Хейвен – единственная вращавшаяся вокруг одинокой звезды в Секторе Галактики, окруженном межгалактическим вакуумом, была в осаде.

Она действительно была в осаде в строго военном смысле слова – на двадцать парсеков вокруг не осталось ни одной населенной звездной системы, где не были бы размещены военные базы Мула. Через четыре месяца после позорной капитуляции Академии все связи Хейвена с внешним миром были прерваны, как паутинка лезвием бритвы. Хейвенские корабли спешили домой, и Хейвену больше ничего не оставалось, как воевать в полном одиночестве.

На самой планете осада ощущалась еще сильнее – преобладало ощущение тоски и беспомощности...

Байта пробиралась к своему месту между рядами столиков, покрытых молочно-белым пластиком. Свой столик она нашла чисто автоматически. Она забралась на высокий стул без спинки, механически ответила на тихие приветствия, потерла слезящиеся от бессонницы глаза усталой рукой и потянулась за меню.

Байта огорченно отметила обилие блюд из парниковых грибов, которые на Хейвене считались непревзойденным деликатесом. На ее вкус они были просто несъедобными. Услышав, что рядом кто-то всхлипывает, она оторвала взгляд от меню и оглянулась.

Плачущую девушку до сегодняшнего дня она видела всего пару раз. Звали ее Джуди – простенькая, курносая блондиночка, – и обычно она сидела в столовой по диагонали от столика Байты. Сейчас Джуди плакала, сморкаясь в мокрый от слез платочек и изо всех сил сдерживая рыдания.

Личико ее покраснело и стало еще более некрасивым. Куртка от противорадиационного костюма была брошена на ее плечи, а прозрачный защитный экран для лица упал в тарелку с десертом, да так там и лежал.

Байта подошла к трем девушкам, которые, сменяя друг друга, подходили к плачущей Джуди, безуспешно пытаясь утешить ее, глядя по головке и бормоча жалостливые слова. Эти приемы во все времена обречены на неудачу и вызывают только новые потоки слез.

– Что случилось? – шепотом спросила Байта. Одна из девушек обернулась и, пожав плечами, призналась:

– Не знаю... – Отведя Байту в сторону, добавила: – Может просто устала. Вообще-то, она очень волнуется за мужа.

– Он в космическом патруле?

– Да.

Байта мягко коснулась плеча Джуди.

– Может быть, тебе лучше домой пойти, Джуди?

Голос Байты по сравнению с голосами подруг прозвучал трезво и спокойно, так что Джуди перестала всхлипывать и оторопело взглянула на Байту.

– Я уже была дома один раз на этой неделе.

– Ну, значит, надо еще денек передохнуть. Если ты не отдохнешь сейчас, на следующей неделе тебе придется отдыхать три дня. Надо отдохнуть, Джуди, даже из патриотических соображений. Девушки, кто-нибудь из вас работает вместе с Джуди? Ну, тогда позаботьтесь о ее отпуске. Пойди, Джуди, умойся и приведи себя в порядок. Ну, быстренько, давай, давай!

Байта вернулась за свой столик и облегченно продолжила изучение меню. Такие настроения заразительны, думала она. Одной плачущей девушки в ее отделе хватит, чтобы залихорадило всех сотрудниц.

В конце концов она выбрала наиболее съедобные на ее взгляд блюда, нажала соответствующие кнопки справа на столике и положила меню в предназначенное для него углубление.

Высокая, эффектная брюнетка напротив проговорила сквозь зубы:

– Конечно! Что нам еще осталось? Только плакать! Ее пухлые губы были искусно подкрашены, и казалось, будто она все время улыбается.

Байта мельком взглянула на нее, сделав вид, что фраза к ней не относится, и принялась за

еду. Раскрыла судок и стала ждать, пока еда немного остынет. Брюнетка пристально глядела на нее. Не выдержав, Байта спросила:

– Я думаю, тебе-то есть чем заняться, Хелла?

– О да! – резко ответила Хелла. – Есть!

Она нервно погасила сигарету. Та вспыхнула и моментально исчезла в глубине маленького дезинтегратора, вмонтированного в край столика.

– Например, – сказала Хелла, опершись подбородком на тонкие холеные руки, – я думаю, что я бы давно уже договорилась с Мулом и вся эта чепуха давно бы закончилась. Потому что когда он нас захватит, делать будет точно нечего.

Лицо Байты не дрогнуло. Голос по-прежнему был мягок и спокоен:

– Наверное, у тебя нет брата или мужа, которые сейчас воюют?

– Нет. И все равно я считаю, что незачем рисковать братьями и сыновьями. Даже я так считаю!

– Капитуляция принесет нам еще большие жертвы.

– А как же Академия капитулировала – и там все тихо и спокойно? А наши мужчины – неизвестно где, и против нас – вся Галактика!

Байта пожала плечами и улыбнулась.

– У меня есть маленькое подозрение, что первое тебя волнует больше.

Байта стала завтракать и с радостью отметила, что вокруг все молчат. Цинизм Хеллы остался без ответа.

Покончив с едой, Байта ушла, нажав кнопку, после чего ее столик был быстро прибран, и ее место заняла другая девушка. Глядя вслед Байте, она спросила:

– Кто это?

Губы Хеллы презрительно скривились.

– Племянница нашего координатора. Ты что, ее не знаешь?

– Правда?

Девушка еще раз взглянула вслед Байте.

– А что она здесь делает?

– А... не знаю. Развивает какую-то деятельность. Сейчас же модно играть в патриотизм. Такие все демократы, тошнит просто.

– Ну, Хелла, – возразила пухлая девица, сидевшая справа, – пока ведь она дяде на нас не жаловалась. Чего ты вредничаешь?

Хелла равнодушно скользнула взглядом в сторону девушки и закурила новую сигарету.

Та, что сидела напротив Хеллы, изо всех сил прислушивалась к тому, что говорила ясноглазая официантка за соседним столиком.

– ...говорят, она была в Склепе, в самом Склепе, представляешь? Ну, когда Селдон говорил... а еще говорят, что мэр был просто вне себя, ну и там были волнения, и всякое такое... Ей удалось смыться оттуда до того, как Мул высадился, в общем удирали они па-а-трясающе... прорывались через блокаду, ну, сама понимаешь!.. Удивляюсь, как это она до сих пор не написала про это книжку какую-нибудь, ведь теперь книжки про войну – просто нарасхват. А еще говорят, она была в том мире, где Мул – ну, в Калгане, представляешь, и...

Раздался звонок, означавший окончание перерыва, и столовая опустела. Голосок официантки все еще звенел, а слушавшая ее девушка прерывала ее рассказ короткими возгласами типа «Да ну!» или «Потрясающе!».

Огромные прожекторы в пещерном городе уже гасли, и город постепенно погружался во мрак, когда Байта наконец добралась до дома. Хейвен укладывался спать после тяжелого трудового дня.

У дверей ее встретил Торан, дожевывая бутерброд.

– Где это тебя носило? – спросил он с набитым ртом. Прожевав, добавил: – Я тут сам кое-что приготовил на скорую руку. Не сердись, если не очень вкусно.

Байта смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Тори! Почему ты не в форме? Почему в гражданском?

– Приказ, Бай. Ранду заперся у себя с Эблингом Мисом, и, откровенно говоря, я ничего не понимаю. Вот, садись ешь.

– Я тоже лечу? – спросила она, порывисто прижавшись к нему.

Поцеловав ее, он ответил:

– Наверное. Но это будет опасно.

– Где теперь не опасно?

– Тоже верно. Да, я уже послал за Магнифико – наверное, он тоже полетит.

– То есть его концерт на заводе ядерных двигателей отменяется?

– Видимо, да.

Байта прошла в соседнюю комнату и села за стол. Ужин действительно был приготовлен на скорую руку. Она быстро располовинила толстые бутерброды и задумчиво проговорила:

– Плохо, что концерт отменили. Девушки на заводе так ждали его. Да и Магнифико тоже.

Она покачала головой.

– Странный он все-таки какой-то. Но очень милый.

– Байта, у тебя неудовлетворенный инстинкт материнства. Когда-нибудь у нас родится ребенок, и ты забудешь Магнифико.

Байта, откусив кусок бутерброда, отшутилась:

– Для удовлетворения материнского инстинкта мне вполне хватает тебя.

Она отложила бутерброд и неожиданно стала серьезной.

– Тори!

– М-м-м?

– Я была сегодня в Бюро Промышленности. Потому и задержалась.

– Что ты там делала?

– Ну... – она немного растерялась. – Понимаешь, я почувствовала, что не могу больше на заводе. Девушки начинают лить слезы без всяких причин. Те, кто не болен, заболевают. Просто эпидемия! Непосредственно в моем отделе производство не составляет и четверти от того, что было, когда я туда пришла. И не бывает дня, чтобы все были на работе.

– Понятно... – протянул Торан. – Ну, а в Бюро Промышленности ты что делала?

– Задала кое-какие вопросы. Тори, такое творится везде, по всему Хейвену. Падает производство. Начальник Бюро только плечами пожимает, а ведь я у него в приемной целый час прождала, да и принял он меня только потому, что я – племянница координатора, и сказал что это не в его компетенции. Честно говоря, мне показалось, что ему нет до этого никакого дела.

– Бай, не уходи от главного.

– Ему просто нет дела! – распалялась Байта. – Говорю тебе, тут что-то не так! Тут что-то очень похожее на чувство протрации, которое охватило меня тогда, в Склепе Селдона. Ты же сам тогда что-то такое почувствовал!

– Да, почувствовал.

– Вот! А теперь опять! – продолжала она. – И все мы скоро будем бессильны перед Мулом. Будь у нас даже те материалы для работы, которых так не хватает сейчас, что-то случилось. Нет воли к победе, нет воодушевления, желания бороться... Тори, бороться бесполезно!

Торан не мог припомнить, чтобы Байта когда-нибудь при нем плакала. Сейчас она тоже не плакала. Торан ласково положил руку ей на плечо и прошептал:

– Давай не будем об этом, малышка. Я понимаю, о чем ты. Но нам нечего...

– Да, нам нечего делать! Все об этом говорят! А мы сидим и покорно ждем, пока нож гильотины опустится нам на шею!

Она принялась за бутерброд, отпила остывшего чая... Торан, стараясь ступать потише, пошел стелить постель. На улице было совсем темно.

Ранду, новоиспеченный координатор конфедерации городов Хейвена (этот пост был изобретен исключительно на время войны), поселился, по его личной просьбе, в верхней

комнате, из окон которой он любил смотреть на зелень и крыши соседних домов. Любоваться ему пришлось недолго. В призрачном свете фонарей город казался нагромождением причудливых теней. Однако у Ранду не было времени задумываться о символике смены пейзажа.

Он обратился к Эблингу Мису, которого сейчас, казалось, интересовало только одно – наполненный рубиново-красным вином бокал, который он осторожно вертел в руках, глядя сквозь него на свет.

На Хейвене есть пословица, суть которой состоит в том, что, когда в городе гаснет свет, тот, кто славно потрудился, может славно отдохнуть.

– Да? И много вы спите в последнее время?

– Мало! Простите, что побеспокоил вас так поздно, Мис, но в последнее время я чувствую себя лучше ночью. Не странно ли? Мы на Хейвене привыкли к тому, что темнота означает сон и только сон. И я тоже привык. Но теперь все иначе.

– Вы не договариваете, Ранду, – мягко проговорил Мис. – Просто днем вас окружают люди. Они смотрят на вас с надеждой. Это мучает вас. Когда все спят, вам легче.

– Значит, вы тоже это чувствуете? Это всеобщее отчаяние?

Эблинг Мис задумчиво кивнул.

– Да. Это – массовый психоз. Паника, черт бы ее побрал, извиняюсь за выражение, всеобщая. Ранду, а вы чего, собственно, ждали? Ведь людям с пеленок прививается мысль о том, что существует великий герой прошлого, который все за них спланировал и придумал и позаботился обо всех мелочах их проклятушей, извиняюсь за выражение, жизни! В результате сформировался образ мышления, близкий к религиозному, а вы понимаете, что это значит.

– Не очень, если честно.

Мису явно не хотелось пускаться в пространные объяснения. Он этого не любил. Поэтому он недовольно буркнул под нос какую-то фразу, в которой Ранду разобрал только «извиняюсь за выражение», поглядел на кончик длинной сигары и сказал:

– Видите ли, такой тип мышления характеризуется типичными для фанатиков реакциями. Веру трудно поколебать, если только не произойдет что-нибудь вроде повального шока. В этом случае произойдет общее умопомрачение. Обычно мы имеем дело либо с мягкими проявлениями психических колебаний – истерией, болезненным страхом, либо с более тяжелыми – сумасшествием и самоубийствами.

Ранду покусывал ноготь на большом пальце.

– Если я правильно вас понял, это означает, что, если Селдон обманул нас, мы лишимся единственной точки опоры, а мы настолько крепко за нее держались до сих пор, что, как только она исчезнет, мы просто не сможем больше существовать. Образно говоря, как будто мышцы атрофировались.

– Именно так. Не очень удачная метафора, но близко по смыслу.

– Ну, а как себя чувствует ваша мускулатура, Эблинг?

Психолог глубоко затянулся сигарой и рассеянно уставился на облачко дыма.

– Ослабла, собака, но не атрофировалась. Просто моя профессия вынуждает сохранять некоторую независимость суждений.

– И вы знаете выход?

– Нет. Но он должен быть. Может быть, Селдон не предвидел появления Мула. Может быть, он не гарантировал нашей победы. Но, в таком случае, он не гарантировал и поражения! Он просто вышел из игры, и мы должны действовать сами. Мула можно победить.

– Как?

– Единственным способом, которым можно победить любого. Применив силу там, где противник слаб. Ну, посмотрите, Ранду, Мул – не сверхчеловек. Когда он будет окончательно разбит, все в этом убедятся воочию. Главное в том, что он непонятен, неизвестен, а неизвестность порождает легенды, а легенды быстро распространяются. Предполагают, что он мутант. Ну, и что из этого? «Мутант» для большинства невежд означает «сверхчеловек». Да ничего подобного!

Установлено, что в Галактике ежедневно появляется на свет несколько миллионов мутантов. Из этих миллионов все, за исключением одного-двух процентов, ничтожно малы, так что их можно разглядеть только под микроскопом или выявить путем химических анализов. Из одного-двух процентов макромутантов, то есть тех, что видны невооруженным глазом, все, опять-таки... за исключением одного-двух процентов – жалкие уродцы, которые годятся разве что для кунсткамер и лабораторий да вдобавок нежизнеспособны. Из крошечного числа макромутантов, мутация которых протекает успешно, почти все представляют собой безвредные артефакты, необычность которых заключается, как правило, в чем-то одном, а во всем остальном это нормальные, абсолютно нормальные существа. Некоторые свойства у них порой даже ниже нормы. Понимаете, Ранду?

– Да, понимаю. И как, по-вашему, обстоит дело в этом смысле с Мулом?

– Если предположить, что Мул – действительно мутант, мы должны допустить, что у него есть некое качество, вероятнее всего, связанное с особенностью деятельности мозга, которое позволяет ему овладевать мирами. В других отношениях у него обязательно должны быть какие-то недостатки, которые мы должны выявить. Недостатки должны быть, иначе он не был бы столь скрытен, не прятался бы столь упорно от посторонних глаз. Значит, эти недостатки очевидны и смертельны. Повторяю – если он мутант.

– Альтернативы есть?

– Могут быть. Сведения о мутации сообщил капитан Притчер из бывшей Разведки Академии. Он сделал свои выводы на основании туманных воспоминаний тех людей, которые заявили, что помнят Мула – или того, кто мог быть Мулом, в детстве. Притчер пользовался отрывочной информацией, и полученные им данные запросто могут быть из области специально распространяемых Мулом – его военным успехам в немалой степени способствовал шквал слухов о том, что он мутант-супермен.

– Это интересно. Долго вы над этим голову ломали?

– Вовсе не ломал, и не могу сказать, чтобы я сильно верил в это. Просто вариант, который нужно учесть и рассмотреть. Ну, например, Ранду, представьте, что Мулу удалось открыть некий тип излучения, способный угнетать умственную деятельность мозга, – нашел же он нечто способное угнетать ядерную реакцию? Что тогда, а? Можно этим объяснить, что поражает нас теперь – гибель Академии?

Ранду погрузился в тоскливое раздумье. Подумав, он спросил:

– А как успехи в обследовании шута Мула?

Тут настала очередь Эблинга Миса растеряться.

– Увы, пока безрезультатно. Да, я бравировал, хвастался перед мэром незадолго до нападения Мула на Академию – в основном из соображений поддержки его, извиняюсь, мужества, по частично и для того, чтобы не утратить собственное. Но понимаете, Ранду, если бы мои математические методы годились для этого, я бы уже давным-давно расщелкал и шута, и Мула в придачу. Тогда бы он у нас заплясал! Тогда бы мы точно установили причину странных аномалий, которые не так давно просто поразили меня.

– То есть?

– А вы подумайте, старина. Мул с необычайной легкостью захватил Академию, разбил их Флот в пух и прах. Однако почему-то ему не удалось победить в сражениях с гораздо более слабыми силами Независимых Торговцев. Академия пала от первого удара. Независимые Торговцы держатся, противостоя всей мощи Мула. Впервые он применил депрессор ядерного поля против кораблей Независимых Торговцев при Мнемоне. Они были потрясены, растеряны, и именно из-за этого проиграли сражение, но депрессор-то они нейтрализовали! Получается, что ему так ни разу и не удалось применить это оружие против Флота Независимых Торговцев!

Зато против кораблей Академии это оружие действовало без промаха вновь и вновь. Оно подействовало и на саму Академию. Почему? С точки зрения наших теперешних знаний, это совершенно нелогично. Значит, есть какие-то факторы, о которых мы не догадываемся.

– Измена?

– Чепуха собачья. Маразм, извиняюсь за выражение. Во Флоте Академии не было

человека, который не был бы на все сто уверен в победе. Какой дурак покинул бы сторону, которая должна была заведомо победить?

Ранду подошел к круглому окошку и уставился туда, где не было видно ни зги. Помолчав, он проговорил:

– Но сейчас нет никаких сомнений в том, что мы проиграем, даже если Мул был бы в тысячу раз слабее, даже если бы весь его флот был продырявлен насквозь!

Он продолжал говорить, не оборачиваясь, сгорбившись, нервно потирая сведенные за спиной руки.

– Нам удалось легко улизнуть после того, что произошло в Склепе, Эблинг. Может быть, удалось удрать и еще кому-нибудь. Мало кому, конечно. Большинству не удалось. Да, поле депрессора могло быть нейтрализовано. Для этого нужно было проявить чудеса изобретательности и максимум упорного труда. Все корабли Академии могли просто-напросто отступить к Хейвену или к любому другому миру и продолжать сражаться, как сражаемся мы. Но они этого не сделали. Нет! Они вместо этого перешли на сторону врага.

Подполье Академии, на которое вы рассчитывали, до сих пор никак себя не проявило. Мул оказался недурным дипломатом, пообещав сохранить капиталы и прибыль торговым тузам Академии, и они тоже быстренько переметнулись на его сторону.

Эблинг Мис упрямо проговорил:

– Плутократы всегда были против нас.

– Но у них всегда была власть. Послушайте, Эблинг, по-моему, у нас есть достаточные основания, чтобы убедиться в том, что или сам Мул, или его оружие уже подействовали на некоторых людей не робкого десятка и из Независимых Торговых миров. Как минимум десять Торговых миров перешли на сторону Мула. Еще десять колеблются, как поступить. На Хейвене тоже хватает деятелей, которые не впадут в отчаяние, если нас захватит Мул. Видимо, существует непреодолимое искушение сдаться на милость любого победителя, лишь бы только он сохранил за собой экономическую власть.

– Значит, вы думаете, что Хейвен не сможет справиться с Мулом?

– Думаю, что Хейвен даже сражаться не будет.

Ранду отвернулся от окна. Взгляд его был переполнен страданием.

– Думаю, что Хейвен спит и видит, как бы поскорее капитулировать. Вот почему я хотел с вами поговорить. Я хочу, чтобы вы покинули Хейвен.

Эблинг Мис удивленно надул щеки.

– Вот те раз! Так скоро?

Ранду чувствовал себя бесконечно усталым.

– Эблинг, вы – величайший психолог Галактики. Настоящие корифеи-психоисторики ушли вместе с Селдоном, но вы – самый лучший, кто у нас остался. Вы – наша единственная надежда на победу над Мулом. Здесь вы нам уже ничем не поможете. Вам нужно лететь туда, где еще осталось кое-что от Империи.

– На Трентор?

– Верно. Только там еще могло что-то сохраниться. Там есть записи, Эблинг! Вы сможете углубиться в их изучение и узнать больше о математическом обеспечении психоистории. Может быть, этого хватило бы для более досконального обследования паяца. Он, естественно, отправится с вами.

Мис сухо отозвался:

– Сильно сомневаюсь, что он выразит горячее желание. Он, конечно, панически боится Мула, но если ваша племянница не отправится с нами...

– Понимаю. Торан и Байта летят с вами по этой самой причине. Но, Эблинг, есть и другая причина, более важная. Триста лет назад Гэри Селдон основал две Академии. Вторая должна находиться на другом краю Галактической Спирали. Вы должны найти эту Академию.

Глава двадцатая Конспиратор

Дворец мэра – вернее – здание, некогда бывшее дворцом мэра, в темноте выглядело зловеще. Город, поверженный захватчиками, спал тревожным сном. Одинокие звезды холодно мерцали в черноте небес над Терминусом...

За три столетия Академия выросла из крошечного поселения ученых в грандиозную торговую Империю, распространившую свое влияние по всей Галактике, и всего за полгода была низвергнута с высот Вселенского владычества, став всего-навсего одной из захваченных провинций...

Капитан Притчер до сих пор не мог с этим смириться.

Как бы ни был символичен угрюмый вид занятого захватчиками дворца мэра, разум капитана отказывался принять это как данность. Он бесшумной тенью скользнул за ограду, держа за щекой крошечную ядерную капсулу.

Низкая темная арка возникла перед ним. Капитан нагнулся. Прошептал, ободряя себя:

– Система сигнализации – как по схеме, капитан. Все в порядке. Она не сработает.

Капитан нырнул в арку и пошел дальше по дорожке, вдоль которой тянулась цепочка затейливых фонтанов – по любимому саду Индбура...

Четыре месяца назад, всего четыре месяца назад он был в Склепе. События того дня до сих пор он помнил так ясно, как будто это было вчера. Воспоминания приходили к нему по ночам, он пытался прогнать их, а они приходили и приходили снова.

Как наяву, он видел старика Селдона, слышал его добрый усталый голос, произносивший слова, которые были безнадежно ошибочны... В памяти возникало мертвенно-бледное лицо Индбура, падающего навзничь, – белое пятно на фоне яркого парадного костюма, быстро собравшаяся перепуганная толпа, отрешенно ожидающая единственного рокового слова «Капитуляция»... фигура молодого человека по имени Торан, исчезающего в дверном проеме с паяцем Мула на спине... Он видел и самого себя, неведомо как выбравшегося наружу и пытающегося завести безнадежно замолкший автомобиль... Он видел, как он пробирается сквозь толпу, бросившуюся бежать из города – неизвестно куда... Он видел себя, в отчаянии мечущегося по конспиративным квартирам, в которых когда-то были связанные пункты подполья, функционировавшие в глубочайшей тайне уже восемьдесят лет.

Все квартиры были пусты...

На следующее утро в небе висели зловеще-черные корабли врагов, приземляющиеся где-то позади густонаселенных районов города. Капитан Хэн Притчер чувствовал, как им овладевает отчаяние и беспомощность.

Он честно продолжал поиски.

За тридцать дней он пешком одолел почти две сотни миль, переоделся в костюм работника гидропонных теплиц, чей труп нашел у обочины, отрастил густую разбойничью бороду.

В конце концов он нашел то, что осталось от подполья.

Городок назывался Ньютон. Притчер отыскал район, некогда самый элегантный и фешенебельный. Теперь здесь вес больше воцарялись запустение и разруха. Отыскал он и дом одного рядового подпольщика и застал хозяина дома. Мужчина небольшого роста стоял на пороге, засунув грубые узловатые руки в карманы, и исподлобья глядел на Притчера.

Капитан пробормотал:

– Я от Мирана.

Человек ответил отзывом:

– Рановато в этом году.

Капитан продолжил пароль:

– Не раньше, чем в прошлом.

Однако человек не сошел с места и не предложил ему войти. Он спросил:

– Кто вы такой?

– А вы разве не Лис?

– Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

Капитан глубоко вздохнул и спокойно ответил:

– Меня зовут Хэн Притчер, я капитан Флота и член подпольной Демократической Партии. Вы позволите мне войти?

Лис отступил в сторону.

– Мое настоящее имя – Орум Пэлли, – сообщил он.

Он протянул руку. Капитан пожал ее.

В комнате был порядок. Не шикарно, но порядок и чистота. В одном углу стоял украшенный орнаментом книгопроектор, который на опытный взгляд разведчика Притчера мог запросто оказаться замаскированным бластером соответствующего размера. Объектив проектора был нацелен на дверь, и судя по всему, им можно было управлять на расстоянии.

Лис поймал взгляд гостя и хитро усмехнулся.

– Все точно, – подтвердил он. – Было рассчитано на черный день – для Индбура и его треклятых кровососов. А против Мула – детская игрушка, ага? Тут уж ничего не поможет. Есть хотите?

У капитана засосало под ложечкой, к горлу подкатил комок, Он кивнул.

– Подождите минутку, если у вас есть время.

Лис достал из буфета две консервные банки и поставил на стол перед капитаном.

– Вот тут нажмите и подержите, пока нагреется. Регулятор температуры вышел из строя. Такие вот мелочи и напоминают, что идет война – или шла, правда?

Содержание фразы вроде бы было шутливым, но в интонации этого не чувствовалось, да и глаза хозяина были холодны и задумчивы. Он уселся напротив капитана и объявил:

– Я от вас мокрого места не оставляю, если вы мне не понравитесь. Ясно?

Капитан промолчал. Контейнеры раскрылись. Лис кратко прокомментировал:

– Там рагу. Прошу извинить, но с едой – напряженка.

– Знаю, – ответил капитан и набросился на еду.

Ел он быстро, не поднимая головы.

Лис сощурился, склонив голову набок, и проговорил:

– А я вас видел как-то раз. Пытаюсь вспомнить где и когда, но борода сбивает.

– А я тридцать дней не брился, – пробурчал капитан. Прожевав, он сердито нахмурился. – Послушайте чего вам надо? Я правильно сказал пароль. Хотите, удостоверение покажу?

Лис небрежно махнул рукой.

– Да нет, я верю, что вы – Притчер. Просто всякие тут ходят – пароль знают и удостоверения показывают – только они уже с Мулом сотрудничают. Так-то. Про Леввоу слышали?

– Да.

– С Мулом.

– Что?! Он...

– Да. Тот самый, кого звали «Не сдаваться».

Губы Лиса разъехались в невеселой улыбке.

– А еще Виллинг. Тоже с Мулом. Гарре и Нот – тоже с Мулом. Почему и не Притчер? А? Откуда мне знать?

Капитан печально покачал головой.

– Да в общем, мне все равно, – покачиваясь на стуле, сказал Лис. – Они наверняка знают мое имя. Если Нот проговорился. Так что, если вы зарегистрировались, наше знакомство для вас опаснее будет, чем для меня.

Капитан покончил с едой. Откинулся на спинку стула.

– Если и ваша организация не существует, где же еще искать? Академия сдалась, но я не сдался!

– Да ну? Ну, так вы можете долго искать. Только вам не дадут вот так вот разгуливать долго. Теперь гражданам Академии требуются специальные разрешения для перемещения из города в город. Вы не знали об этом? И специальные пропуска. У вас есть такой? Кроме того, всем бывшим офицерам положено зарегистрироваться в комендатуре по месту жительства.

Сделали вы это? А? По-моему, это как раз для вас.

– Нет у меня ничего этого, – тяжело проговорил капитан. – Только не думайте, что я боюсь. Я был на Калгане вскоре после того, как они сдались Мулу. Через месяц все бывшие офицеры диктатора были пущены в расход, поскольку представляли опасность как потенциальные организаторы мятежа. В подполье всегда понимали, что никакая революция не будет успешной, если в ней не примет участия хотя бы часть Флота. Не сомневаюсь – Мул знает об этом не хуже нас с вами.

Лис задумчиво кивнул.

– Довольно логично. Мул – не дурак.

– Я избавился от формы, как только смог. Отрастил бороду. Потом может выясниться, что не один я так сделал.

– Вы женаты?

– Жена умерла. Детей у нас не было.

– В заложники, стало быть, взять некого?

– Некого.

– Совет хотите?

– Не откажусь.

– Я понятия не имею, какую политику проводит Мул и чего он добивается. Знаю одно: до сих пор никто из профессионалов высокого класса не пострадал. Им даже ставки повысили. Производство всех видов ядерного оружия нарастает.

– Да? Значит, идет эскалация войны?

– Не знаю. Мул – сукин сын, так что очень даже может быть, что он просто хочет подчинить себе всех трудоспособных. Чтобы работали на него. Если уж Селдон не смог рассчитать его появления с помощью всей своей заумной психоистории, мне и рыпаться нечего. Вы вырядились в рабочий костюм. А ведь на этом можно сыграть!

– Не могу сказать, чтобы я был опытным рабочим.

– Но вы же специализировались по ядерным двигателям?

– Точно.

– Этого достаточно. Здесь, в нашем городке, расположены заводы компании по производству носителей ядерного поля. Скажите им, что у вас есть опыт работы. Заводами продолжают управлять те же слюнтяи, что и при Индбуре. Только теперь работают на Мула. Они не будут вас особо долго допытывать, им до зарезу нужны рабочие руки. Этим – хоть трава не расти! Продолжают сколачивать миллионы. Они выдадут вам удостоверение, имея которое вы сможете подыскать себе жилье. Не мешкайте!

Вот как получилось, что капитан Притчер, офицер Национального Флота, профессиональный разведчик, стал инженером по фамилии Ло Моро в сорок пятом цехе крупного военного завода. Итак, из агента разведки он превратился в конспиратора, что и привело его несколько месяцев спустя ночью ко дворцу мэра, в любимый садик Индбура.

В саду капитан Притчер взглянул на табло радиометра, пристегнутого на запястье. Внутренняя сигнализация пока еще действовала. Он немного подождал. До момента взрыва крошечного ядерного устройства, лежавшего у него за щекой, оставалось полчаса. Он пошевелил капсулу языком.

Табло радиометра погасло, и капитан быстро зашагал вперед.

Пока все шло как по маслу.

Он совершенно отчетливо ощущал, что его жизнь соединилась с жизнью маленькой бомбы, что ее смерть – это и его смерть, но и смерть Мула тоже.

И тогда наконец будет окончен четырехмесячный кошмар той войны, которую он сам вел, работая на Ньютонском заводе.

Два месяца капитан Притчер носил свинцовый фартук и тяжелый противорадиационный шлем, и с виду никак нельзя было догадаться, что он – бывший офицер. Он был работягой, получавшим честно заработанные деньги, вечера проводил в городе, в политические дискуссии не вступал.

Все эти два месяца он ни разу не видел Лиса.

И вот однажды мимо его рабочего места прошел человек.

Незаметно в карман капитана скользнула записка. В ней было только одно слово: «Лис». Он тут же бросил ее в урну-дезинтегратор, где она вспыхнула и моментально испарилась, И вернулся к работе.

В тот же вечер он был у Лиса и играл в карты с ним и еще двумя мужчинами, одного из которых знал понаслышке, а второго – в лицо и по имени.

Во время игры они тихо переговаривались.

Капитан сказал:

– Это глобальная ошибка. Вы живете в прошлом. Восемьдесят лет наша организация ожидала удобного исторического момента. Мы были ослеплены психоисторией Селдона, одним из основополагающих принципов которой является то, что деятельность отдельных людей ничего не значит, что личности погоды в истории не делают, что сложные социальные и экономические процессы доминируют над действиями индивидуума, делают его игрушкой в руках истории.

Он аккуратно разложил карты, прикинул варианты и, объявив игру, спросил:

– Почему бы не убить Мула?

– И что из этого выйдет? – сердито поинтересовался мужчина, сидевший слева от него.

– Вот видите, – усмехнулся капитан, сбрасывая две карты, – вот оно, ваше отношение к делу, во всей красе. «Что может значить один человек – один из квадриллионов людей? Галактика не перестанет вращаться, если один человек умрет!» Но Мул – не человек, он мутант! Он уже расстроил План Селдона! Если вы перестанете цепляться к мелочам, вы поймете, что это значит: один – один человек, один мутант – разрушил всю психоисторию Селдона! Если бы он не появился на свет, Академия бы не пала. Если он умрет, она не останется побежденной.

Ну, послушайте, боролись же демократы с мэрами и воротилами бизнеса восемьдесят лет тайно. Почему бы не попробовать открытый террор?

– Каким же это образом? – поинтересовался Лис холодно, со всегдашним оттенком здравомыслия.

Капитан медленно проговорил:

– Целых три месяца я над этим голову ломал, и все без толку. А здесь решение созрело у меня за пять минут.

Он быстро взглянул на мужчину, чье широкое, похожее на спелую дыню лицо улыбалось ему справа.

– Вы когда-то были камердинером Индбура, не так ли? А я и не догадывался, что вы – подпольщик.

– Признаться, я о вас тоже не догадывался.

– Ясно. Скажите, в ваши обязанности входила проверка работы системы сигнализации?

– Да, входила.

– Так... Теперь, как вы знаете, во дворце мэра расположился Мул.

– Так было объявлено, – уточнил бывший камердинер, – но вот ведь что странно – он же покоритель, завоеватель, а скромный такой – никаких тебе речей по телевизору, заявлений – просто вообще на людях не показывается.

– Ну, это старая история, и вообще к делу не относится. Вы – уважаемый камердинер, все, что нам нужно.

Игроки раскрыли карты, и Лис собрал ставки. Медленно перетасовав карты, он сдал их снова.

Бывший камердинер Индбура старательно, по одной, брал со стола карты и раскладывал по мастям.

– Вы уж извините, капитан. Я действительно проверял исправность сигнализации, но чисто эмпирически, так сказать. Как она действует, мне неизвестно.

– Я и не ждал другого. Тем не менее у вас в памяти должно было запечатлеться

расположение кнопок. Сами вы схему не вспомните, по может помочь психотест.

Румяные щеки камердинера моментально побледнели как мел. Карты в руке разъехались.

– Психотест?

– Да не бойтесь вы! – резко сказал капитан. – Я знаю, как это делается. Никакого вреда, уверяю вас, просто несколько дней будете ощущать небольшую слабость. Если все получится, вы нам здорово поможете, и, естественно, за причиненное неудобство вам будет заплачено. Среди наших найдутся люди, которые по расположению кнопок сумеют определить всю схему сигнализации. Найдутся и такие, кто сможет смастерить маленькую атомную бомбу с часовым механизмом, и я сам отнесу Мулу этот подарок.

Игроки склонились над столом. Капитан прошептал:

– В назначенный вечер в Терминусе у дворца мэра начнется потасовка. Не настоящая драка. Просто что-то вроде нарушения общественного порядка. Я этим воспользуюсь и проскользну за ворота, пока охранники будут заняты... или, по крайней мере, отвлекутся.

Начиная с этого дня целый месяц шли интенсивные приготовления, и капитан Притчер, офицер Национального Флота, профессиональный разведчик, волею судеб ставший конспиратором, опустился еще ниже по социальной лестнице и стал террористом.

Капитан Притчер, ныне террорист, находился уже внутри дворца и был собой весьма доволен. Как они и предполагали, тщательно продуманная схема внешней сигнализации означала, что внутри дворца охранников немного. Судя по всему, внутри дворца их не было совсем.

План помещений дворца был у Притчера в голове. Он скользил по коврам бесшумной тенью, мягко ступая по пушистым комнатам. В конце длинного коридора он прижался к стене и замер.

Перед ним была небольшая закрытая дверь – она вела в личные покои. За дверью должен был находиться он, ненавистный мутант, победитель непобедимых. У капитана еще было время – до взрыва оставалось десять минут.

Прошло пять минут. Все было тихо. Мулу оставалось жить ровно пять минут – столько же, сколько и капитану Притчеру.

Он рывком шагнул вперед. Теперь его план просто не мог провалиться. Когда взорвется бомба, вместе с ним взлетит на воздух весь дворец. Дверь, отделявшая его от цели, не имела никакого значения. Каких-то десять ярдов. Но ему хотелось увидеть того, с кем вместе ему было суждено погибнуть.

Он рванул дверь и застыл на пороге. В глаза ему ударил сноп ослепительно яркого света. Капитан на мгновение растерялся, но быстро взял себя в руки.

Посреди большой, роскошно убранной комнаты, перед подвешенным на цепях аквариумом стоял высокий стройный мужчина в строгой черной форме.

Он небрежно качнул аквариум, и яркие рыбки с вуалевыми плавниками испуганно заматались туда-сюда.

– Входите, капитан! – сказал он как ни в чем не бывало.

На язык капитана давила проклятая капсула. Ответить он физически не мог. Наступила последняя минута в его жизни.

Человек в черной форме улыбнулся.

– Вы бы лучше выплюнули эту дурацкую пилюльку, капитан, хоть поговорить можно будет. Она не взорвется.

Минута миновала. Капитан беспомощно поднес ко рту руку, вынул капсулу и яростно швырнул ее в стену. Она с легким стуком отскочила от стены и упала на ковер. Ничего не произошло.

Человек в черной форме пожал плечами.

– Вот и все. Все равно ничего бы у вас не вышло, капитан. Я – не Мул. Вам придется удовлетвориться встречей с его вице-королем.

– Как вы узнали? – онемевшими губами выговорил капитан.

– Можете свалить все на безупречно работающую сеть шпионажа. Я могу назвать

поименно всех членов вашей шайки, перечислить по пунктам все вант планы.

– И... до сих пор вы ничего не предпринимали?!

– А зачем? Одной из моих основных задач было отыскать вас и ваших помощников. Но главное – вас. Я мог бы арестовать вас еще пару месяцев назад, когда вы трудились на Ньютонском заводе, но такой вариант, как сегодня, меня больше устраивал. Если бы вы сами не додумались до такого восхитительного плана, нашлись бы люди, которые бы вам его подсказали. Результат, как видите, весьма трагичный, но с элементом комедии.

Плечи капитана опустились. Он с горечью проговорил:

– Похоже на то. Все кончено?

– Да что вы? Все только начинается! Проходите, капитан, садитесь. Давайте оставим героизм и патриотизм идиотам, на которых это производит впечатление. Капитан, вы же неглупый человек! Судя по той информации, которой я располагаю, вы первый в Академии догадались о могуществе Мула. И с тех пор вы проявляли исключительный интерес ко всему, что было связано с его ранним детством. Вы были среди тех, кто организовал похищение его шута, который, кстати говоря, до сих пор не найден, и за поимку его полагается большое вознаграждение. Естественно, ваши способности привлекли к себе внимание, а Мул – не из тех, кого пугают способности врагов. Он просто справедливо полагает, что может превратить их в своих друзей.

– Вот вы куда клоните! Ну нет!

– О да! Это и было целью сегодняшнего ночного фарса! Вы неглупый человек, повторяю, но ваша изощренная конспирация в отношении Мула просто смехотворна. Ее и конспирацией-то можно назвать с большой натяжкой. Вы же учились в Военной Академии. Разве вас там учили терять корабли в безнадежных ситуациях?

– Надо еще убедиться в том, что ситуация безнадежна.

– Убедитесь, – заверил его вице-король. – Мул захватил Академию. Она быстро и неотвратимо превращается в арсенал для осуществления его глобальных замыслов.

– Каких глобальных замыслов?

– Покорения всей Галактики. Воссоединения разрозненных миров в новую Империю. Выполнения, тупоголовый вы патриот, вашего же собственного, благословенного Селдоном плана, его мечты на семьсот лет раньше, чем он хотел. И в этом вы можете нам помочь.

– Несомненно, могу. Но, несомненно, не буду.

– Понятно, – кивнул вице-король. – Кстати, вы в курсе, что только три из Независимых Торговых миров еще продолжают сопротивляться? Но долго они не продержатся. Это последнее, что осталось от Академии. Ну, что, и это вас не убедило? Отказываетесь?

– Да.

– Не сможете отказаться. Конечно, нас больше бы устроило добровольное согласие. Но есть и другие методы. К сожалению, Мула сейчас нет. Он во главе Флота ведет сражение против Независимых Торговцев. Но он поддерживает с нами постоянную связь. Вам не придется долго ждать.

– Чего ждать?

– Того момента, когда вам придется изменить свое решение.

– Мулу, – твердо ответил капитан, – это не удастся!

– Удастся, удастся. Со мной же удалось. Вы не узнаете меня, капитан? Ну, вспомните, вы же бывали в Калгане и не раз меня видели. Я носил монокль, красную мантию, отделанную мехом горностая, клобук...

Капитан застыл в изумлении.

– Вы... были... диктатором Калгана!

– Вот именно. А теперь я верный Мулу вице-король. Как видите, он упрям.

Глава двадцать первая Интерлюдия в космосе

Из блокады они вырвались легко. В колоссальных просторах Галактики, соберись вместе хоть весь ее флот, все равно невозможно уследить за всеми участками пространства. Один корабль, ведомый опытным пилотом, плюс небольшая порция удачи – а дырочка всегда найдется.

Холодно, спокойно Торан вел корабль от звезды к звезде. Наличие больших звездных скоплений в непосредственной близости не давало возможности совершать продолжительные прыжки через гиперпространство, однако именно это обстоятельство затрудняло и слежку за ними противника.

После того как им удалось вырваться из внутреннего кольца блокады, где субэфирное пространство было заблокировано настолько, что прием и передача информации были просто невозможны, они вздохнули свободнее. Впервые за три месяца Торан не чувствовал себя в изоляции.

Прошла неделя. Все это время в блоках новостей, передаваемых противником, не было ничего, кроме утомительных самодовольных перечислений деталей захвата Академии. Всю эту педелю маленький, до зубов вооруженный торговый корабль Торана гигантскими Прыжками удалялся от Периферии.

В отсек управления позвонил Эблинг Мис. Торан оторвал воспаленные глаза от карты. Мис просил зайти.

– Что случилось? – спросил Торан, входя в маленький центральный отсек, который Байта, по своему обыкновению, превратила в уютную гостиную.

Мис покачал головой.

– Будь я проклят, если знаю. Дикторы Мула передают специальный информационный выпуск. Я подумал, может быть, тебе интересно будет послушать.

– Наверное. А Байта где?

– Накрывает стол к обеду. Что-то экзотическое готовит – если бы я что-то в этом понимал. Торан присел на краешек кушетки – постели Магнифико.

Пропагандистская рутина «специальных информационных выпусков» телевидения Мула была назойливо одинаковой. Сначала военные марши, потом масляный голосок диктора. Второстепенные новости следовали одна за другой. Пауза. Потом – фанфары, звук которых был призван пробудить у слушателей воодушевление и восторг.

Торан терпеливо ждал. Мис что-то бормотал себе под нос.

Блок новостей продолжался в обычной для военного времени манере – дубовые фразы, стандартные словечки, за которыми слышался скрежет плавящегося металла и вспышки взрывов космических сражений.

«Эскадроны скоростных крейсеров под командованием лейтенанта Сэмми на вернулись на базу после тяжелого боя при Иссе...»

Лицо диктора, изо всех сил старавшегося сохранять непроницаемое выражение, сменилось на экране чернотой пространства, рассекаемого летящими на полной скорости кораблями, устремившимися к полю боя. Голос диктора продолжал звучать на фоне приглушенного грохота двигателей.

«Самым величественным моментом сражения была схватка тяжелого крейсера «Созвездие» с тремя вражескими кораблями».

На экране пошел крупный план. Огромный корабль озарила яркая вспышка ядерного удара. Он весь осветился багровым сиянием, был отброшен назад, завертелся и стал падать. «Созвездие» произвел еще один залп по поверженному врагу.

Диктор бесстрастно комментировал ход схватки.

Потом – пауза, а потом – тот же бесстрастный голос и похожая картина сражения при Мнемоне с единственным отличием от предыдущего репортажа – занудным перечислением подробностей высадки десанта. Потом – картина разбомбленного города, лица изможденных, измученных пленников.

Мнемону оставалось недолго жить.

Снова пауза, вслед за которой раздалась режущие уши звуки военного духового оркестра.

На экране возник длинный строй солдат, вдоль которого быстро шел представитель правительства в форме канцлера.

Гробовое молчание действовало угнетающе. Наконец зазвучал голос диктора – торжественно и четко:

«По приказу нашего монарха объявлено, что планета Хейвен, до сих пор оказывавшая военное сопротивление, признала свою полную и окончательную капитуляцию. В настоящее время вооруженные силы нашего монарха оккупируют планету. Оппозиция была малочисленна, плохо организована и быстро повержена».

На экране снова возникла физиономия диктора, который важно объявил, что как только поступят новые сообщения государственной важности, они тут же будут переданы.

Началась передача танцевальной музыки. Мис выключил гипервизор.

Торан встал и, пошатываясь, вышел из отсека, не сказав ни слова. Психолог не пытался его остановить.

Когда на пороге кухни показалась Байта, психолог тихо проговорил:

– Они захватили Хейвен.

– Уже? – онемевшими губами выговорила Байта. Глаза ее округлились. Видно было, что ей отчаянно не хочется верить.

– Без боя. Без боя!..

Он замолчал и сглотнул слюну.

– К Торану лучше пока не ходи. Пусть побудет один. Давай сегодня пообедаем без него.

Байта бросила взгляд в сторону двери отсека управления, тяжело вздохнула и проговорила:

– Хорошо...

Магнифико сел за стол. На него никто не обращал внимания. Он молчал, не прикасался к еде, только сидел, уставившись в одну точку с выражением полнейшего отчаяния.

Эблинг Мис поковырял ложкой десерт из замороженных фруктов и хрипло проговорил:

– Два Торговых мира еще дерутся. Дерутся, истекая кровью. Погибают, но не сдаются. Только на Хейвене все – как в Академии.

– Но почему? Почему?

Психолог покачал головой.

– Это все из одной области. Каждое звено укладывается в схему того, что собой представляет Мул. Первый вопрос – как ему удалось захватить Академию малой кровью, фактически – с первого удара, в то время как Независимые Торговцы продолжали держаться? Это его хитрое оружие – депрессор ядерного поля – мы просто языки и мозги сломали, когда думали об этом, – оно же не сработало ни на ком, кроме Академии!

– Ранду предположил, – добавил Эблинг Мис, сдвинув щетинистые брови, – что было кое-что еще, нечто вроде «депрессора воли». Вот что могло сработать на Хейвене! Но почему тогда эта штука не была применена в Мнемоне и Иссе, которые даже сейчас дерутся с такой дьявольской страстью, что Мулу потребовалось добавить половину Флота Академии к своим войскам? Клянусь, когда передавали новости, я узнал корабли Академии среди атакующих!

Байта прошептала:

– Сначала Академия, потом Хейвен... Несчастья будто преследуют нас по пятам, а нас не трогают. Мы всегда ухитряемся ускользнуть, будучи на волосок от гибели. Сколько же это будет продолжаться?

Эблинг Мис не слушал ее, Он, казалось, говорил сам с собой:

– Но есть еще один вопрос, Байта, помнишь, как-то в новостях болтали, что, дескать, паяц Мула не был найден на Терминусе, что он удрал в Хейвен или туда его умыкнули те, кто, собственно, похитил в самом начале? С ним связано нечто важное, Байта, и все время остается важным, а мы никак не можем этого понять. Магнифико должен знать что-то такое, что смертельно для Мула. Я в этом уверен.

Магнифико, бледный как полотно, заикаясь, запротестовал:

– С-сэр, б-благородный г-господин, к-клянусь, что я не в силах в-выполнить ваше

ж-желание! Я вам все, все рассказал, а с помощью вашего теста вы в-вытащили из меня все, что я знал, но не знал, что з-знаю...

– Знаю. Знаю! Нет, это что-то совсем незначительное, какая-то пустяковая мелочь! Такая мелочь, что ни ты, ни я не обратили на нее внимания и не понимаем, для чего она и с чем ее едят! Но я должен ее найти, эту мелочь – потому что скоро и Мнемон, и Исс сдадутся! А когда они сдадутся, только мы и останемся – последние капельки независимой Академии!

Ближе к Центру Галактики звезды стали встречаться все чаще. Их притяжение все больше мешало осуществлению межзвездных прыжков. Торан понял это, когда после очередного прыжка их корабль оказался в непосредственной близости от красного гиганта. Вырваться из объятий его притяжения удалось только после двенадцати бессонных, напряженных, изматывающих часов.

Карт у него было явно недостаточно, опыта – тоже, как в навигации, так и в математических расчетах. Поэтому после каждого очередного прыжка Торан проводил дни и ночи напролет, вычерчивая курс корабля.

В конце концов эта работа стала коллективной. Эблинг Мис проверял математические расчеты Торана, а Байта проводила сверку маршрута различными обобщенными методами, и вместе они принимали окончательное решение. Даже Магнифико не остался без дела – его засадили за компьютер для проведения самых элементарных операций. Ему это, как ни странно, пришлось очень по вкусу. Он оказался на удивление способным и продуктивным помощником.

К концу первого месяца путешествия Байте удалось довести тонкую красную ниточку маршрута на трехмерной модели Галактики примерно до половины намеченного пути. Склонив голову набок, она саркастически заметила:

– Знаете, что это мне напоминает? Мертвого дождевого червяка, страдающего хроническим несварением. В конце концов, Тори, ты приведешь нас обратно в Хейвен.

– Так оно и будет, – буркнул Торан, угрожающе зашелестев картой, – если ты не замолчишь!

– А ведь наверняка, – продолжала Байта, – есть Прямой путь, ровненький, как меридиан.

– Да? Во-первых, моя дорогая, чтобы проложить такой маршрут, потребовалось бы угробить пятьсот кораблей, которые бы прокладывали его лет пятьсот, и на моих вшивых картах за полкредитки он не указан. Кстати, может быть, именно прямых путей нам и следует избегать. Не исключено, что там-то и кишат корабли противника. И потом...

– Ох, ради бога, Тори, я сейчас сгорю в пламени твоего праведного гнева!

Она ласково погладила его по голове и запустила пальцы в его непокорную шевелюру.

– М-м-м... – простонал он. – Ну, держись!

Схватил Байту за обе руки, потянул, и через мгновение все оказались на полу – Торан, Байта и стул в придачу – настоящая «куча мала»! Стул быстро освободился, а молодые супруги продолжали упорную схватку, сопровождавшуюся сдавленным хохотом и нанесением друг другу «сокрушительных» ударов.

Торан неохотно отпустил Байту, когда в отсек управления вошел Магнифико.

– В чем дело?

Физиономия паяца выражала крайнюю степень обескураженности. Кожа на переносице побелела, лицо покрылось мелкими морщинками.

– Приборы ведут себя так странно, сэр! Я там ничего не трогал, поскольку мое невежество...

В две секунды Торан оказался у пульта управления. Глянув на приборы, он холодно сказал Магнифико:

– Разбуди Эблинга Миса. Попроси его спуститься сюда.

Вошла Байта, поправляя растрепанные волосы. Торан сказал:

– Нас выследили, Бай.

– Выследили? – прошептала Байта, уронив руки. – Кто?

– Бог знает, – пробормотал Торан. – Только мы под прицелом бластеров.

Он сел за пульт и металлическим голосом сообщил по субэфирной связи

идентификационный код корабля.

Когда в отсек управления вошел заспанный, В помятой пижаме Эблинг Мис, Торан сообщил с безнадежным спокойствием:

– Похоже, мы пересекли внутреннюю границу некоего королевства под названием «Филианская Автархия».

– Сроду о такой не слышал, – буркнул Эблинг Мис.

– Я тоже, – ответил Торан, – но, как бы то ни было, остановил нас филианский корабль, и что теперь будет, можно только гадать.

Капитан-инспектор с филианского корабля ступил на борт в сопровождении шестерых вооруженных солдат. Он был маленького роста, с жидкими волосами, тонкогубый. Сильно закашлялся и раскрыл блокнот на чистой странице.

– Ваши паспорта и документацию на корабль, пожалуйста.

– У нас ничего этого нет, – ответил Торан.

– Ничего нет, говорите?

Он вытащил из нагрудного кармана микрофон и быстро проговорил в него:

– Трое мужчин и одна женщина. Документы не в порядке.

Сделал соответствующую пометку в блокноте и спросил:

– Откуда следуете?

– Из Сивенны, – без запинки ответил Торан.

– Где это?

– Тридцать тысяч парсеков отсюда, на семьдесят градусов западнее Трентора, на сорок градусов...

– Ладно, ладно... – махнул рукой инспектор.

Торан, заглянув ему через плечо, увидел, как он пишет: «Откуда прибыли: Периферия».

Филианец продолжал:

Куда направляетесь?

– В тренторский сектор.

– С какой целью?

– Туристическое путешествие.

– Груз имеете?

– Нет.

– Гм-м... Ну, это мы проверим.

Он кивнул своим людям, и двое из них быстро принялись за дело. Торан не протестовал.

– Как вы попали на филианскую территорию?

– Мы не знали, где находимся. У меня карты очень неточные.

– Вам придется заплатить сто кредиток за ваше легкомыслие, а кроме того таможенную пошлину и тому подобное.

Он снова поднес к губам микрофон, но на этот раз больше слушал, чем **говорил**. Обернувшись к Торану, спросил:

– Разбираетесь в ядерной технике?

– Немного, – осторожно ответил Торан.

– Значит, разбираетесь, – сказал филианец и, закрыв блокнот, добавил: – У людей с Периферии неплохая репутация в этом отношении. Наденьте скафандр и следуйте за мной.

Байта шагнула вперед:

– Что вы собираетесь с ним сделать?

Торан мягко отстранил ее и холодно поинтересовался:

– Куда вы меня поведете?

– Наш атомный двигатель нуждается в небольшом ремонте. Этот пойдет с вами.

Он ткнул указательным пальцем в Магнифико, карие глаза которого округлились от страха.

– Ему-то что там делать?

Инспектор нехотя пояснил:

– У нас есть сведения о росте пиратской деятельности в окрестностях. Описание одного из бандитов передано средствами массовой информации. Просто нужно кое-что уточнить.

Торан колебался, однако шестеро крепких мужчин и шесть бластеров наготове – серьезный аргумент. Он подошел к шкафу, чтобы достать скафандры.

Час спустя он закончил осмотр двигателя в энергетическом отсеке филианского корабля и заявил:

– Двигатель в порядке. Я не вижу никаких поломок. Все показывает «В порядке», L-трубки работают нормально, анализ хода реакции осуществляется как положено. Кто здесь главный?

Главный инженер спокойно ответил:

– Я.

– Ну, так выведите меня отсюда.

Его проводили на офицерскую палубу.

В крошечной приемной сидел только безразлично-равнодушный младший лейтенант.

– Где человек, которого привели вместе со мной?

– Подождите, пожалуйста, – вежливо ответил лейтенант.

Через пятнадцать минут ввели Магнифико.

– Что они делали с тобой? – быстро спросил Торан.

– Ничего. Совсем ничего. – Голова Магнифико медленно качнулась из стороны в сторону.

Было уплачено двести пятьдесят кредиток, из них пятьдесят – за то, чтобы их поскорее отпустили, и они снова оказались на свободе.

Байта с вымученным юмором проговорила:

– Что-то не видно почетного эскорта. Но с другой стороны, пинка на прощание тоже не дали.

Торан с горечью в голосе ответил:

– Никакой это не филианский корабль. И далеко мы не улетим. Идите все ко мне.

Все собрались вокруг Торана. Он обреченно сообщил:

– Это был корабль Академии, а на нем были люди Мула.

Эблинг наклонился, чтобы поднять оброненную сигару.

– Здесь? – прохрипел он. – Да мы в пятнадцати тысячах парсеков от Академии!

– Тем не менее. Что мешало им проделать тот же путь? Господи, Эблинг, вы что же думаете, я корабли друг от друга отличить не в состоянии? Я видел двигатели, и мне этого хватило. Говорю вам: двигатели собраны в Академии, а корабль – оттуда.

– Но как они сюда попали? – спокойно спросила Байта. – Какова вероятность случайной встречи двух отдельно взятых кораблей в пространстве?

– Какое это имеет значение? – рявкнул Торан. – Это означает одно: за нами следят!

– Следят! – вспыхнула Байта. – Через гиперпространство?

– Это в принципе возможно, – вмешался Эблинг Мис. – Был бы только первоклассный корабль и пилот – ас. Но дело, похоже, не в этом.

– Я не заметал следов, – настаивал Торан. – Так что – даже слепой мог проделать за нами наш путь.

– Черта с два! – крикнула Байта. – Да ты делал такие запуганные прыжки и зигзаги, что курс, взятый сначала, ничего ровным счетом не значит. Сколько раз после каждого прыжка мы меняли направление!

– Напрасная трата времени, – процедил сквозь зубы Торан. – Повторяю: это – корабль Академии, перешедший на сторону Мула. Он остановил нас. Он следил за нами. Они взяли Магнифико как заложника, чтобы вы двое не волновались. И мы должны пустить этот корабль ко всем чертям – и немедленно.

– погоди, успокойся! – Эблинг Мис схватил Торана за руку. – Неужели ты хочешь погубить нас ради одного корабля, который показался тебе вражеским? Ну, подумай, неужели эти скоты действительно мотались за нами всю дорогу по треклятой Галактике, выследили, поймали, чтобы потом отпустить?

– Им пока интересно, куда мы направляемся.

– Зачем же им тогда нужно было нас останавливать, вызывать подозрение, а потом отпускать? Не вижу логики.

– Я останусь при своем мнении. Отпустите меня, Эблинг, или я толкну вас!

Магнифико, скрючившийся в кресле, наклонился вперед. Кончик его громадного носа дрожал от возбуждения.

– Прошу милостиво извинить меня, что я вмешиваюсь в вашу беседу, но в мой скудный разум вдруг пришла странная мысль.

Торан отмахнулся от него, как от назойливой мухи, но Байта, не обратив на это внимания, перемигнулась с Эблингом Мисом.

– Говори, Магнифико. Мы внимательно слушаем тебя.

Магнифико заерзал в кресле и сказал:

– Пока я был на том корабле, я держал ушки на макушке и прислушивался ко всему, что вокруг меня говорили. Старался ни единого словечка не пропустить. Судя по разговорам, они все там чего-то боятся. Много людей смотрели на меня и говорили о чем-то, чего я не понимал. И наконец – как будто луч света пробился сквозь грозовую тучу – я увидел знакомое лицо! Я видел этого человека мельком, но теперь он ожил в моей памяти.

Торан резко спросил:

– Кто это был?

– Тот капитан, который был с нами давным-давно, там, где вы спасли меня из рабства.

Магнифико, видимо, ожидал, что это сообщение произведет сенсацию, и радостно улыбнулся.

– Капитан... Хэн... Притчер? – с трудом выдавил Мис. – Ты в этом уверен? И сейчас уверен?

– Сэр, я клянусь! – воскликнул паяц, прижав к груди худую руку. – Я не побоялся бы и перед Мулом поклясться в этом!

Байта изумленно проговорила:

– Что же это все значит?

Паяц с готовностью откликнулся:

– Моя госпожа, у меня есть идея! Она снизошла на меня, ну, правда, снизошла, как будто Галактический Дух милостиво вложил ее в мою бедную, глупую голову!

Магнифико так воодушевился, что говорил даже громче Торана, тщетно призывавшего его замолчать.

– Моя госпожа, – продолжал он, апеллируя к Байте. – Что если этот капитан, так же как и мы, убежал на этом корабле? Что если он тоже пустился в путешествие, чтобы провести какие-то собственные расследования, и вдруг наткнулся на нас – тогда он должен подозревать нас в том, что мы преследуем его – так же, как мы теперь подозреваем его. Что же тогда удивительного в том, что он и разыграл эту комедию с остановкой нашего корабля?

– А зачем ему понадобилось тащить нас к себе на корабль? Не клеится, – возразил Торан.

– Почему? Очень даже клеится, сэр! – горячо продолжал Магнифико. – Он подослал подчиненного, который нас не знает, но он описал нас, когда говорил в микрофон. Капитан слушал и был поражен – меня-то он сразу вспомнил! Наверное, вряд ли во всей Галактике найдется несчастный, с которым можно меня спутать! А раз я – это я, то и все остальные – те же самые.

– И потом он нас отпустил?

– А разве мы можем судить о том, какая у него цель? И насколько секретна его миссия? Он ведь за нами следил не как враг, и если это так, разве он счел бы разумным рисковать своими планами, раскрывая их перед остальными?

Байта медленно проговорила:

Не упрямысь, Тори. Это все-таки какое-никакое, а объяснение.

Торан почувствовал, что сопротивляться общему согласию бесполезно. Однако что-то в гладкости объяснении паяца ему не понравилось. Что-то было не так. Тем не менее спорить он

не стал, и гнев его постепенно угас.

– Просто я думал, – прошептал он устало, – что было бы неплохо хоть один корабль Мула пустить а расход. Хоть один!

Он вспомнил о капитуляции Хейвена, и глаза его потемнели от боли.

Остальные поняли его и промолчали...

Глава двадцать вторая Смерть на неотренторе

Неотрентор – небольшая планета Деликасс была переименована в Неотрентор после Великого Побойща и нацелое столетие стала резиденцией последней династии правителей Первой Империи. Это был карикатурный мир и карикатурная Империя, и ее существование имело чисто фактологическое значение. Под эгидой первых отпрысков Неотренторианской династии...

Галактическая империя

Название-то какое – Неотрентор! Новый Трентор! Всякому услышавшему его, думалось, что это, наверное, не иначе, как точная копия былого оригинала. Всего лишь в двух парсеках отсюда сияло солнце старого Трентора, и бывшая столица Галактической Империи продолжала свое молчаливое кружение по прежней орбите.

На старом Тренторе по-прежнему жили люди. Их было там что-то около ста миллионов. По старым меркам капля в море. Когда-то население Трентора равнялось сорока миллиардам. Не так давно – всего пятьдесят лет назад.

Теперь колоссальные металлические постройки зияли пробоинами и трещинами. Высоченные шпили были сорваны или погнуты. Здания обреченно взирали на свет глазами пустых, мертвых окон и бойниц и дырами от взрывов – памятью о Великом Побойще, разразившемся сорок лет назад.

Было просто непостижимо, как этот громадный мир бывший центром Галактики в течение двух тысячелетий правивший необъятными просторами космоса, колыбель вершителей законов и правителей, любые прихоти которых были известны на много парсеков отсюда, мог погибнуть всего за месяц. Было непостижимо, что эта колоссальная планета, тысячелетиями остававшаяся неприкосновенной, когда кругом, по всей Галактике бушевали вихри гражданских войн и мятежей, теперь мертва. Разум отказывался верить, что этот вселенский Олимп, Слава Галактики лежит в руинах! Непостижимо – и грандиозно!

Понятно, когда за многие века упорный труд пятидесяти поколений превращается в прах. Но за месяц!

Миллионы людей, оставшихся в живых после гибели миллиардов своих соотечественников, разорвали стальную кору планеты и стали обрабатывать почву, которой не касались лучи солнца уже тысячи лет.

Окруженные механическими шедеврами человеческого разума, замкнутые в кольцо индустриальных монстров, долгие века безжалостно тиранивших природу, эти люди вернулись к земле. На громадных автостоянках росли пшеница и рожь. В тени высоких башен паслись овцы.

Однако существовал Неотрентор – по старым меркам, деревня-деревней, почти незаметная в величественной тени старого Трентора. И быть бы ей деревней, если бы именно туда не рванула дрожащая от страха императорская семья, спасавшаяся от взрывов и пламени, пожиравшего столицу, и затаилась там, пережидая, пока рокошующий вал мятежа не откатился подальше. Там они из последних сил пытались сохранить некое подобие власти – жалкие призраки, правящие смердящими останками Империи.

Теперь Галактическая Империя представляла собой ... двадцать аграрных миров!

Дагобер-IX, правитель двадцати аграрных миров, населенных обедневшими помещиками

и угрюмыми нищими крестьянами, был Императором Галактики, повелителем всего сущего...

Дагоберу-IX было двадцать пять лет, когда он вместе с отцом прилетел на Неотрентор. До сих пор он не забыл славу и мощь Империи. Но его сын, который в один прекрасный день должен был стать Дагобером-X, родился на Неотренторе...

Двадцать миров – вот все, что он знал.

...Скоростной катер Джорда Коммейсона был самым шикарным из средств передвижения на Неотренторе. И это было понятно. Дело тут было не только и не столько том, что Коммейсон был крупнейшим землевладельцем на Неотренторе. Это – полдела. Главная причина была в том, что в первые дни обитания здесь он был правой рукой и злым гением юного крон-принца, виновником последнего вздоха еще не старого Императора. Теперь он стал правой рукой и злым гением еще не старого крон-принца, который ненавидел старого Императора и только об одном и мечтал – как бы скорее занять его место.

Поэтому Джорду Коммейсону, проплывавшему над городом в своем катере, украшенном золотом и перламутром, не было нужды напичкивать свое транспортное средство бластерами – и так было ясно, кто летит. Он пролетал над землями – своими землями, над полями колышущейся на ветру золотой пшеницы – своими полями, над своими молотилками, своими комбайнами, на которых трудились его старательные фермеры и водители, – летел и преспокойно размышлял о своих делах.

Рядом с ним сидел его водитель, который мягко и плавно вел катер невысоко от поверхности планеты и благодушно улыбался.

Джорд Коммейсон, подставив лицо ветру и солнцу, спросил:

– Помнишь, что я говорил тебе, Инчни?

Мягкие седые волосы Инчни развевал ветерок. Тонкие губы раздвинулись. Улыбка обнажила редкие желтые зубы. Вертикальные морщины на впалых щеках стали глубже. Казалось, у него есть какая-то тайна, которую он скрывает даже от самого себя. Свистящим шепотом он ответил:

– Помню, господин, и я подумал...

– И до чего же ты додумался, Инчни?

Он с нетерпением ждал ответа.

А Инчни вспоминал, как он был молод и недурен собой, что на старом Тренторе он был лордом, а на Неотренторе стал пешкой, что и в живых-то он остался исключительно благодаря милости сквайра Джорда Коммейсона и что платил тот ему не за вожделение катера за исполнение его хитрых поручений. Он тихо вздохнул и прошептал в ответ:

– Гости из Академии, господин, – это очень кстати. В особенности, господин, когда они прилетают на одном-единственном корабле и среди них только один сильный мужчина. Их надо бы принять как положено.

– Принять, как положено? – задумчиво переспросил Коммейсон. – Может быть, может быть... Эти люди, однако, волшебники, и у них есть сила.

– П-ф-ф! – фыркнул Инчни. – Правда скрыта веками и расстоянием. Что такое Академия? Мир как мир, самый обычный, только и всего. Там живут самые обычные люди. Если в них стреляют, они умирают – как все.

Инчни легко вел катер. Внизу серебристой лентой извивалась река. Он прошептал:

– Сейчас поговаривают о другом человеке. Вот кто уж точно встряхнет всю Периферию!

Коммейсон сразу стал подозрительным.

– Что ты знаешь об этом?

Водитель перестал улыбаться.

– Ничего, сэр. Просто так, к слову пришлось.

Сквайр недолго оставался в растерянности. Он грубо и твердо заявил:

– Ты ничего не говоришь просто так. Только из-за того, что ты слишком много знаешь, твоя голова пока на плечах. Но я знаю, о чем ты. Этого человека зовут Мул, и его посланник был у нас пару месяцев назад... по делу. Скоро должен прибыть еще один посланник для... завершения переговоров по этому делу.

– А эти? Ну, те, что только что прибыли? Эти – не от него?
– Непохоже.
– Сообщали, что Академия захвачена.
– Я тебе, во всяком случае, этого не говорил.
– Но так сообщили, – беспечно продолжал Инчни. – И если это правда, значит, они могут быть беженцами, а их можно задержать – это очень понравится посланнику Мула.
– Ты так думаешь? – неуверенно спросил Коммейсон.
– Ну, сэр, это же ежу понятно: друг победителя – всегда его последняя жертва. Чтобы ею не стать, нам надо прибегнуть к элементарной самозащите. У нас же есть такое замечательное средство, как психотест. А к нам прибыл четыре человека из Академии, целых четыре мозга, которые можно исследовать. Неплохо было бы узнать побольше об Академии – это может оказаться даже полезнее, чем информация о Муле. И дружба с ним будет не так опасна для нас.
Коммейсон, подставив лицо прохладному ветерку, вернулся к своей предыдущей мысли.
– Ну, а если Академия все-таки не побеждена? Если в сообщениях врут? Говорят, было предсказано, что их победить невозможно.
– Сэр, мы уже не в том возрасте, когда верят в сказочки.
– И все-таки вдруг их не победили, Инчни? Представь. Вдруг их не победили? Мул, правда, мне кое-что обещал... – Тут он почувствовал, что зашел слишком далеко в откровенности. – Ну... в общем, хвастался. Но слова – ветер. Легко сказать, а трудно сделать.
Инчни тихонько рассмеялся.
– Сделать, и правда трудно, по главное – начать. Академия на краю Галактики – нашли чего бояться!
– Да... Но есть еще и принц... – пробормотал Коммейсон, обращаясь больше к самому себе.
– У него тоже дела с Мулом, сэр?
Коммейсон недовольно нахмурился. Инчни был назойлив.
– Да так себе. Слабенько. Не так, как у меня. Но он ведет себя все хуже. Несдержан, вспыльчив. В него как будто бес вселился. Если я задержу этих людей для своих целей, а он вздумает забрать их себе – ему ведь не откажешь в кое-какой проницательности – знаешь, я пока не готов с ним сильно поссориться.
Он нахмурился, одутловатые щеки повисли мешками.
– Вчера я мельком видел этих чужестранцев, – скользь заметил водитель. – Интересная дама, однако, эта брюнетка. Мужская походка, аристократическая бледность...
В голосе его звучали романтические нотки, и Коммейсон удивленно взглянул на него.
Инчни продолжал:
– Думаю, можно избавиться от излишней проницательности принца, если предложить ему разумный компромисс. Вы можете спокойно забрать себе остальных, оставив ему эту даму.
Коммейсон просиял.
– Это мысль! Отличная мысль! Инчни, поворачивай обратно! Слушай, Инчни, если все пойдет хорошо, мы вернемся к разговору о твоей реабилитации.
Что-то символическое было в том, что, войдя в свой кабинет, Коммейсон обнаружил ожидающую его персональную капсулу. Ее доставка была произведена на длине гиперволны, известной немногим. Коммейсон довольно ухмыльнулся. Человек от Мула вот-вот должен был прибыть, а Академия действительно капитулировала...

Не таким представляла себе Байта Императорский дворец и была крайне разочарована. Комната была маленькая, простая, почти обычная. А дворец был намного скромнее, чем дворец мэра в Терминусе, а уж что касается Дагобера IX...

У Байты имелось сложившееся впечатление о том, как должен выглядеть Император. Во всяком случае, он не должен был выглядеть как добренький дедушка школьной подружки. Он никак не должен был оказаться тощим, седым и дряхлым и не мог сам подавать чай гостям, изо всех сил стараясь им угодить.

Но все было именно так.

Дагобер IX ласково улыбнулся, наливая чай в протянутую чашку.

– Это большая радость для меня, моя милочка. Возможность отдохнуть от церемоний и кучи придворных. Ах, как давно меня не навещали мои подданные из дальних провинций! Я уже старенький стал, и всеми делами занимается мой сыночек. Виделись вы с моим сыночком? Хороший мальчик. Молодой еще, горячий, ну да это дело понятное. Хотите ароматную таблеточку. Нет? Зря. Очень вкусно.

Торан попытался по возможности тактично прервать старика.

– Ваше Императорское Величество...

– Да?

– Ваше Императорское Величество, мы не намеревались вас задерживать...

– О. никакого беспокойства. Вечером, конечно, будет официальный прием, а пока мы совершенно свободны. Ну-ка, ну-ка, запомятовал, откуда вы прибыли-то? Знаете, давненько у нас не было официальных приемов. Из провинции Анакреон, вы сказали?

– Из Академии, Ваше Императорское Величество!

– Да-да, из Академии, вот теперь я вспомнил. Я посмотрел, где это. Это в провинции Анакреон. Я там, признаться, никогда не бывал. Доктор не позволяет мне, знаете ли, путешествовать. Что-то не припомню, чтобы тамошний вице-король что-нибудь сообщал в последнее время. Как там у вас дела?

– Сир... – обескураженно пробормотал Торан. – Ничего, мы не жалуемся...

– Это похвально. Надо будет как-нибудь отметить моего вице-короля.

Торан беспомощно глянул на Эблинга Миса, который откашлялся и проговорил:

– Сир, нам сказали, что для посещения Имперской Библиотеки на Тренторе требуется ваше разрешение.

– Трентор? – рассеянно спросил Император. – Трентор?

Его высохшее лицо неожиданно исказилось гримасой боли.

– Трентор? – прошептал он. – Теперь я вспомнил... Я вернусь туда... с эскортом звездолетов. И вы полетите со мной! Вместе мы одолеем мятежников! Этого, как его... Гилмера! Вместе с вами мы восстановим Империю!

Его согбенная спина выпрямилась. Голос зазвучал тверже, увереннее, в глазах загорелся огонек, который, однако, быстро угас. Он часто заморгал и тихо пробормотал:

Только... Гилмер-то умер вроде бы, как мне помнится... Да... Да. Гилмер умер. И Трентор погиб – но, конечно, это не навсегда, не надолго. Так откуда вы прибыли-то, я забыл?

Магнифико шепнул Байте на ухо:

– А это правда Император? Мне все время казалось, что Императоры не так выглядят. Что они должны быть величественнее и мудрее простых смертных...

Байта приложила палец к губам и прошептала в ответ:

– Тс-с-с...

И обратилась к Императору:

– Если Ваше Императорское Величество подпишет приказ, позволяющий нам отправиться на Трентор, это в большой степени поспособствует общему делу!

– На Трентор?

Император побледнел, руки у него дрожали.

– Сир! – продолжала Байта. – Вице-король Анакреона, от имени которого мы говорим с вами, утверждает, что Гилмер до сих пор жив.

– Жив? Жив?! – взорвался Дагобер. – Где он? Ну, я ему задам. Будет война!

– Ваше Императорское Величество, об этом пока еще рано говорить. Его местопребывание пока не выяснено окончательно. Наш вице-король послал нас, чтобы мы сообщили вам об этом, но только побывав па Тренторе, мы сможем точно выяснить, где он скрывается. А когда мы отыщем его...

– Да, да! Его нужно отыскать!

Старый Император на ватных ногах добрал до ближайшей стены и коснулся, дрожащими

пальцами маленького глазка фотоэлемента. После неловкой паузы он пробормотал:

– Слуги не идут. У меня нет времени их ждать.

Порывшись в столе, он вытянул из кипы бумаг чистый лист, что-то нацарапал на нем и подписал затейливым «Д».

– Гилмер еще узнает, как велик его Император! Так откуда вы прибыли-то? Запомнявал... Анакреон? Ну, и как там дела у вас? Ваш народ чтит своего Императора?

Байта взяла лист из трясущейся руки Императора.

– Наш народ любит Ваше Величество. Наш народ знает, как Ваше Величество любит своих подданных!

– Нужно будет мне как-нибудь навестить моих добрых подданных в Анакреоне, но мой доктор говорит... не помню, что он говорит... только...

Сощутив выцветшие глаза, он спросил у Байты:

– Вы, барышня, что-то сказали про Гилмера?

– Нет, Ваше Императорское Величество.

– Ничего у него не выйдет, у проклятого мятежника! Когда вернетесь, так и скажите своему народу. Трентор выстоит! Мой отец сейчас во главе Флота, и гадкий изменник Гилмер скоро будет выброшен на веки вечные в мертвящий холод пространства вместе со своими приспешниками!

Он устало опустился в кресло. Огонь в его глазах погас.

– О чем я... говорил?

Торан поднялся и отвесил низкий поклон Императору.

– Вы были так добры к нам, Ваше Императорское Величество, но, к сожалению, время, назначенное нам для аудиенции, истекло.

На короткое мгновение Дагобер-IX действительно стал похож на Императора – он встал, выпрямился и оставался недвижим, пока его гости один за другим, кланяясь, исчезали в двери... за которой их ожидали двадцать вооруженных охранников, сомкнувшихся плотным кольцом. Мелькнула вспышка бесшумного выстрела...

...Сознание медленно возвращалось к Байте, но вопроса «Где я?» у нее не возникло. Она отчетливо помнила и чудаковатого старика, называвшего себя Императором, и других, которые ждали за дверьми. В суставах противно покалывало. Это означало, что стреляли в нее из парализующего пистолета.

Она стояла, не открывая глаз, и болезненно прислушивалась к голосам, звучавшим рядом.

Разговаривали двое. Первый говорил с растяжкой, вежливо, с хитрецей, спрятанной за внешним подобострастием. Голос второго был хрипл и груб. Байте не понравились оба.

Обладатель грубого голоса говорил чаще и больше.

Байта поймала последнюю фразу.

– Он будет жить вечно, этот старый болван! Я устал! Мне надоело, черт подери! Годы идут, я тоже старею!

– Ваше Высочество, давайте сначала посмотрим, какую выгоду мы можем извлечь из наших пленников. Ведь может оказаться, что мы станем обладателями источников могущества, которое и не снилось вашему батюшке.

Грубый голос превратился в булькающий шепот. До Байты долетали только отдельные слова. Она разобрала слово «девушка»... Второй, вкрадчивый голос что-то бубнил на одной ноте и в конце концов произнес погромче, почти по-отечески:

– Ну что вы, Ваше Высочество, вы не стареете. Плюньте в лицо тому, кто скажет, что вам больше двадцати!

Они дружно расхохотались. Сердце Байты билось медленно. Казалось, кровь стынет в жилах. «Дагобер... Ваше Высочество...» Старик Император говорил о сыне... Смысл того, что было сказано шепотом, стал постепенно доходить до нее. Нет, это невозможно!

Из состояния ступора ее вывел голос Торана, разразившегося многоэтажным проклятием.

Она открыла глаза, поймала взгляд Торана. Ей стало немного легче. Торан яростно

выпалил:

– За вашу бандитскую выходку вы ответите перед Императором! Немедленно освободите нас!

Байта наконец поняла, что ее запястья и лодыжки прикованы к стене и полу гравитационным полем.

Обладатель грубого голоса подошел к Торану. Вид у него был премерзкий – одет неопрятно, обрюзгший, синяки под опухшими веками, слипшиеся жиденькие волосики, съехавшая набок охотничья шапочка с легкомысленным перышком. Борта засаленной жилетки были отделаны серебристой вышивкой.

Он хмыкнул, изобразив на физиономии искреннее удивление:

– Император? Бедный сумасшедший Император!

– У меня есть его Указ! Никто не смеет чинить нам никаких препятствий! Ни один Его подданный!

– Ишь ты! Подданного нашел! Я не подданный! Понял ты, подонок? Я – регент и крон-принц, вот так ко мне и обращайся, сопляк! Что же до моего папаши-идиота, маразматика старого... ха-ха-ха! Просто ему приятно время от времени принимать гостей, и я не лишаю его этой маленькой радости. Пусть себе тешится, вспоминает дни своей молодости и бывшего могущества, чего там, мне не жалко. Вот так-то. А вы и поверили, уши развесили, олухи!

Отойдя от Торана, он приблизился к Байте. Она с ненавистью смотрела на крон-принца. Тот подошел вплотную, и ей стало еще противнее – так от него мерзко пахло. Обдавая ее зловонным дыханием, он проговорил.

– А глазки ничего, Коммейсон... Так она даже симпатичнее. Подойдет, пожалуй. Деликатес для изощренного гурмана, ага?

Торан отчаянно пытался освободиться от гравитационных пут, а крон-принц и бровью не повел. У Байты по спине мурашки забегали, Эблинг Мис пока не пришел в себя. Голова его безжизненно свисала на грудь. Но как же удивилась Байта, увидев, что глаза Магнифико широко раскрыты – так, как будто он открыл их уже давно! Его пламенный взор был устремлен на Байту. Он всхлипнул и кивнул в сторону крон-принца:

– Этот... отобрал мой видеосонор!

Крон-принц резко обернулся на голос паяца.

– Так он твой, чудище?

И стянул с плеча инструмент, висевший на зеленом шнуре.

– Твой, спрашиваю?

Он неуклюже пробежался пальцами по клавишам, извлекая режущие ухо диссонансы.

– Можешь изобразить чего-нибудь, чудище?

Магнифико кивнул.

Торан вмешался.

– Вы захватили корабль Академии! Если Император не вмешается, вмешается Академия.

Коммейсон – обладатель вкрадчивого голоса – с кривой усмешкой проговорил:

– Это какая такая Академия? Или Мул уже не Мул?

Ответа не последовало. Крон-принц довольно ослабился. Поле, державшее руки и ноги паяца, было отключено. Крон-принц грубо сунул ему в руки видеосонор.

– Ну-ка, сыграй нам, чудище! – буркнул принц, – Сыграй для нас серенаду о любви и красоте нашей чужеземной гостьи! Объясни ей, что тюрьма моего папаши – не дворец, но что я могу отвести ее во дворец, где она будет купаться в розовой водичке и познает любовь принца. Играй и пой о любви принца, чудище!

Он присел на низкий мраморный столик, лениво покачивая жирной ножищей. Его сальная улыбочка вызвала у Байты бессильное бешенство. Торан беспомощно пытался сорвать гравитационные путы, но, увы, это было бесполезно. Лицо его покрылось капельками пота. Эблинг Мис пошевелился и застонал.

Магнифико сморщился и прошептал:

– У меня... пальцы онемели – как деревяшки!

– Играй, чудище!! – проревел принц. По знаку Коммейсона был выключен свет. В полумраке кронпринц встал, сложил на груди руки. Он ждал...

Длинные, тонкие пальцы Магнифико стремительно забегали по клавишам – от одного края клавиатуры до другого – и вот резко очерченная радуга перекинулась через тюремную камеру. Зазвучал низкий, глухой, вибрирующий, скорбный аккорд. Тембр становился выше, слышался громкий смех, за переливами которого угадывался рокошущий звон огромного погребального колокола.

Казалось, мрак сгущается. Музыка доносилась до слуха Байты как бы сквозь плотную складчатую завесу. Она видела слабый свет, мерцавший где-то далеко-далеко, будто одинокая свеча тускло мерцала со дна глубокого темного колодца.

Инстинктивно она напрягла зрение. Свет стал ярче, но оставался как бы за пеленой тумана. Пламя металось, извивалось, меняло оттенки... Внезапно музыка стала пронзительной, злобной, переросла в душераздирающее крещендо. Свет кидался из стороны в сторону, в такт ускоряющемуся ритму. Внутри островка света что-то корчилось, копошилось – что-то мерзкое, издававшее ядовитые металлические стоны и вопли.

Байта сражалась с изматывающим душу чувством. Ее все сильнее сжимало в объятиях отчаяние и бессилие. Она с ужасом вспомнила то состояние, что охватило ее в последние дни в Хейвене. Это было оно – то самое жуткое, изнурительное, обволакивающее как липкая паутина ощущение страха и отчаяния! Она съежилась, пытаясь закрыться, защититься.

Музыка наваливалась на нее волнами кошмарного хохота, и только тогда, когда ей удалось вымученным движением отвести взгляд в сторону, из поля зрения исчез корчащийся в пламени кошмар. Лоб ее похолодел, по нему стекали струйки липкого пота.

Резко, неожиданно музыка смолкла. Байта почувствовала несказанное облегчение. Вспыхнул свет, и совсем рядом она увидела горящие глаза Магнифико.

– Моя госпожа! – выдохнул он. – Вам плохо?

– О, Магнифико, не спрашивай! Почему ты... так играл?

Постепенно она разглядела остальных. Быстро скользнула взглядом по безжизненно прилипшим к стене фигурам Торана и Миса. У столика на полу в странной позе распростерся на полу крон-принц. Коммейсон сидел рядом, расставив ноги, выпучив глаза, глотая воздух, как выброшенная на берег рыба.

Магнифико шагнул к нему – тот издал истошный вопль и закрылся руками.

Магнифико отвернулся, подошел к пульту и отключил гравитационное поле.

Торан, уже успевший прийти в себя, рванулся впереди мертвой хваткой схватил Коммейсона за загривок.

– Пойдешь с нами! Проведешь нас к кораблю, понял, мерзавец?!

... Два часа спустя на корабле Байта подала на стол шикарный домашний пирог, и Магнифико, забыв обо всяких правилах приличного поведения, набросился на него.

– Вкусно, Магнифико?

– М-м-м!

– Магнифико?

– Да, моя госпожа!

– Все-таки что ты там играл?

Паяц нахмурился.

– Я... лучше я не буду об этом говорить... Давно когда-то разучил эту вещь. Видсосонон очень сильно действует на нервную систему, госпожа. Это, конечно, была злая шутка, но я вовсе не предназначал ее для чистого, невинного слуха!..

– Ну-ну, Магнифико, ты мне льстишь. Не так уж я невинна. Скажи, а я видела то же, что эти?

– О, надеюсь, нет! Я играл только для них. Вы должны были видеть только бледное подобие – как бы издавека.

– Мне хватило. Ты знаешь, что ты довел принца до обморока?

Прожевав здоровенный кусок пирога, Магнифико проговорил:

– Я убил его, моя госпожа.

– Что?! – сглотнув подступивший к горлу комок, спросила Байта.

Когда я закончил играть, он был мертв. Можно было не продолжать – Коммейсон меня не интересовал. Он, конечно, мог бы убить нас всех или пытаться. Но этот принц, госпожа, он... бросал на вас греховные взгляды, и... – он замолчал, испугавшись собственной откровенности.

Байту пронзила странная догадка, но она постаралась поскорее прогнать внезапную мысль.

– Магнифико, добрая ты душа!

– О, моя госпожа... – пробормотал Магнифико, стряхивая с подбородка крошки.

В дверь заглянул Эблинг Мис и поманил их рукой.

Трентор был близко – его металлическая поверхность зловеще сверкала в видовом иллюминаторе. Торан с горечью проговорил:

– Тут нам делать нечего, Мис. Посланец Мула наверняка опередил нас.

Эблинг Мис потер лоб тыльной стороной ладони и пробормотал что-то невыразительное. Торан раздраженно добавил:

– Говорю вам, эти подонки знают, что Академия пала! Вы слышите?

– А? – очнулся Эблинг Мис.

Он мягко коснулся руки Торана. Было совершенно ясно, что он не слышал ни слова.

– Торан, я... смотрел на Трентор. Знаешь... у меня странное чувство... оно не покидает меня с тех самых пор, как мы приземлились на Неотренторе. Мне кажется, я начал что-то понимать... Мысли скачут в голове, просятся наружу. Все становится понятнее – никогда я еще не ощущал этого яснее!

Торан недоверчиво покосился на него и пожал плечами. Слова психолога явно не произвели на него никакого впечатления.

Он осторожно промолвил:

– Мис...

– Да?

– А вы не заметили, что в тот момент, когда мы стартовали, на Неотрентор приземлился корабль?

– Не тот ли, на котором якобы капитан Хэн Притчер?

– Тот самый, на котором черт его знает кто! Информация Магнифико – вот что идет по нашим следам, Мис.

Эблинг Мис ничего не ответил.

Торан громко спросил:

– Вам плохо? Что с вами?!

Глаза Миса сверкали. Он застыл, глядя а одну точку, и молчал, молчал...

Глава двадцать третья Руины трентора

Найти нужное место на такой громадной планете, как Трентор – сложнейшая проблема. На Тренторе нет ориентиров типа континентов или океанов, нет ни рек, ни озер.

Окутанная облаками колоссальная планета представляет (вернее, когда-то представляла) собой огромный мир, единый город. На фоне общего серо-стального пейзажа выделялась только территория бывшего императорского дворца. «Байта» описывала круги на орбите прогулочного катера – и все без толку.

Они летали вокруг Трентора, опускаясь от полюсов к экватору. На полюсах набухли ледяные шапки, из которых торчали покосившиеся стальные шпили, молчаливо свидетельствуя о том, что система искусственного климата приказала долго жить. Время от времени Торан сверялся с картой, добытой на Неотренторе.

Но когда они увидели то, что искали, ошибки быть не могло. Разрыв в металлической обшивке планеты тянулся миль па пятьдесят. Яркая, режущая глаз зелень на сером фоне

покрывала пространство площадью примерно в сто квадратных миль. Сквозь зелень деревьев проступали контуры строений бывшей резиденции Императоров Галактики.

«Байта» развернулась и пошла на посадку. Данные для выбора направления у путешественников были весьма приблизительные. Длинные, прямые стрелки на карте – и гладкие, сверкающие ленты магистралей внизу. К тому месту, где на карте был обозначен университетский квартал, они двинулись наугад. Скоро корабль мягко приземлился на гладком безлюдном поле, некогда бывшем оживленным космопортом.

Только ступив на металлическое покрытие летного поля, они по-настоящему ощутили атмосферу разрухи, не заметную сверху. Искореженные верхушки шпилей, пробойны и трещины в гладких стенах зданий... Совсем недалеко от места приземления виднелась полоса открытой земли – настоящей, темной, вспаханной земли...

Ли Сентер терпеливо ждал, когда опустится корабль. Звездолет был странный, явно не с Неотрентора. Он глубоко вздохнул. Незнакомые корабли, контакт с людьми из других миров – это могло означать конец хрупкого благоденствия и возвращение к дням гибельных сражений. Сентер был главой группы. В его обязанности входила забота о древних книгах, в которых он прочел о давних временах. Ему очень не хотелось, чтобы те времена возвратились вновь.

Примерно десять минут он следил за спуском корабля. За это время он успел многое передумать. Он вспомнил огромную ферму, на которой родился, где прошло его детство. Там было много, много людей... Потом началось массовое переселение народа на новые земли. Ему тогда было всего десять лет, у родителей он был единственным сыном. Тогда он был удивлен и напуган.

Он вспоминал о том, как впервые увидел незнакомые строения – огромные металлические башни – их нужно было вырвать с корнем, растащить в стороны... Под ними открылась земля, которую нужно было вспахивать, поливать и удобрять, расчищать от зданий все новые и новые пространства, а другие здания надо было переоборудовать под жилье...

Нужно было выращивать растения и собирать урожай, налаживать обмен с соседними фермами...

Хозяйство росло и укреплялось, воцарялось благоденствие самоуправления. Выросло новое поколение – поколение крепких, низкорослых, широкоплечих парней, привыкших с малолетства трудиться на земле. Он помнил тот торжественный день, когда его поставили во главе группы. В тот день он впервые не побрился, и у него начала отрастать борода – неотъемлемый атрибут внешности руководителя группы...

И вот теперь внешний мир напомнил о себе и мог положить конец их идиллической изоляции...

Корабль приземлился. Сентер молча наблюдал, как открылся входной люк. Оттуда вышли четверо – ступая осторожно, с опаской оглядываясь по сторонам. Среди прибывших было трое мужчин – один старик, один молодой, высокий, а третий – неопределенного возраста, носатый и худой. Четвертая – женщина, державшаяся как равная. Сентер уверенно шагнул навстречу незнакомцам.

Он поприветствовал их символическим жестом мира – протянул перед собой пустые ладони.

Молодой мужчина сделал два шага вперед, повторил жест и сказал:

– Мы пришли к вам с миром.

У него был странный акцент, но понять было можно, и тон самый дружелюбный. Сентер гулко повторил:

– Да будет мир между нами. Добро пожаловать. Я приветствую вас от имени всей нашей группы. Вы голодны? Вас накормят. Вы хотите пить? Вас напоят.

Последовал ответ:

– Благодарим вас за вашу доброту. Когда мы вернемся в свой мир, мы расскажем о вашей группе все самое хорошее.

Странный был ответ, но Сентеру он понравился. За его спиной прибывших встречали улыбками мужчины из его группы, из хозяйственных построек одна за другой стали появляться

женщины.

У себя в квартире он достал из шкафчика запертую на ключ большую шкатулку с зеркальными стенками. В шкатулке лежали длинные толстые сигары. Эта шкатулка извлекалась на свет только в дни особых торжеств. Обнося гостей сигарами, он несколько растерялся, остановившись перед женщиной. Она сидела рядом с мужчинами как равная. Значит, у чужестранцев было так заведено. Он протянул ей шкатулку.

Улыбнувшись, она взяла сигару и, нимало не смущаясь, закурила, с удовольствием вдыхая ароматный дым. Ли Сентер был шокирован, но сдержал себя.

До еды разговор шел в основном на тему фермерства на Тренторе.

Старик спросил:

– А как тут у вас с гидропоникой? Ведь для такого мира, как Трентор, лучше просто не придумаешь!

Сентер медленно покачал головой. Он смутно припоминал это слово. Оно встречалось ему в древних книгах.

– Если не ошибаюсь, вы имеете в виду выращивание растений без почвы с помощью химических растворов? Нет, это на Тренторе не годится. Для этой гидропоники нужна целая индустрия, например, – развитая химическая промышленность. А вдруг – война или стихийное бедствие – какая уж тут промышленность? Люди будут голодать. Нельзя все выращивать в искусственных условиях. На земле лучше – и дешевле, и надежнее.

– И хватает вам того, что вы выращиваете?

– Хватает, но, пожалуй, наше меню несколько однообразно. У нас есть птица, яйца, молочный скот – стало быть, есть молочные продукты и мясо, но мясо мы большей частью покупаем.

– Вот как? Вы торгуете? – проявил неожиданный интерес молодой мужчина. – И что же вы экспортируете?

– Металл, – коротко отозвался Сентер. – Сами посудите: у нас неисчерпаемые запасы превосходного, высококачественного металла. С Неотрентора прибывают корабли, выбирают определенный участок, снимают с него металл – тем самым еще и нам помогают, расширяя наши посевные площади. А в обмен оставляют нам мясо, консервированные фрукты, пищевые концентраты, сельскохозяйственную технику и так даже. Очень выгодно – и для нас, и для них.

К столу подали хлеб, сыр и вкуснейшее овощное рагу. Импортными продуктами были только замороженные фрукты на десерт. Когда приятная трапеза была завершена, выяснилось, что прибывшие – не просто туристы. Молодой человек достал карту Трентора.

Ли Сентер внимательно рассмотрел ее и сообщил:

– Университетский район – неприкосновенная территория. Мы ее пальцем не тронули. Мы стараемся туда даже не заходить без дела. Это – одна из немногих реликвий, оставшаяся от старых времен, и мы ее бережно охраняем.

– Мы прилетели к вам в поисках знаний. Мы клянемся, что ничего там не нарушим, не испортим. В залог мы готовы оставить вам наш корабль! – горячо сказал старик.

– Ну что ж, пойдемте. Я сам отведу вас, – ответил Ли Сентер.

Поздно ночью, когда чужестранцы уже спали, Ли Сентер отправил донесение на Неотрентор.

Глава двадцать четвертая Превращение

Робкое, хрупкое бытие теперешнего Трентора отступило и растаяло как облачко, когда они ступили на университетские земли. Огромные, увенчанные высокими куполами здания стояли, величаво поблескивая на солнце – как во времена Селдона. Царила торжественная, безлюдная тишина.

Гости из Академии ничего не ведали о тех жутких, кошмарных днях Великого Побоища, после которых нетронутым остался только Университет. Они не знали ничего и о том времени,

которое настало после краха императорской власти, когда студенты, расхватав какое попало оружие, встали на защиту Alma Mater, средоточия научной мысли Галактики. Они ничего не знали и о семидневной обороне, о тех жертвах, благодаря которым Университет был спасен и его не коснулась чья-либо рука в то время, когда даже по залам Императорского Дворца разносился топот кованых сапог Гилмера и его солдат. К счастью, его правление длилось недолго...

Гости из Академии, впервые попавшие сюда, осознавали только одно: в мире, похоронившем затхлое прошлое и возрождающем хрупкое, зыбкое настоящее, этот островок таил в себе спокойствие, музейное величие старины.

В каком-то смысле они сами себе казались интервентами. Колоссальные размеры безлюдных помещений действовали угнетающе. Казалось, здесь все еще царит строгая академическая атмосфера, что она жива, и недовольна тем, что ее потревожили.

Библиотека размещалась в относительно небольшом здании, размеры которого, однако, сильно увеличивало колоссальное подземное хранилище. Там было тихо. Эблинг Мис остановился у стены, украшенной грандиозной фреской, в зале приема заказов на книги. Он прошептал (здесь почему-то все невольно переходило на шепот):

– Кажется, мы проскочили каталожные залы. Я вернусь туда.

Лицо его зарумянилось, руки дрожали.

– Я тут хочу побыть один, Торан. Если можно, устрой так, чтобы еду мне принесли сюда.

– Как скажете, Мис. Все что угодно. Все, что в наших силах. Хотите, мы поработаем вместе с вами, поможем...

– Нет-нет. Я сам.

– Я позабочусь, чтобы у вас было все необходимое. Вы думаете, нам удастся найти то, что нужно?

Эблинг Мис тихо, но уверенно ответил:

– Я знаю, что найду!

...Торан и Байта плотную столкнулись с проблемой налаживания домашнего быта – пожалуй, впервые за все время их супружества. Станный это был быт. Непривычный. Они разместились в полупустом университетском помещении и совершенно запросто и довольно быстро освоились. Еду они добывали в основном на ферме Ли Сентера, расплачиваясь за нее компактными бытовыми ядерными приспособлениями, которые всегда в избытке имеются на любом торговом корабле.

Магнифико быстро освоился с проекторами в читальном зале и целые дни напролет просиживал там, просматривая боевики и мелодрамы, забыв про сон и еду, как и Эблинг Мис.

Эблинг же похоронил себя заживо в дебрях каталогов и хранилищ. Он добился, чтобы ему поставили кушетку прямо в зале справочных изданий по психологии. Он исхудал, побледнел. Давно друзья не слышали от него ворчливой ругани, сопровождавшейся неизменным «извиняюсь за выражение». Старика как подменили. Он порой с трудом узнавал Торана и Байту.

Более легко он общался с Магнифико, который приносил ему сверху еду и частенько просиживал рядом с ним часами, молча наблюдая, как старый психолог выписывает на бумаге длиннющие уравнения, потом проверяет их решение по куче справочников и фильмокопий, как сидит часами, уставившись в одну точку, проверяя очередную, ему одному ведомую догадку.

...Торан наткнулся на Байту, сидевшую в полутемной комнате, и резко спросил:

– Байта, ты?

Байта виновато спросила у него:

– Да? Я тебе нужна, Тори?

– Конечно, нужна. Что ты тут делаешь? Вообще, я давно хотел сказать тебе... с тех пор как мы на Тренторе, ты ведешь себя странно. Что с тобой происходит?

– О, Тори, ради бога, перестань! – раздраженно проговорила она.

– «О, Тори, перестань!» – сердито передразнил ее Торан и добавил мягко, нежно: – Бай, ну скажи, что с тобой? Я же вижу, что-то мучает тебя!

– Нет-нет. Ничего подобного, Тори. Если ты будешь приставать и допытываться, вот тогда-то я точно сойду с ума. Просто я... думаю.

– О чем, Бай?

– Ни о чем. Ну, если хочешь – о Муле, о Хейвене, об Академии – обо всем сразу. О Эблинге Мисе. О том, найдет ли он то, что ищет. О Второй Академии. О том, поможет ли нам то, что он найдет, и еще о целой куче вещей. Ты доволен? – устало спросила она.

– Если тебе хочется поиздеваться надо мной, то лучше перестань, прошу тебя. Во-первых, мне это неприятно, а во-вторых – никому от этого не легче.

Байта устало поднялась с кресла и вяло улыбнулась. Издалека донесся взволнованный голос Магнифико:

– Моя госпожа!

– В чем дело? Входи!..

Голос Байты сорвался. Вместо Магнифико в дверном проеме возник высокий мужчина в темной форме, с до бели знакомым лицом.

– Притчер! – воскликнул Торан.

Байта выдохнула:

– Капитан! Как вы отыскиали нас?

Притчер шагнул за порог. Голос его звучал ровно и четко, как всегда, но был начисто лишен эмоциональной окраски.

– Я теперь в чине полковника и служу у Мула.

– У Мула?

У Торана запершило в горле. Трое старых знакомых молча стояли друг перед другом.

Магнифико бочком вошел и, дрожа, притаился за спиной у Торана. На него никто не обращал внимания. Байта судорожно сцепила руки перед грудью.

– Вы... пришли, чтобы арестовать нас? Неужели вы действительно перешли на их сторону?

Полковник резко мотнул головой из стороны в сторону.

– Я пришел не для того, чтобы вас арестовать. Это в моих инструкциях не указано. Что касается вас, я действую лично от себя и зашел исключительно по старой памяти, из дружеских соображений, если вы не возражаете.

Лицо Торана исказил гнев.

– Как вы нас нашли? Значит, вы действительно были на филианском корабле? Вы шпионили за нами?

Каменная непоколебимость выражения лица Притчера несколько смягчилась.

– Да, я был на филианском корабле. С вами я там встретился случайно.

– Такая случайность невозможна!

– Нет, не невозможна. Маловероятна, скажем так, но тем не менее вам придется мне поверить на слово. Во всяком случае, вы заявили «филианцам» – к слову сказать, такой нации в природе не существует, – что направляетесь в Тренторианский сектор, а поскольку у Мула к тому времени была уже налажена связь с Неотрентором, было совсем нетрудно задержать вас там. К сожалению, вам удалось удрать оттуда еще до того, как туда прибыл я, но совсем незадолго до того. У меня еще оставалось время сообщить всем фермам на Тренторе о вашем прибытии и отдать приказ, чтобы они немедленно доли знать, как только вы появитесь. Что и было сделано. И вот я здесь. Можно, я присяду? Повторяю, я пришел к вам из дружеских побуждений, уверяю вас!

Он сел. Торан нахмурился и сосредоточенно размышлял. Байта, двигаясь как во сне, приготовила чай, Торан метнул на Притчера суровый взгляд.

– Ну, так чего же вы хотите, кап... ах, простите, полковник? Что означают ваши «дружеские» побуждения? Если это не арест, то что же тогда? Не хитрите! Позовите своих людей и отдайте приказ!

Притчер грустно покачал головой.

– Нет, Торан. Я пришел к вам по собственной воле, поговорить с вами хотел, убедить вас в

беспольности того, что вы делаете. Если мне это не удастся, я уйду. Вот и все.

– Все? Ну, тогда вперед, давайте разворачивайте пропаганду и... проваливайте, понятно? Байта, я чаю не хочу!

Притчер принял из рук Байты чашку, кивком поблагодарив ее. Прихлебывая чай небольшими глотками, он пристально глядел на Торана. Помолчав, проговорил:

– Мул – мутант. Природа его мутации непобедима.

– Почему? Что за мутация такая? – спросил Торан со злорадной ухмылкой. – Может, вы нам поясните, а?

– Да, поясню. То, что вы будете знать об этом, ему нисколько не повредит. Дело вот в чем. Он способен воздействовать на эмоциональное равновесие людей. Кажется, это нечто вроде безобидного фокуса, но противостоять этому и победить это невозможно.

Байта вмешалась.

– Эмоциональное равновесие? – нахмурилась она. – Может быть, объясните подробнее? Я что-то не совсем поняла.

– Я хочу сказать, что ему ничего не стоит превратить самого своего яростного противника из армии врага в преданнейшего раба, бесповоротно уверенного в неминуемой победе Мула. Все его генералы находятся под контролем такого рода. Они не могут предать его, мысли их не могут принять иного направления. Контроль, над ними осуществляется постоянно. Самые умные, самые сильные его враги становятся его верными и преданными подданными. Диктатор Калгана сдал свою планету и скоро будет объявлен официальным вице-королем Академии.

– А вы, – с горечью в голосе добавила Байта, – предали свое дело и стали послом Мула на Тренторе. Все ясно!

– Я еще не закончил. Дар Мула действует еще в одном направлении и еще более эффективно. Отчаяние – вот эмоция, которую он старательно культивирует! И в критический момент правители Академии, а потом и правители Хейвена – отчаялись. Их миры пали практически без борьбы.

– Вы хотите сказать, – сурово спросила Байта, – что чувства, охватившее меня тогда, в Склепе Селдона, было вызвано тем, что моими эмоциями управлял Мул?

– Так же, как и моими. Эмоциями всех. А как было в Хейвене?

Байта отвернулась.

Полковник Притчер продолжал:

– Это действует как на отдельных людей, так и на целые миры. Разве можно бороться с силой, которая способна заставить вас добровольно сдаться, когда сама мысль об этом вам противна?

Торан медленно проговорил:

– Как вы можете убедить меня в том, что это правда?

– А как иначе можно объяснить капитуляцию Академии и Хейвена? Как можно иначе объяснить то, что произошло со мной? Подумайте, дружище! Чего мы добились – вы, я, вся Галактика, объединившаяся против Мула за все это время? Чего мы добились?

Торана прорвало:

– Черт подери, я вам скажу, чего мы добились!

Со злорадным удовлетворением он выкрикнул:

– Ваш распрекрасный Мул наладил связь с Неотрентором, где по его приказу нас захватили, да? Этой связи больше нет, и даже более того! Мы убили кронпринца, а его ближайший приспешник сошел с ума. Мул не остановил нас там и не сделал этого до сих пор!

– Все так, но не совсем так. Они не были нашими людьми. Крон-Принц – пьяница и ничтожество. Второй, Коммейсон, – просто феноменальный тупица. В своем мире он имел определенную власть, но это не мешало ему быть порочным, злобным и абсолютно некомпетентным. С ними каши не сваришь. Бледные призраки, и только...

– Тем не менее задержали нас – или пытались задержать – именно они!

– И еще раз – нет! У Коммейсона, к вашему сведению, был личный водитель, почти раб, по фамилии Инчни. Ваше задержание – его рук дело. Он, правда, не молод, но на какое-то

время нас вполне устроит. Сами видите, его вам убрать не удалось.

Байта сверлила полковника глазами. Как и Торан, она к чаю не притронулась.

– Погодите, Притчер. Вы же сами сказали, что ваши эмоции находятся под контролем. Вы верите в победу Мула – верите патологически, неправдоподобно. Как же мы можем доверять тому, что вы сейчас говорите? По идее, вы должны утратить всякую способность объективно мыслить!

– Вы ошибаетесь, – ответил полковник, медленно покачивая головой. – Под контролем только мои эмоции. Разум в полном порядке. На мое мышление могут, конечно, оказать влияние наплывы эмоций, но заставить меня думать иначе никто не может. И теперь, признаться, я вижу многие вещи более ясно, освободившись от тех эмоций, которые владели мною раньше.

Я могу судить о том, что программа Мула умна и цельна. За время, прошедшее с тех пор, как произошло мое... превращение, я проследил его карьеру с самого начала, то есть на протяжении семи последних лет. Обладая мутированными психическими способностями, он начал с того, что одолел какого-то бандита, и на его сторону перешла неплохо вооруженная шайка. С небольшой кучкой людей он захватывал одну планету за другой, пока не добрался наконец до Калгана, где сверг диктатора. Каждый следующий его шаг логично следовал за предыдущим. С Калганом в кармане он стал обладателем первоклассного флота, и с его помощью, и со своей фантастической психической силой вдобавок он нападает на Академию.

Академия – ключевой момент. Это величайшая по площади территория, где сконцентрирована индустриальная мощь Галактики. И теперь, когда все ядерные ресурсы Академии а его руках, он стал фактическим хозяином Галактики. Имея всю эту технику и свой дьявольский дар, он сумеет подчинить себе все, что еще осталось от старой Империи, и, скорее всего, после смерти старого Императора, который безумен и немощен и долго не протянет, он станет новым Императором. Тогда у него появится имя. И тогда, когда у него будет все это – плюс его сатанинский талант, который никуда не денется, – разве отыщется в Галактике хоть один мир, который будет способен ему сопротивляться? Ведь за эти семь лет он фактически создал новую Империю, сделал то, чего не могла бы добиться психоистория Селдона еще за семьсот лет. В Галактике наконец наступит мир и порядок. И вы ничего не сможете с этим поделать – как не смогли бы руками остановить вращение планеты.

Притчер умолк. Наступила долгая пауза. Чай остыл. Полковник допил его, налил себе еще, поболтал чашку. Торан яростно кусал ногти. Лицо Байты стало холодным, далеким, бледным. Она тихо проговорила:

– Вы нас не убедили. Если Мулу так хочется, пусть сам придет сюда и попробует нас... обработать. Я так понимаю, вы-то до конца сопротивлялись своему превращению?

– Безусловно, – твердо ответил Притчер.

– Так оставьте и нам такую возможность.

Полковник Притчер встал и сказал последнее:

– Ну что ж, я уйду. Как я уже сказал, в настоящее время я не имею относительно вас никакого приказа. Поэтому я не думаю, что должен сообщать куда следует о вашем местопребывании. Это не такая уж большая милость. Если Мул захочет, он найдет для этого дела других людей и они остановят вас. Я же не собираюсь превышать свои полномочия.

– Спасибо вам, – мягко сказала Байта.

– Только вот... насчет Магнифико. Где он? Выходи, Магнифико, я тебя не обижу.

– Что насчет него? – снова нахмурилась Байта.

– Ничего особенного. О нем тоже нет ни слова в моих инструкциях. Просто я слышал, что его продолжают разыскивать, и уверен, что Мул найдет его, если захочет. Но я никому ничего не скажу. Руку-то пожмете на прощание?

Байта крепко, искренне пожала руку полковника. Торан молча смотрел в сторону.

Полковник шагнул к двери. На пороге обернулся и сказал:

– И еще одно, последнее. Не думайте, что мне неизвестно, почему вы так упорствуете. Нам известно, что вы ведете поиски Второй Академии. Мул в свое время примет

соответствующие меры. Вам ничто не поможет. Но... мы с вами были дружны когда-то. Сам не знаю, что это такое – совесть, добрые воспоминания или что другое, но только я чувствовал, что обязан предупредить вас, помочь вам отдалить насколько возможно ужас конца, пока еще не поздно. Прощайте!

Он резко отсалютовал, щелкнул каблуками и стремительно удалился.

Байта обернулась к Торану и прошептала:

– Они даже про Вторую Академию знают!

...А в глубинах библиотеки Эблинг Мис, ничего не подозревавший о том, что происходило наверху, ощутил внезапное озарение – как будто звездный свет озарил непроницаемую тьму, И сам себя поздравил.

Глава двадцать пятая Смерть психолога

После этих событий Эблингу Мису оставалось жить всего две недели.

За эти две недели Байта виделась с ним три раза. Первый раз – ночью того дня, когда к ним приходил полковник Притчер. Второй – через неделю. И последний раз – еще через неделю, в день его смерти.

Итак, в первый раз она пришла к Мису ночью, после визита Притчера. Перед этим супружеская пара вела спор. Они торговались, как на ярмарке, только ярмарка была невеселая...

– Торан, давай скажем Эблингу, – предложила Байта.

– Думаешь, он может нам помочь? – буркнул Торан.

– Нас только двое! Нужно поделиться тем грузом, который свалился на нас. Может быть, он, правда, сможет помочь!

Торан задумчиво проговорил:

– Он так изменился. Отощал – кожа да кости. Легкий, как перышко, как былинка... Порой мне кажется, что он уже никогда и ничем не сможет нам помочь.

– Перестань! – крикнула Байта, и голос у нее едва не сорвался. – Тори, перестань! Когда ты говоришь так, мне кажется, что Мул уже заполучил нас! Давай скажем Эблингу, Тори, сейчас!

...Эблинг Мис оторвал голову от длинного, заваленного бумагами и фильмокопиями стола и подслеповато уставился на них. Его редкие волосы спутались, губы двигались с трудом.

– А? – спросил он. – Кому я нужен?

Байта встала на колени.

– Мы разбудили вас? Нам уйти?

– Уйти? Кто вы? Байта, это ты? Нет, нет, останься! А что, стульев разве нет? Вроде бы были, я видел...

Он рассеянно махнул рукой. Торан подкатил два стула. Байта села и взяла психолога за руку. Рука его была вялая, ослабевшая.

– Можно поговорить с вами, доктор?

Чуть ли не впервые она обратилась к нему, назвав его ученую степень.

– Что-то стряслось?

В отсутствующем взгляде старого ученого вспыхнула слабая искорка оживления. Обвисшие щеки тронул легкий румянец.

– Что случилось?

– Здесь был капитан Притчер, – ответила Байта. – Тори! Давай я буду говорить, ладно? Вы помните капитана Притчера, доктор?

– Да... Да. Высокий такой. Демократ.

– Да, он. Он разгадал тайну мутации Мула. Он был здесь, доктор, и рассказал нам все.

– В этом нет ничего удивительного и нового. Мутация Мула известна мне. – Он

удивленно воскликнул: – А разве я не говорил вам? Неужели я забыл вам сказать?

– Что вы забыли нам сказать? – резко спросил Торам.

– Ну, конечно, о тайне мутации Мула! Он управляет эмоциями. Эмоциональный контроль! И я не говорил вам? Как же я мог забыть? Почему я забыл?

Он закусил губу и задумался. Молчал он довольно долго, потом заговорил снова. В голос его возвращалась жизнь, глаза широко раскрылись, как будто разболтанная колесница его мыслей наконец въехала в единственно верную колею. Но говорил он, как во сне, не глядя на своих собеседников.

– На самом деле все очень просто. Для этого даже не нужны специальные знания. Психоисторическая математика, конечно, значительно облегчает задачу – достаточно было решить уравнение третьего порядка. Ну, это ладно... Это можно описать простыми словами... грубо, приблизительно... но все будет понятно, что, кстати, не так уж часто встречается при описании психоисторических феноменов.

Спросите себя: что может нарушить тщательно продуманную Гэри Селдоном схему исторического развития? А? – Он переводил взгляд с Байты на Торана, все больше и больше оживляясь. – Каковы были первоначальные допущения в теории Селдона? Во-первых, они заключались в том, что никаких фундаментальных изменений в человеческом сообществе в течение ближайшего тысячелетия не произойдет. Например, представьте себе, что произошли бы радикальные изменения в галактической технологии – типа открытия принципиально нового источника энергии или коренной модификации электронной нейробиологии? Социальные изменения, последовавшие за этим, сделали бы основополагающие уравнения Селдона бессмысленными. Но этого не произошло.

Или представьте себе, что где-то за пределами Академии было разработано новое оружие, способное противостоять всей мощи вооруженной Академии. Это также могло бы вызвать серьезное отклонение в схеме, хотя и с меньшей вероятностью, чем в первом случае. Но и этого не произошло. Муловский депрессор ядерного поля оказался неуклюжей самоделкой, ему можно было сопротивляться. Это было, кстати, единственное примененное им технологическое новшество, да и то, как видите, несуразное.

Но было и второе допущение, гораздо более уязвимое. Селдон предположил, что реакции людей на стимулы различного рода будут оставаться неизменными. Если признать, что первое допущение не может быть нарушено, значит, может быть нарушено второе! Некий фактор должен был перевернуть, дезорганизовать человеческие эмоции, иначе Селдон бы не проиграл и Академия бы не пала. Какой мог быть другой фактор, кроме Мула? Ну, прав я или нет? Есть изъян в моих рассуждениях?

Байта нежно погладила высохшую руку Миса.

– Вы правы, Эблинг.

Мис обрадовался, как ребенок.

– Ну вот! И это, и многое другое оказалось так просто! Говорю вам, я иногда поражаюсь тому, что происходит у меня в голове! Когда-то все казалось таким туманным, таинственным, а теперь все так ясно! Никаких вопросов! Как только возникает какая-то проблема, она тут же сама собой разрешается у меня в мозгу, и я все отчетливо вижу и понимаю. Догадки, идеи так и рвутся наружу. Внутри меня что-то движется, все вперед... и вперед... так, что я не могу остановиться... и не хочу ни спать... ни есть... только вперед... и вперед... и вперед...

Голос его перешел в свистящий шепот. Он коснулся лба иссохшей, покрытой синей сеткой вен рукой. Глаза его подернулись дымкой. Огонь в них погас. Он тихо проговорил:

– Значит, я так и не сказал вам, в чем состоит сила Мула? Но откуда же... Ты, кажется, сказала, что вы знаете об этом?

– Я говорила про капитана Притчера, Эблинг, – проговорила Байта. – Помните?

– Это он вам сказал? А... как он узнал об этом?

– Он был обработан Мулом. Он теперь полковник и служит у Мула. Он приходил, чтобы посоветовать нам сдаться Мулу, и сказал нам... ну, в общем, то же самое, что сказали вы.

– Значит, Мул знает, где мы? Мне нужно спешить... Где Магнifico? Его нет с вами?

– Магнифико спит, – сказал Торан. – Уже далеко за полночь.

– Вот как? А я? Я спал, когда вы вошли?

– Да, вы спали, – уверенно заявила Байта. – Но работать вы больше не будете. Немедленно в постель! Пойдемте. Тори, помоги мне. А вы перестаньте меня отпихивать, Эблинг! Еще ваше счастье, что я не заставляю вас пойти под душ. Сними с него туфли, Тори. А завтра придешь к нему с утра и выведешь его на воздух, пока он совсем не растаял. Да вы на себя в зеркало посмотрите, Эблинг. Вы только что паутиной не заросли. Есть хотите?

Эблинг Мис покачал головой и рассеянно поглядел на Байту, приподнявшись на кушетке.

– Попросите Магнифико спуститься ко мне завтра.

Подоткнув одеяло, Байта твердо заявила:

– Завтра, мой дорогой, к вам приду я и принесу чистое белье. Примете хорошую ванну, а потом выйдете на солнышко, сходите на ферму.

– Я не могу, – еле слышно отозвался Мис. – Слышите? Мне нужно торопиться!

Его редкие седые волосы рассыпались по подушке серебряной короной. Заговорщическим шепотом он спросил:

– Вы хотите найти эту... Вторую Академию, правда же?

Торан резко обернулся, подошел и сел на кушетку рядом со стариком.

– Что насчет Второй Академии, Эблинг?

Психолог выпростал руку из-под одеяла, слабыми пальцами прикоснулся к рукаву куртки Торана.

– Академии были созданы по решению Психологического Симпозиума под председательством Гэри Селдона. Торан, я нашел материалы этого Симпозиума. Целых двадцать пять фильмов. Я просмотрел все варианты.

– Ну и?

– Ну, знаете, по ним легко найти точное место расположения Первой Академии, если вы хоть немного знакомы с психоисторией. Так же легко его вычислить путем математических уравнений. Но, Торан, никакого намека на Вторую Академию. Никакого упоминания.

– Не упоминается?

– Конечно, упоминается! – сердито закричал Мис. – Кто сказал, что нет?! Но очень мало! И важность ее – а все говорит за это – более скрыта, завуалирована. Неужели не понимаете? Более значительная роль отводится Второй Академии. В переломный момент, момент, который рассчитан. Все это я узнал из протоколов Селдоновского Симпозиума. Так что – Мул пока еще не победил...

Байта молча выключила свет.

– Спать, спать...

Супруги молча поднялись к себе.

...На следующий день Эблинг Мис принял ванну и переоделся, выбрался наверх, поглядел на солнце Трентора, подышал его воздухом в последний раз. К концу дня он уже снова окопался в гигантских книгохранилищах библиотеки, чтобы больше никогда не выйти оттуда.

А наверху жизнь текла обычным чередом. Ночью в небе над Трентором можно было разглядеть яркую, спокойную звездочку – солнце Неотрентора. На ферме шел весенний сев. Территория Университета была безлюдна и молчалива. Казалось – так же безлюдна и пуста вся Галактика. Как будто никакого Мула нет и в помине.

Байта размышляла об этом, поглядывая на Торана который спокойно раскуривал сигару и поглядывал на небо.

– Прекрасный день, – проговорил он.

– Да, прекрасный. Ты в списке все проверил, Тори?

– Вроде бы все, что ты просила – полфунта масла, дюжина яиц, зеленая фасоль... – как будто все в порядке. Не волнуйся, Бай, все принесу.

– Хорошо, только смотри, чтобы овощи были свежие, а не музейные экспонаты. Кстати, тебе Магнифико не попадался на глаза?

– После завтрака я его не видел. Наверное, он внизу, у Эблинга, фильмы смотрит, как

обычно.

– Ладно. Ну, давай не теряй времени, мне яйца к обеду нужны.

Улыбнувшись и помахав рукой на прощание, Торан отправился в сторону фермы.

Как только он исчез из виду, Байта пошла в кухню, но, дойдя до двери, вернулась и пошла в сторону колоннады, ведущей к лифту, и спустилась в книгохранилище.

Эблинг Мис был там. Он прильнул к окуляру проектора как приклеенный. Рядом с ним сидел Магнифико, скрючившись на стуле, – сплошные локти и коленки. Венчал это коленчатое сооружение его знаменитый нос.

Байта шепотом окликнула его:

– Магнифико!

Паяц вскочил.

– Моя госпожа... – хрипло прошептал он.

– Магнифико, – ласково сказала Байта, – Торан ушел на ферму, а я кое о чем забыла его попросить. Будь хорошим мальчиком, отнеси ему записку, ладно? Я сейчас напишу.

– С радостью, моя госпожа! Я всегда так счастлив, когда могу оказать вам хоть небольшую услугу.

Байта и Эблинг Мис остались наедине. Байта твердо положила ладонь на плечо старого психолога.

– Эблинг...

Психолог вздрогнул и вскрикнул:

– Что? А, это ты, Байта? – проговорил он, часто моргая. – А где Магнифико?

– Я послала его по делу. Мне нужно поговорить с наедине. – В голосе ее звучала твердая настойчивость. – Я хочу поговорить с вами, Эблинг.

Психолог порывался вернуться к прерванному занятию, но рука Байты крепко сжимала его плечо. Господи, как же он исхудал. Пышнотелый старый задира истаял сак свечка за время их пребывания на Тренторе. Лицо его пожелтело, щеки обвисли, обросли щетиной трехдневной давности.

Байта спросила:

– А Магнифико вам не мешает, Эблинг? Он здесь торчит дни и ночи напролет.

– Нет, нет, нет! Совсем не мешает. Он сидит тихо, и совсем меня не беспокоит. Иногда приносит или уносит фильмокопии. Порой угадывает, что мне нужно, даже не спрашивая меня. Пусть он приходит.

– Хорошо... но, Эблинг, он вас не удивляет? Вы слышите меня, Эблинг? Он не удивляет вас?

Она придвинула стул и села поближе к ученому, чтобы прочесть ответ в его глазах. Эблинг Мис покачал головой.

– Нет. О чем ты?

– Вот о чем. И вы, и полковник Притчер говорили, что Мул может управлять человеческими эмоциями. Но вы в этом твердо уверены? Разве сам Магнифико не исключение из этого правила?

Ответа не последовало. Байта продолжала упорные попытки разговаривать с психологом.

– Что с вами происходит, Эблинг? Магнифико был шутком Мула. Почему же тот не запрограммировал его на любовь и преданность? Почему же он – единственный из всех, кто общался с Мулом – так ненавидит его?

– Но... но... нет, конечно, он тоже был обработан. Конечно, был, Бай!

Казалось, Эблинг сам себя старается убедить в том, что говорит.

– Ты что же, думаешь, что своего шута Мулу нужно было обрабатывать в том же духе, что и своих генералов? От последних ему нужна была только преданность и лояльность, а от шута ему был нужен только страх, разве тебе не приходило в голову, что постоянный страх Магнифико перед Мулом патологичен по природе. Разве естественно для нормального человека все время пребывать в таком состоянии? Это нелепо, комично. И, видимо, для Мула это было действительно смешно, но это ему было нужно для того чтобы потом извлечь известную пользу

из этого страха.

– Вы хотите сказать, что то, что говорит Магнифико о Муле, – неправда?

– Нет, он не лжет. Просто – так задумано. Чтобы повести по ложному следу. Ведь Мул – не сверхчеловек в плане физической силы, как думает Магнифико. За исключением своих фантастических психических способностей, он совершенно обычный человек. Но ему нравилось, ему было нужно казаться суперменом в глазах несчастного Магнифико.

Психолог пожал плечами.

– Вообще, все это не имеет теперь никакого значения.

– А что же имеет значение?

Но Мис высвободился и вернулся к проектору.

– Так что же имеет значение? – упорно повторяла Байта. – Вторая Академия?

Психолог неохотно глянул на нее.

– Я разве что-нибудь об этом говорил? По-моему, ничего не говорил. Я еще не готов. Что я вам говорил?

– Ничего, – резко ответила Байта. – О, Господи, ничего вы мне не говорили, но лучше бы сказали хоть что-нибудь, потому что Я... я так устала! Когда же это кончится!

Эблинга Мис тронул ее голос. Он погладил ее руку и тихо сказал:

– Ну, что ты, милая моя, я вовсе не хотел тебя расстраивать. Я теперь все на свете забываю. Забываю даже, кто мои друзья. Порой мне кажется, что я вообще никому об этом не должен говорить. Это нужно держать в тайне – от Мула, конечно, не от тебя, милая моя девочка. Прости меня.

Он вяло потрепал ее по плечу. Она спросила:

– И все-таки что же насчет Второй Академии?

Эблинг Мис инстинктивно перешел на шепот:

– Ты просто не представляешь себе, насколько старательно Гэри Селдон заметал следы! Все материалы Симпозиума еще месяц назад казались мне бессмысленной галиматьей. Пока меня внезапно не осенило. Но даже сейчас мне кажется... Дело в том, что материалы Симпозиума большей частью не содержат фактической информации, многое в них изложено настолько туманно... Мне не раз приходило в голову, что даже те, кто присутствовал на Симпозиуме, могли не догадываться, что именно Селдон имеет в виду. Иногда я думаю, что вообще он затеял весь этот Симпозиум как грандиозный спектакль и только он сам, один представлял себе структуру...

– Академий?

– Второй Академии! С нашей Академией все было просто. Но Вторая Академия для всех была только названием – не более. О ней упоминается в бумагах, но все разработки относительно нее упрятаны в такие математические дебри... Очень многое мне до сих пор непонятно, но за последнюю неделю отрывочные сведения в сочетании с моими догадками сформировались в более или менее определенную картину...

Академия номер один стала миром физиков. Она была задумана как место концентрации научной мысли умирающей Галактики и была помещена в условия, необходимые для того чтобы впоследствии дать науке новую жизнь. Психологи в состав поселения включены не были. Обычно это объясняют тем, что психоистория Селдона как раз и рассчитана на то, что ее законы выполняются более точно при отсутствии индивидуальной инициативы, когда люди не ведают, что творят, не догадываются о будущем, поэтому реагируют на создавшиеся ситуации естественно. Понимаешь, о чем я говорю, дорогая?

– Да, доктор.

– Тогда слушай внимательно. Академия номер два стала миром психологов. Зеркальным отражением нашего мира. Царицей наук там стала не физика, а психология. Понимаешь? – с триумфом победителя спросил он.

– Нет.

– Ну, что ты, Байта, подумай, пораскинь мозгами. Ты же умница! Гэри Селдон знал, что психоистория способна давать прогнозы с большой вероятностью, но не с полной

уверенностью. Всегда существовала определенная граница ошибок, и с течением времени протяженность этой границы растет в геометрической прогрессии. Селдон, понимая это, постарался этому противостоять, как мог. Подстраховался, так сказать. Наша Академия развивала науку крайне энергично. Она стала способна победить любую армию, противостоять любым вооружениям, противопоставить силу силе. Но что она могла поделать перед лицом психической атаки предпринятой Мулом?

– Это было предусмотрено как дело для психологов из Второй Академии! – взволнованно воскликнула Байта.

– Да, да, да! Безусловно!

– Но пока они ничего не предприняли!

– Откуда ты знаешь, что не предприняли?

Подумав, Байта согласилась:

– Не знаю. А у вас есть данные, что они что-то делают?

– Нет. Есть многое, о чем я не знаю. Вторая Академия, видимо, как и наша, не сразу стала такой, как есть сейчас. Мы медленно развивались, наращивали силу, вероятно – они тоже. Одному Богу ведомо, какова их сила сейчас. Достаточно ли они сильны, чтобы выступить против Мула? И главное – знают ли они о грозящей опасности? Есть ли у них мудрые руководители?

– Но если они развиваются по Плану Селдона, значит, Мул должен быть разбит Второй Академией!

Похудевшее лицо Миса напряглось в раздумье.

– Ты снова об этом... Видишь ли, я полагаю, что создание и развитие Второй Академии было гораздо более сложной задачей, чем затея с нашей. Вторая должна была быть более сложна по структуре, и не исключено, что процент ошибок в вероятности, связанный с ее развитием, мог оказаться выше. И если Вторая Академия не победит Мула, дело может оказаться плохо. Очень плохо. Смертельно плохо! Это будет означать конец человеческой расы, конец теперешнего человечества.

– Нет!

– Да! А если потомки Мула унаследуют его психическое могущество? Понимаешь? Номо sariens не выдержит конкуренции. Разовьется новая, доминантная раса – новая аристократия, которая превратит номо sariens в бессловесных рабов. Разве не так?

– Да, похоже, что так.

– И даже если по какой-то причине Мулу не удастся создать династию, он все равно успеет создать новую Империю, которую будет держать в повиновении единоличной властью. Она умрет только тогда, когда умрет он. После этого Галактика останется такой же, какой была до него, – только Академии перестанет существовать – Академии, вокруг которых могла бы сформироваться реальная, здоровая Империя. И конца этому ужасу видно не будет.

– Что же нам делать? Можем мы предупредить Вторую Академию?

– Мы обязаны это сделать, иначе они могут стать жертвой собственного неведения, а этим рисковать нельзя. Но я не вижу, как мы могли бы их предупредить.

– Не видите?

– Я не знаю, где они находятся. Они «на другом краю Галактики» – вот все, что мне известно, и выбирать надо из миллионов миров.

– Эблинг, неужели здесь ничего нет про это? – с отчаянием спросила Байта, показывая на стопки фильмокопий, которыми был завален стол.

– Нет. Ничего. Пока я не нашел. И эта таинственность тоже о чем-то говорит. Этому наверняка есть причина.

Глаза его стали задумчивы.

– А теперь оставь меня. Я и так потерял уйму времени, а его все меньше и меньше...

Он отвернулся и прильнул к окуляру проектора.

Вечером того же дня Торан, выслушав рассказ жены, сказал:

– Ты думаешь, он прав, Бай? Тебе не кажется, что он немного... – Смутившись, Торан

замолчал.

– Он в порядке, Тори. Он очень ослаб, я знаю. Конечно, он нездоров – исхудал, внешне переменялся. Я думаю, это оттого, что он совсем не бывает на воздухе. Но ты бы посмотрел, как он преображается, когда речь заходит о Муле, о Второй Академии. Глаза у него сразу становятся ясные, чистые, как небо. Он знает, о чем говорит, Я верю ему.

– Значит, есть надежда.

Слова Торана прозвучали наполовину вопросительно.

– Я... этого не поняла. Может быть. А может быть, нет. Я теперь всюду хожу с бластером.

В руке ее сверкнул небольшой пистолет.

– На всякий случай, Тори, на всякий случай...

– На какой случай?

Байта истерично рассмеялась.

Может быть, я тоже немного сошла с ума, как Эблинг Мис.

...А Эблингу Мису между тем оставалось жить всего семь дней. И они шли, эти семь дней, день за днем медленно и спокойно.

Торану казалось, что все кругом погрузилось в спячку. Тепло и тишина отдавали летаргией. Казалось, жизнь утратила всякое подобие действия и превратилась в тягучее, липкое море сна.

Мис окончательно окопался в хранилище, но его упорная деятельность не приносила никаких плодов. Во всяком случае, он никому ничего не сообщал. Ни Торан, ни Байта с ним не виделись. Только из уст Магнифико, суждениям которого они не привыкли особенно доверять, они узнавали о жизни старого ученого. Магнифико, в эти дни ставший против обыкновения необычайно молчаливым и задумчивым, ходил на цыпочках, приносил психологу еду и сидел рядом с ним дни и ночи напролет.

Байта все больше и больше уходила в себя. Куда девалась ее всегдашняя живость и самоуверенность! Все больше времени она проводила в одиночестве, погруженная в горькие раздумья.

Однажды Торан наткнулся на нее, когда она сидела в кресле и вертела в руках бластер. Заметив мужа, она быстро спрятала пистолет и вымученно улыбнулась.

– Что ты делаешь с бластером, Байта?

– Просто держу. Что, нельзя? Это преступление?

– Да ты просто можешь прострелить свою глупую головку!

– Значит, туда ей и дорога, раз глупая. Невелика потеря!

Супружество приучило Торана к тому, что спорить с женщинами, когда они в мрачном расположении духа, бесполезно. Он пожал плечами и ушел.

Настал последний день. В их комнату бет стука вбежал задыхающийся Магнифико. Он испуганно глядел на обоих супругов.

– Доктор зовет вас. Ему плохо.

Ему действительно было плохо. Он лежал на кушетке, глаза его были неестественно широко раскрыты и неестественно ярко горели. Он был неузнаваем – всклокоченный, грязный...

– Эблинг! – вскричала Байта.

– Дай мне сказать, – слабым голосом вымолвил психолог, с трудом опираясь на локоть. – Мне конец. Работу должны закончить вы. Я не делал заметок, листки с математическими расчетами я уничтожил. Никто не должен знать об этом. Все должно сохраняться только у вас в голове.

– Магнифико, – твердо приказала Байта, – иди наверх!

Паяц послушно поднялся и отступил назад, печально глядя на Миса. Мис жестом выразил свой протест.

– Не обязательно. Пусть останется. Останься, Магнифико.

Паяц поспешно сел. Байта смотрела в пол. Она до боли закусила губу.

Хриплым шепотом Мис выговорил:

– Я убежден: Вторая Академия может победить, если ее раньше времени не захватит Мул. Она сохранялась в тайне. Тайна должна быть сохранена. У этого есть цель. Вы должны отправиться туда. Ваша информация – вопрос жизни и смерти, от нее зависит все! Вы слышите меня?

Торан выкрикнул:

– Да, да! Скажите нам, как туда добраться, Эблинг? Где она?

– Сейчас скажу, – ответил слабый голос.

Но больше он ничего не сказал.

Байта, бледная как полотно, подняла бластер и выстрелила. Раздалось громовое эхо выстрела. Верхняя половина тела Эблинга Миса исчезла, как будто ее и не было, а в стене над кушеткой образовалась огромная сквозная дыра. С сухим стуком бластер упал на пол, выпав из онемевших пальцев Байты.

Глава двадцать шестая Конец поисков

Эхо выстрела прокатилось по дальним комнатам и затихло. На фоне затихающего звука раздался стук выпавшего из руки Байты бластера и визгливый вскрик Магнифико, заглушённый звериным ревом Торана.

Теперь, мгновение спустя, все молчали. Тишина была подобна агонии.

Голова Байты беспомощно упала на грудь. Блеснула скатившаяся по щеке слезинка. Байта не плакала с детства.

Все тело Торана сковал страшный спазм, он не в силах был пошевелить ни рукой, ни ногой, разжать стиснутые зубы. Лицо Магнифико стало подобно белой мертвенной маске.

Наконец Торан изменившимся до неузнаваемости голосом прохрипел:

– Значит, ты за Мула! Он достал тебя, обработал!

Байта подняла голову. Рот ее болезненно искривился.

– Я – за Мула? Ты шутишь. Смешно.

Она горько усмехнулась, отбросила волосы со лба. Постепенно к ней вернулся голос, похожий на обычный.

– Все копчено, Торан. Теперь я могу говорить. Сколько еще я проживу, я не знаю. Но теперь я могу говорить.

Напряжение, сковавшее Торана, отпустило его, уступив место страшному, непобедимому безразличию.

– О чем говорить, Бай? О чем теперь можно говорить?

– О несчастьях, которые преследовали нас. Мы говорили об этом, Тори. Разве ты не помнишь? Как беда все время ставила нам подножки, но так ни разу и сбила с ног? Мы были в Академии, и Академия пала. Независимые Торговцы продолжали сражаться, но мы успели вовремя улететь в Хейвен. Мы были в Хейвене, и Хейвен пол, а остальные продолжали сражаться – и снова мы успели вовремя улететь. Мы прилетели на Неотрентор, а теперь он, конечно же, захвачен Мулом.

Торан слушал и качал головой.

– Не понимаю...

– Тори, в нормальной жизни так не бывает! Ты и я – мы ведь люди маленькие. Мы не оказались бы втянутыми в водоворот политических событий, если бы только не таскали этот водоворот всюду за собой! Мы страдаем потому, что возим с собой источник инфекции! Теперь понимаешь?

Губы Торана были плотно сжаты. Он с ужасом смотрел на окровавленные останки того, кто несколько мгновений назад был таким родным и близким человеком, и взгляд его был полон тоски и отчаяния.

– Давай уйдем отсюда, Бай. Выйдем на воздух.

Небо затянули дождевые облака. Дул порывистый ветер, развевая темные волосы Байты.

Магнифико плелся позади и, по всей вероятности, не слышал, о чем они говорили.

Дома Торан сердито спросил:

– Так ты убила Эблинга Миса потому, что считала его источником инфекции?

Что-то во взгляде жены напугало его. Он прошептал:

– Он – Мул?

Сказал, и сам не поверил в то, что сказал.

Байта нервно рассмеялась.

– Бедный Эблинг – Мул? О, Господи, нет! Если бы он был Мулом, я бы не смогла убить его. Он бы узнал о моих намерениях и превратил бы мою ненависть в любовь, преданность, обожание, страх – во что угодно. Нет, я убила Эблинга не потому, что он был Мулом. Я убила его, потому что он знал, где находится Вторая Академия, и через две секунды он бы раскрыл Мулу эту тайну.

– Раскрыл Мулу эту тайну... – тупо повторил Торан. – Раскрыл бы Мулу...

Издав дикий вопль, он в ужасе обернулся, чтобы посмотреть на скорчившегося в углу паяца. Было непохоже, чтобы он понял что-то из сказанного.

– Ну, не Магнифико же... – прошептал Торан.

– Слушай, – тихо сказала Байта. – Ты помнишь, что произошло на Неотренторе? Ну, вспомни и подумай, Тори!

Но он мотал головой и что-то беззвучно бормотал.

Она устало продолжила:

– На Неотренторе умер человек. Умер человек, к которому никто не прикасался. Так? Магнифико играл на видеосоноре, и, когда кончил играть, крон-принц был мертв. Ну, разве не странно? Разве это не странно, что существо, которое боится всех и вся, совершенно беспомощное от этого страха, обладает способностью убивать, когда захочет?

– Музыка и световые эффекты, – пробормотал Торан, – оказывают сильное эмоциональное воздействие...

– Вот именно – эмоциональное воздействие! Очень сильное. Эмоциональное воздействие – это ведь из области способностей Мула! Ну, ладно, это, может быть, совпадение. Но все-таки существо, совершившее убийство, по определению, жутко боязливо. Допустим, его обработал Мул, возможно, все этим объясняется. Но, Торан, мне тоже немного перепало от той музыки, которая прикончила крон-принца. Совсем немного, но этого оказалось достаточно, чтобы меня охватило то самое чувство, которое я испытала в Склепе Селдона. То самое чувство отчаяния и безнадежности, которое потом я испытала в Хейвене.

Лицо Торана потемнело.

– Я тоже ощущал что-то подобное... Но я забыл. Я никогда не думал...

– Вот тогда я впервые догадалась. Это было смутное чувство – интуиция, если хочешь. Я об этом больше не думала. Потом Притчер рассказал нам о Муле, о том, какова природа его мутации, и мне сразу все стало ясно. Это Мул создал атмосферу отчаяния и паники в Склепе Селдона. Это Магнифико создал атмосферу отчаяния на Неотренторе. Это была одна и та же эмоция. Значит, Мул и Магнифико – один и тот же человек. Разве не логично, Тори? Разве это не как аксиома в геометрии – два отрезка, равные третьему, равны между собой?

Она была на грани истерики, но держалась из последних сил. Она продолжала:

– Догадка меня страшно напугала. Если Магнифико – Мул, думала я, значит, ему известны мои эмоции и он может использовать их для своих целей. Я старалась вести себя так, чтобы он ни о чем не догадывался. Я избегала его. К счастью, и он избегал меня. Гораздо больше меня его интересовал Эблинг Мис. Я решила, что убью Миса, прежде чем он успеет сказать главное. Я решила это втайне и хранила тайну как только могла – настолько, что самой себе старалась не признаваться. Если бы я могла убить самого Мула! Но я не могла рисковать. Он бы заметил, а тогда все бы пропало.

Она была совершенно измучена. Торан резко выпалил:

– Это невозможно! Ты только посмотри на это ничтожество! Он – Мул? Да он даже не слышит, о чем мы говорим!

Не глядя, он ткнул пальцем в тот угол, где сидел Магнифико. Но когда он туда посмотрел, то с ужасом увидел, что Магнифико выпрямился во весь рост, что глаза его смотрят сурово и смело. Он сказал совершенно спокойно и без всякого акцента:

– Я прекрасно слышал, что она сказала, мой друг. Просто сейчас я сидел и размышлял о том, как это я, при всем своем уме и способности все предвидеть, мог допустить роковую ошибку и так много потерять.

Торан в испуге откинулся на спинку кресла, как будто боялся, что сам паяц или его дыхание могут коснуться его.

Магнифико кивнул и ответил на незаданный вопрос:

– Я – Мул.

Он больше не был смешон – его скрюченные руки и ноги, его длинный нос стали скорее страшны, чем потешны. Он держался спокойно и уверенно.

Он великодушно проговорил:

– Сидите. Можете даже прилечь поудобнее. Игра окончена, и мне хотелось бы рассказать вам свою историю. Это моя слабость – желание, чтобы меня кто-то понял.

А глаза его, смотревшие на Байту, были прежние; мягкие, грустные карие глаза Магнифико-паяца.

– Не было ничего в моем детстве такого, – начал он, – что мне хотелось бы вспоминать. Может быть, вы сумеете это понять. Я был лишен возможности жить жизнью нормального здорового ребенка. Мать моя умерла, не успев взглянуть на меня. Кто мой отец, я не знаю. Я рос изгоем, с израненным и перевернутым сознанием, полным жалости к себе и ненависти к другим. Тогда меня считали страшным ребенком. Все избегали меня – большей частью из неприязни, но некоторые уже тогда боялись меня. Происходили странные случаи... но, впрочем, не стоит об этом. Главное, что этих случаев было достаточно для того, чтобы капитан Притчер сумел, копаясь в подробностях моего детства, прийти к выводу о том, что я – мутант. Справедливости ради скажу, что сам я об этом не догадывался лет до двадцати.

Торан и Байта, ошеломленные, слушали. Волна голоса Магнифико накатывала на них и разбивалась.

Паяц – нет, Мул – похаживал перед ними мелкими шажками из стороны в сторону.

– Само понимание моей необычайной силы пришло ко мне не сразу. Долго я не мог в это поверить. В конце концов я осознал, что разум человека для меня – как циферблат, стрелки на котором показывают на доминирующую эмоцию. Конечно, это не самый лучший образ, но иначе я не могу объяснить. Постепенно я понял, что умею проникать в чужое сознание и поворачивать стрелки в нужном направлении и удерживать их в этом положении, сколько мне вздумается, даже навсегда. Но понял я это опять-таки далеко не сразу. Другой бы, наверное, догадался быстрее.

Но, как бы то ни было, сознание собственной силы пришло ко мне, а с ним пришло желание отомстить за ничтожность моей прежней жизни. Может быть, вы сумеете это понять! Может быть, вы хотя бы попытаетесь это понять! Уродом быть нелегко – иметь разум, сердце, все понимать – и быть уродом. Смех и жестокость при одном взгляде на тебя! Ты – другой! Ты – чужой, посторонний, всегда посторонний! Вы этого никогда не чувствовали!

Магнифико поднял глаза к потолку, покачался с носка на пятку и продолжал свои воспоминания...

– Но, как бы то ни было, я узнал об этом и решил, что мы должны померяться силами с Галактикой. У нее были свои ходы, и я терпел это – двадцать два года! Но настала моя очередь сделать ход! У Галактики была солидная фора; я – один, а их – квадриллионы!

Он остановился, чтобы бросить взгляд на Байту.

– Но у меня было слабое место. Сам из себя, как личность, я ничего не представлял. Если я и мог добиться власти и могущества, то только за счет других людей. Успех приходил ко мне через посредников. Всегда! Все было именно так, как говорил Притчер. С помощью отпетого бандита я захватил свою первую базу на астероиде. С помощью одного промышленника я обосновался на первой из планет. С помощью целой вереницы других людей я добрался в конце

концов до диктатора Калгана, захватил сам Калган и стал обладателем флота. После этого была Академия как цель, И тут на сцене появились вы. Академия, – тихо проговорил он, – была самой трудной задачей, с какой мне когда-либо приходилось сталкиваться. Чтобы разбить ее, мне нужно было вывести из строя колоссальное количество людей из правящей верхушки. Я смог бы сделать это с самого начала, похитрее, но мог отыскаться прямой путь, и я искал его. В конце концов, даже если очень сильный человек способен разом поднять пятьсот фунтов веса, это вовсе не означает, что ему нравится без конца этим заниматься. Эмоциональная обработка людей – нелегкий труд, и я стараюсь к ней не прибегать, за исключением тех случаев, когда она действительно необходима.

Поэтому я подыскивал посредников для нападения на Академию.

Под видом собственного шута я искал агента или агентов из Академии, которые непременно должны были быть посланы в Калган для того, чтобы выяснить, кто я и что я. Теперь я понимаю, что встретить я должен был капитана Притчера. Но по воле капризной судьбы мне встретились вы. Я – телепат, но не до конца. А вы, моя госпожа, были из Академии. Это меня обмануло. Но оказалось не смертельно, поскольку Притчер к нам вскоре присоединился. Но ошибка была допущена в самом начале, и она-то и оказалась смертельной.

Торан впервые за все время рассказа подал голос.

– Постой! Ты хочешь сказать, что, когда я стоял там и распинался перед лейтенантом, вооруженный только Парализующим пистолетом, и защищал тебя, это было под воздействием эмоционального контроля! Ты хочешь сказать, что я уже тогда был обработан? – кричал Торан, брызгая слюной от ярости.

Тонкая улыбка скользнула по лицу Магнифико.

– А почему бы и нет? Выдумаете, это невозможно? Тогда спросите себя; разве вы стали бы рисковать жизнью ради уродца, которого до этого и в глаза-то не видели, будь вы в здравом уме? Догадываюсь, что по трезвому размышлению вы были сами немало удивлены своим тогдашним поведением.

– Да, – отозвалась Байта, – так оно и было. Это было совершенно очевидно.

– Как бы то ни было, – продолжал Мул, – Торан был вне опасности. У лейтенанта были четкие инструкции – не задерживать вас. Итак, мы втроем и капитан Притчер отправились в Академию, и – сами помните, как быстро завертелась там моя кампания. Когда капитана Притчера судил трибунал, на котором вы присутствовали, я упорно трудился. Военные судьи, которые вели этот процесс, позднее командовали эскадрами во время военных действий. Они быстро капитулировали, и мой флот выиграл сражение при Хорлеггоре и еще кое-какие сражения.

Через Притчера я познакомился с доктором Мисом, который принес мне видеосонор, полагая, что делает это по собственной инициативе, и тем самым неслезанно облегчил мне задачу. На самом деле, конечно, он сделал это вовсе не по собственной инициативе.

Байта прервала его:

– Эти концерты! А я все думала, к чему они! Теперь я понимаю!

– Да! – подтвердил Магнифико, – видеосонор действует, как фокусирующий инструмент. Сам по себе он представляет довольно-таки примитивное средство воздействия на чужие эмоции. Но с его помощью я могу воздействовать как на большое число людей одновременно, так и более интенсивно – на отдельных людей. Те концерты, которые я дал в Академии перед тем, как она капитулировала, и те, которые были даны в Хейвене перед тем, как он сдался, сделали значительный вклад в общее пораженческое настроение. Я мог бы здорово повредить здоровью принца на Неотренторе, но без видеосонора не смог бы его убить. Понимаете?

Но главной моей находкой был Эблинг Мис. Он мог бы...

Магнифико произнес последние слова с горечью, но, не договорив фразу до конца, продолжал:

– Существует особая мишень для эмоционального контроля, о существовании которой вы не догадываетесь. Интуиция, предвидение, озарение – называйте, как хотите – это свойство психики может наравне с эмоциями подвергаться обработке. По крайней мере, мне это удастся.

Вы не понимаете, о чем я говорю?

Ответа не последовало.

– Человеческий мозг работает весьма неэффективно. Обычно называют цифру: двадцать процентов от возможной потенции. Когда вдруг внезапно происходит то, что люди называют интуицией, озарением, ясновидением, в действительности мозг просто выдает то, на что он способен. Я давно понял, что умею индуцировать высокую работоспособность мозга в течение продолжительного времени. Это губительно для человека, подвергающегося такому воздействию, но очень эффективно для достижения моих целей. Депрессор ядерного поля, примененный в войне против Академии, явился результатом подобной обработки одного калганского инженера. Я снова работал через посредников.

Эблинг Мис был не просто мишенью. Он был десяткой. Его научный потенциал колоссален, и он был нужен мне. Еще до начала войны с Академией я послал агентов для переговоров с Империей. Уже тогда я начал собственные поиски Второй Академии. Естественно, я ее не нашел. Я знал, что должен отыскать ее – и помочь в этом мне мог только Эблинг Мис. Его разум, работающий с повышенной эффективностью, мог позволить ему продублировать работы самого Гэри Селдона.

Частично это ему удалось. Я довел его до последнего предела. Процесс обработки его мозга был безжалостным, но дело должно было быть доведено до конца. Он должен был скоро умереть, но он был еще жив...

Он снова не договорил.

– Он должен был прожить еще достаточно долго. Мы втроем должны были отправиться во Вторую Академию. Это был бы последний бой, и все было бы кончено, если бы не моя ошибка.

Торан сдавленным голосом спросил:

– Почему ты все время к этому возвращаешься? Что за ошибка? И давай кончай, надоело.

– Видите ли, дело в том, что ошибкой была ваша жена, Торан. Ваша жена оказалась необычным человеком. Я никогда в жизни не встречал никого, подобного ей. Я... Я... – Голос Магнифико сорвался. Он с трудом взял себя в руки и продолжал:

– Она любила меня, она жалела меня сама по себе, и мне не нужно было воздействовать на ее эмоции. Я ее не раздражал и не забавлял. Просто – она любила меня.

Неужели вы не понимаете? Неужели вы не видите, что это значило для меня? До сих пор никто... в общем, мне это было очень дорого. Собственные эмоции обманули меня, меня, бывшего хозяина чужих эмоций. Я не прикасался к ее разуму, к ее чувствам, понимаете? Я ее не трогал. Я дорожил настоящим чувством, слишком дорожил. Это и была моя ошибка, самая первая.

Вы, Торан, были под контролем. Вы никогда меня не подозревали, ничего у меня не выпытывали, не видели во мне ничего необычного. Как, например, в случае с «филианским» кораблем. Когда они нас остановили, они приняли меня на борт для того чтобы я обработал капитана Притчера, который содержался там под стражей. Кстати, они знали, где мы находимся, потому что я постоянно поддерживал связь со всеми своими генералами. Когда я ушел оттуда, капитан стал полковником, человеком Мула и командиром корабля. Все это происходило у вас на глазах, Торан. Однако вы приняли мое объяснение, хотя оно было насквозь порочно. Понимаете, что я имею в виду?

Торан скривился и спросил:

– А как это, интересно, вы поддерживали связь со своими генералами?

– Это было совсем нетрудно. Гиперволновой передатчик портативен и прост в обращении. Да и потом, выследить меня было невозможно! Если бы кто-то и застал меня за этим занятием, из его памяти был бы тут же вырезан кусок. Кстати, такое имело место.

На Неотренторе мои собственные чувства снова подвели меня. Байта не находилась под эмоциональным контролем, но даже она никогда бы ни в чем меня не заподозрила, если бы все не испортил крон-принц. Его намерения в отношении Байты возмутили меня. Я убил его. Это был идиотский поступок. Можно было попросту беспрепятственно улететь, как всегда.

И все-таки ваши подозрения не переросли бы в уверенность, если бы я помешал капитану, то есть полковнику Притчеру выболтать вам все, что он пришел сообщить вам из наилучших побуждений, или уделял больше внимания вам, а не Мису.

Он ссутулился, поежился...

– Ты закончил? – спросила Байта.

– Да.

– Ну, и что теперь?

– Я буду продолжать выполнение своего плана. Правда, вряд ли в эти сумасшедшие дни мне удастся отыскать кого-нибудь, кто был бы так же высокообразован и просвещен, как Эблинг Мис. Как бы то ни было, я намерен искать Вторую Академию. Но в каком-то смысле вы меня победили.

Байта встала и выпрямилась.

– В каком-то смысле? Мы победили тебя полностью, окончательно и бесповоротно. Все твои победы за пределами Академии гроша ломаного не стоят! Галактика теперь – варварская пустыня. Да и сама Академия – так себе победа, потому что не она избрана для того чтобы остановить спровоцированный тобой кризис. Вторая Академия – вот с кем тебе предстоит сразиться! Вторая Академия! И она победит тебя. У тебя был единственный шанс найти ее и напасть на нее, когда она не была бы к этому готова. Теперь это тебе не удастся. Сейчас, возможно, в эту самую минуту машина уже завертелась. И ты узнаешь об этом, когда ее колеса сотрут тебя в порошок и придет конец твоему краткому могуществу. Лопнет оно, как мыльный пузырь, и ты останешься в памяти людской разовым захватчиком, размазанным по кровавому лику истории!

Она тяжело дышала.

– Так что мы – Торан и я – победили тебя. И нам не жалко умереть.

Все было сказано. Но грустные карие глаза Мула были грустными глазами Магнифико-паяца.

– Я не стану убивать ни вас, ни вашего мужа. После всего, что случилось, вы не сможете сделать мне больше, чем сделали. Если я вас убью, Эблинга Миса я все равно не воскрешу. Мои ошибки – это мои ошибки, только мои, и я за них отвечаю перед собой. Ваш муж и вы свободны. Уходите с миром ради того, что я называю дружбой.

И добавил с некоторой гордостью:

– А пока я все-таки – Мул, самый могущественный человек в Галактике, и намерен победить Вторую Академию!

Тут Байта нанесла последний удар – твердо и уверенно.

– Нет. Тебе это не удастся. Я до сих пор не сомневаюсь в мудрости Селдона. Ты будешь последним властелином в своей династии – первым и последним!

Что-то перевернулось в Магнифико.

– В своей династии??! Да... я часто думал об этом. О том, что я мог бы основать династию. Что мог бы найти себе достойную пару...

Байта внезапно поняла, что означает горящий в его глазах алчный огонь, и похолодела.

Магнифико печально покачал головой.

– Я понимаю, чего вы испугались, но это глупо. Если бы все могло быть иначе, я очень легко сумел бы сделать вас счастливой. Это был бы искусственный экстаз, но он ничем не отличался бы от естественных эмоций. Но все, увы, так как есть, а не иначе. Я назвал себя Мулом – но вы прекрасно знаете, что никакой необыкновенной физической силы у меня нет. Дело не в этом.

Он ушел не оглянувшись.